
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01681605 0

Апокалипсическая секта.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Звенигородская, соб. д. № 30.
1912.

Rozanov, Vasily Vasil'evich

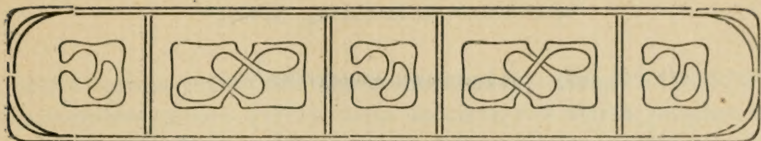
В. В. РОЗАНОВЪ.

Апокалипсическая секта

Apokalipsicheskaya sekta

(ХЛЫСТЫ И СКОПЦЫ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Звенигородская, соб. д. № 30.
1914

Мечта „духовныхъ христіанъ“

На воздушномъ океанѣ
Безъ руля и безъ вѣтрилъ
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры дивные свѣтилъ...

Лермонтовъ

I.

Уже въ началѣ XVIII вѣка св. Димитрій Ростовскій въ „Розыскѣ о Брынской вѣрѣ“ записалъ такое странное толкованіе Евангелія нѣкоторою частью имъ наблюдавшихся раскольниковъ: они говорили, напр., что въ извѣстномъ разсказѣ о бесѣдѣ Спасителя съ самарянкой „*дѣла не было*, а *притча есть*“. Именно, что „самарянымя“ — это *душа человѣческая*, „кладезь“—это *крещеніе*, „вода жива“ — *духъ святой*, „пять мужей“ — *пятеры Книги Моисеевы*“. Также точно Лазарева воскресенья *не было „въ дѣлѣ*“ (т. е. какъ *факта* его не было), но „*притча есть*“. „Лазарь-бо боляй толкуется: *умъ* нашъ, немощію человѣческою побѣждаемый. *Смерть* Лазарева—*грѣхи. Сестры* Лазаревы—*плоть* и *душа*; плоть—Мареа, душа—Марія. *Гробъ*—это *житейскія попеченія*. Камень на гробѣ—*окамененье сердечное*. Обвязанъ Лазарь *укроями—это пленицами духовными умъ связанный*. *Воскресеніе* Лазарево—*покаяніе* отъ грѣховъ“.

Вдумаемся въ этотъ отрывокъ, и мы замѣтимъ въ немъ поворотъ духовный, діаметрально противоположный направленію, въ которомъ шли „буквенники“, люди стараго обряда, „Исуса“ и „аллилуйи“. Факты, въ Евангеліи переданные, исторія спасенія рода человѣческаго, тамъ записанная,—какъ бы блѣднѣютъ здѣсь, затуманиваются передъ духовнымъ взоромъ читающихъ. Искупленіе, какъ *совершившійся* фактъ, какъ твердая опора *позади* насъ, изъ которой мы исходимъ, на *основаніи* которой лично каждый изъ насъ спасается,—не ярко ощущается. Пройдетъ немного времени, еще поколѣніе смѣнится,—и станетъ возможно понимать это искупленіе какъ *задачу*, какъ *работу* духа, какъ фактъ *продолжающійся теперь*, снискиваемый *собственными* нашими *усиліями*.

Что̀ такое Евангеліе, какъ не посохъ, на который мы опираемся, бродя и ища этого спасенія? Это—собраніе небесныхъ глаголовъ, святыя строки, подъ которыми мы должны разгадывать подлинную мысль Саваоѳа. Главное—объектъ спасенія, *я* самъ, моя грѣшная *душа*: объ этой *овцѣ погибающей* писано Евангеліе. *Вниманіе отходитъ отъ писанной книги Божіей*, оно скользитъ по ней какимъ-то боковымъ, разсѣяннымъ взглядомъ, и всею силой падаетъ внутрь другой, не писанной, а созданной *вещной книги Божіей—самого человѣка*. Вотъ—загадка! вотъ—книга, которая испорчена первороднымъ грѣхомъ, въ которой истинное сплетено съ ложнымъ, святое съ лукавымъ, свѣтъ съ тьмою; и правильный текстъ которой нужно и предстоитъ возстановить при помощи писанной Божіей книги, гдѣ нѣтъ лукавства! Такимъ образомъ, задача послѣ-Никоніанскихъ временъ, понятая „старовѣрчествомъ“ какъ *задача спасенія древнихъ книгъ и обряда*, древняго типа святости,—преобразившись и одухотворившись, выразилась здѣсь

какъ *задача* огромной *внутренней работы.* Въ слѣдующемъ духоборческомъ стихѣ ясно высказался этотъ *разрывъ съ преданіемъ,* это *отпаденіе отъ буквы,* неопредѣленность новыхъ наступившихъ блужданій:

Стечемся, братіе,
Во храмъ *нерукотворный*!
Поклонимся *духомъ*
Истинному Богу!

Онъ единъ услышитъ насъ,
Явитъ намъ *спасеніе,*
Проявитъ милость многу
На свое твореніе.

Возопіемъ, братіе,
Мы устами духа:
Услыши насъ, Господи,
Не затвори слуха!

Сотворивый разумомъ
Весь міръ, всю природу,
Даруй намъ, рабамъ твоимъ,
Вѣчную свободу!

Да внемлемъ словамъ Твоимъ
Разумнымъ слухомъ,
И летимъ къ Тебѣ, Боже,
Свободнымъ духомъ.

Да ищемъ въ премудрости
Мы Твоей *познанья;*
Не лиши рабовъ Твоихъ,
Боже, *упованья.*

Въ этомъ стихѣ мы ясно чувствуемъ потерянною почву Православія, почву церковнаго строительства, уже имѣвшаго мѣсто восемнадцать вѣковъ. Прекрасныя, благородныя усилія, которыя, мы ожидаемъ, оборвутся . . .

II.

Въ усиліяхъ, которыя человѣкъ дѣлаетъ къ спасенію, онъ *помогаетъ* дѣйствію надъ собой благодатныхъ силъ Божіихъ. Онъ долженъ *возбуждать* въ себѣ эти душевныя теченія, и искать для этого возбужденія *средствъ*, не пренебрегая даже физическими, еслибъ они нашлись; и, разъ возбужденныя, эти теченія движутся, какъ и благодатныя, *смѣшиваясь* съ ними, имъ родственныя, къ нимъ *близкія*. Вотъ точка отправленія „*Божіихъ людей*“, „*пророчествующихъ*“, генетически связанныхъ съ спокойными, созерцательными вѣтвями духоборчества, какъ *молоканство* [1]), которое удержалось на первоначальной неопредѣленно-общей ступени духоборческаго исканія. Самая узкая, но и вмѣстѣ страстно-глубокая вѣтвь духоборчества, порвавъ почти всякую связь съ христіанствомъ и только обнимая имя Іисусово, бросилась въ головокружительную бездну новаго религіознаго созиданія. Она потеряла границу между человѣческимъ и Божескимъ; Богъ пересталъ быть для этихъ людей „премірнымъ“ (терминъ отцовъ церкви александрійской школы); Онъ приблизился, Онъ обнялъ духъ человѣческій, встревоженный, взволнованный; и вотъ—„*пророчествующіе*“. Слова Іоиля: „и будетъ въ послѣдніе дни, глаголетъ Господь, излію отъ духа Моего на *всякую* плоть, и *прорекутъ сынове ваши и дщери*“,—они чувствуютъ, что эти слова сбылись, сбываются. Понятно слишкомъ,

---

[1]) Въ изслѣдованіяхъ, по порученію правительства сдѣланныхъ, не разъ указывается, что „есть какая-то связь между хлыстовщиной и молоканствомъ“. Но это связь психологическая, а не фактическая.

что наша завѣщанная древностью литургія, эта *фактическая* литургія, гдѣ все есть *установленное* дѣйствіе, и каждое дѣйствіе есть воспоминаніе *бывшаго* факта,—не могла бы ничего выразить у нихъ, перестала быть имъ нужною; также какъ перестали быть нужными и что-нибудь выражающими и формы нашей молитвы. Для насъ молитва есть *обращеніе* къ премірному Богу, это—моленіе, которое будетъ услышано или не услышано: мы остаемся при немъ пассивными или, по крайней мѣрѣ, въ страдательномъ положеніи; для нихъ—это *общеніе* съ Богомъ, это—сліяніе силъ своихъ съ Божескими, нѣкоторое состояніе экстаза, исполненное движенія. Отсюда—возникновеніе, естественное развитіе такъ называемыхъ „радѣній“, явленія столь невыразимо страннаго на нашъ взглядъ, у *Христовщины* (въ просторѣчіи называемой „хлыстовщиною“). „Радѣніе“—то же, что „работа“, трудъ, движеніе, въ религіозныхъ цѣляхъ совершаемое; „работа *Израилева*“, какъ называютъ эти радѣнія сами „хлысты“. Общины или „братства“ хлыстовскія, очевидно чувствуя странность своего положенія среди Православія, какъ бы смѣщенность свою съ его почвы, которую однако они продолжаютъ любить и чтить,—называютъ себя „кораблями“: характерное названіе, выражающее чувство разобщенія съ моремъ остальныхъ людей, среди котораго они одиноки не столько *въ вѣрѣ*, сколько въ *способахъ* вѣрить, думать, уповать, молиться, въ самомъ *методѣ* спасенія. На такъ называемыхъ „корабельныхъ радѣніяхъ“, т. е. *общихъ*, куда собирается *все* братство, всегда въ ночь передъ большимъ праздникомъ,—нашимъ *православнымъ праздникомъ*,—они послѣ торжественнаго пѣнія опять *нашего* православнаго канона: „*Богоотецъ убо Давидъ предъ сѣннымъ ковчегомъ скакаше, играя; людіи-же Божіи святіи образовъ сбытіе зряще*,

веселимся божественне“ (поется на Св. Пасхѣ)—уносятся въ вихрь головокружительной пляски. Удивительно наблюдать сочетаніе этихъ оборванныхъ кусковъ Православія съ потокомъ религіознаго конвульсіонерства, не имѣющаго ничего общаго ни съ одною христіанскою церковью,—эту память, которая лѣпится къ *своему прошлому историческому*, и, очевидно, не въ силахъ была противостоять новымъ порывамъ. Въ длинныхъ и широкихъ бѣлыхъ рубахахъ — символъ „убѣленныхъ одеждъ“, о которыхъ говорится въ XIV-й главѣ *Апокалипсиса*,—они прыгаютъ, трясутся, кружатся (неизмѣнно „пó-солонь“, какъ въ до-Никоновской церкви), кружатся тò въ-одиночку, тò „всѣмъ кораблемъ“, тò образуя фигуру круга, тò—креста, до изнеможенія, до полнаго упадка силъ, послѣ котораго „шатаются какъ мухи“. Безъ сомнѣнія, какъ всякое чувство въ насъ вызываетъ движеніе, такъ и обратно:—движенія, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя, особенныя, могутъ если не зародить, то усилить уже имѣющееся чувство, ускорить его темпъ и, слѣдовательно, напряженность. Круженіе, какъ средство довести до величайшаго напряженія религіозно-вакхическій экстазъ, было, вѣроятно, постепенно найдено, „открыто“ хлыстами, и нисколько не было заимствовано ими отъ мало-извѣстныхъ древнихъ сектъ. Таковы были „галлы“ и „корибанты“, буквально—„головотрясы“, въ позднюю греко-римскую эпоху; у римлянъ—коллегія жрецовъ „саліевъ“, то есть „скакуновъ“; и еще ранѣе подобныя же религіозныя пляски исполнялись въ древней Финикіи и Сиріи. Мы назвали это религіозно-*вакхическимъ* экстазомъ; дѣйствительно, родъ опьяненія испытывается ими при этомъ, какъ это простодушно выражается крестьянами-хлыстами: „то-то *пивушко-то*“, говорятъ они послѣ радѣнія, и поясняютъ постороннимъ:

„человѣкъ плотскими устами не пьетъ, а *пьянъ бываетъ*". Если мы вспомнимъ, что сущность ученія „христовщины“ есть аскетическое воздержаніе отъ мяса, вина и брачныхъ отношеній,—мы слишкомъ поймемъ необходимость и какъ бы невольность этихъ психическихъ опьяненій. Связь ихъ собственно съ „пророчествомъ“ ясна изъ того, что всякій, кому указываетъ наставникъ или кто самъ хочетъ „*стать на святой кругъ*“, то есть начать пророчествованіе передъ „кругомъ“ [1]) братьевъ и сестеръ,—предварительно непремѣнно кружится, очевидно возбуждая себя. Приведемъ, для характеристики ихъ религіозныхъ представленій, слѣдующую пѣсню хлыстовъ-скопцовъ:

Царство ты, Царство, духовное Царство!
Во тебѣ во Царствѣ—благодать великая:
Праведные люди въ тебѣ пребываютъ.
Они въ тебѣ живутъ и не унываютъ,
На Святаго Духа крѣпко уповаютъ.

. . . .

Въ томъ-ли во Царствѣ—сады превеликіе;
Въ тѣхъ-ли во садахъ—древа плодовитые.

. . . .

Растите-жъ вы, древушки, и не засыхайте,
Бѣлыми цвѣточками всегда расцвѣтайте;
Вы цвѣты цвѣтите до Царства Небеснаго.
Будьте вы, древушки, первые во садѣ;
Будьте во главѣ во Царствѣ Небесномъ,
Будьте вы любимы Отцу и Сыну,
Отцу и Сыну и Святому Духу!

[1]) То же, что „кругъ“, „рада“ у казаковъ; происхожденіе слова очевидно южно-русское. Можно высказать предположеніе, что какъ Кондратій Селивановъ, изобрѣтя скопческій актъ, сталъ „богомъ“ у нѣкоторой части хлыстовъ, такъ Данила Филипповичъ былъ обожествленъ *всею* сектой хлыстовъ собственно за *изобрѣтеніе опьяняющаго круженія*, положившаго начало ихъ сектѣ.

Кругъ, въ которомъ вертятся *Божіи люди*, они называютъ „*вертоградомъ*“, а составляющихъ его братьевъ и сестеръ—„вертоградными и садовыми *древами*“. Въ пѣснѣ образно представляютъ они себя и свое отношеніе къ Небесному Царству.

III.

Духоборчество закончилось въ скопчествѣ,—сектѣ, которая возникла въ 60-хъ годахъ XVIII-го вѣка среди хлыстовъ. Слишкомъ много сошлось теченій въ немъ, которыя всѣ подводили къ заключающейся въ этой сектѣ мысли, чтобы она могла не появиться, позднѣе или ранѣе. И прежде всего—*возвеличеніе человѣка*: средоточіе постоянныхъ восходящихъ и нисходящихъ религіозныхъ токовъ, вѣчно ожидающій на себя „изліянія Св. Духа“, предсказаннаго пророкомъ Іоилемъ и подтвержденнаго ап. Іаковомъ „всякой плоти въ послѣдніе дни“,—онъ могъ не только принять свои экстазы за подлинно бого-вдохновенные, но и почувствовать, что эта бого-вдохновенность *течетъ изъ него самого*, что *онъ самъ есть источникъ* Божескаго или близкаго къ Божескому. Отсюда странныя, невѣроятныя представленія, бродившія уже у Божіихъ людей еще въ срединѣ XVIII-го вѣка. Сходясь, они испытывали силу духа другъ друга; не забудемъ, что это совершалось въ средѣ простого крестьянства; и вотъ бывало, что среди люднаго собранія „корабля“ раздается ударъ по лицу: окровавленный „братъ“ не только удерживается отъ отвѣта, но и подставляетъ „другую ланиту“, исполняя точно слова Евангелія.

Чѣмъ бòльшее можетъ перенести *божій человѣкъ*—тѣмъ болѣе полонъ онъ божественныхъ силъ. Сшиблен-

ный съ ногъ, или слыша нестерпимую обиду въ словѣ, онъ молчитъ, чтобы на завтра имѣть возможность гордо сказать обидчику: „*Мой* Богъ больше“, то-есть „*во мнѣ больше*, чѣмъ въ тебѣ, *Бога*“. Иногда это выражалось даже въ словахъ: „*Я*—больше *Богъ*“.— „О, и куда-же *твой* Богъ великъ!“ сказала Селиванову, еще безвѣстному бродягѣ, одна „пророчица“ хлыстовскаго корабля, которая вступила съ нимъ въ родъ духовнаго состязанія и была побѣждена. Отсюда—необыкновенные знаки внѣшняго почитанія, какіе оказывали при встрѣчѣ другъ съ другомъ эти люди. „Братъ“, встрѣтивъ гдѣ-нибудь „брата“ или „сестру“,—если не было никого постороннихъ,—крестился и клалъ земной поклонъ „передъ образомъ и подобіемъ Божіимъ“. Представленіе о *богоподобности человѣка* было, такимъ образомъ, уже вполнѣ развито въ средѣ „*Божьихъ людей*“, откуда вышло скопчество; оно было вполнѣ тамъ привычно: они всѣ были маленькіе „божки“, и потому не были вовсе поражены, когда, затмевая ихъ, отметая ихъ „пророковъ“, среди ихъ поднялся „большой богъ“, самъ „Спаситель Іисусъ Христосъ“[1]). Далѣе—идея аскетическая, собственно скопческій актъ. Та „вѣчная свобода“, о „дарованіи“ которой просятъ духоборцы въ приведенномъ выше стихѣ, не имѣетъ ничего общаго съ именемъ свободы, которое употребляемъ мы. Ихъ „свобода“—это *свобода духа отъ тѣлесныхъ узъ*. Ради ея они „вертятся“, и тогда душа

[1]) Въ „Страдахъ“ Селиванова (родъ автобіографіи) можно видѣть, до чего скопческая мысль стала *тотчасъ понятна* хлыстамъ и вмѣстѣ *испугала* ихъ, до чего почувствовали они *беззащитность* свою противъ этого вывода изъ собственныхъ психологическихъ посылокъ. Они хотѣли его убить, его—искалѣченнаго „молчанку“; донесли на него властямъ; и, въ то же время, провозгласили его „богомъ надъ богами, пророкомъ, надъ пророками“.

воспаряетъ на крыльяхъ—они „пророчествуютъ“; но это—экстазъ, моментъ: онъ прошелъ, и душа снова въ узахъ тѣла. Естественно могла и должна быть возникнуть мысль о *длительномъ средствѣ* освободится отъ этой тягостной оболочки, отъ вѣчно язвящаго, кусающаго, *живого* грѣха, который мы носимъ въ своемъ тѣлѣ. И „радѣніе“— тоже физическое средство, уже найденное, могущественное,—оно тоже минутно. Внѣшнее искаженіе себя—оно близко, оно ходитъ около всякаго конвульсіонерства, если послѣднее есть средство, *усиліе* къ экстазу. Наконецъ, послѣдняя идея—вторично нужнаго и возможнаго „искупленія“. Мы уже сказали, какъ блѣдно, слабо духоборцы ощущали всякій *фактъ* и ярко чувствовали *надежду*. Вслѣдствіе этого вся Библія и Евангеліе освѣтились для нихъ, какъ одно великое пророчество, какъ зовъ или какъ прообразъ внутреннихъ духовныхъ отношеній въ человѣкѣ: *не было* бесѣды Іисуса съ Самарянкою „въ дѣлѣ“, *не было* вшествія Іисуса въ Іерусалимъ, воскресенія Лазаря, а были только—„*притчи*“. Итакъ, весь актъ искупленія, уже совершившійся, который они не смѣли отвергать, поблёкъ для нихъ въ себѣ самомъ, и отъ этого именно осыпался въ своихъ подробностяхъ. Имя Іисуса было постоянно на ихъ устахъ; всѣ собранія хлыстовъ открывались и до сихъ поръ открываются этою пѣснью:

Дай намъ, Господи, *къ намъ*
Іисуса Христа!

Отъ имени постоянно призываемаго Христа и, до извѣстной степени, отъ этой пѣсни, которой они придаютъ необыкновенный мистическій смыслъ [1]), они по-

[1]) Хлысты, равно какъ и скопцы, увѣрены, что эта пѣсня (довольно безсвязный наборъ словъ) есть *та самая* неповторимая ни

лучили самое имя „христовщины“. Но это—именно Іисусъ, о которомъ они говорятъ къ Богу: „дай!“ „дай!“ —неизслѣдимо *перенесшійся* изъ прошлаго *въ будущее*, изъ факта—*въ ожиданіе*: и это напряженное ожиданіе разрѣшилось.

IV.

Бракъ есть не только таинство, но величайшее изъ таинствъ. Рождаясь, умирая и, наконецъ, вступая въ брачную, то есть глубочайшую связь съ человѣкомъ и человѣчествомъ, каждый изъ насъ подходитъ *къ краю индивидуальнаго бытія* своего, онъ стоитъ на берегу неизслѣдимыхъ *основаній личнаго своего существованія*, понять которыхъ никогда не можетъ; и только инстинктивно, содрогаясь и благоговѣя, ищетъ освятить ихъ въ религіи. Вотъ почему не свята и не истинна всякая церковь, которая не понимаетъ этого акта именно какъ религіознаго таинства; и, наоборотъ, религія, церковь, секта настолько открываютъ свою содержательность, насколько глубоко и проникновенно смотрятъ на этотъ актъ. Скопчество, поэтому, есть отрицаніе всего священнаго; это есть *другой полюсъ* не только христіанства, но и *всѣхъ религій*. Нельзя достаточно отвергнуть, достаточно выразить отрицательныхъ чувствъ къ нему: все человѣчество, вся тварь Божія должны бы возстать на него и выбросить, какъ величайшее свое отрицаніе, какъ нѣкоторое nefas, одна мысль о которомъ приводитъ въ содроганіе. Оно должно быть сброшено именно

для кого пѣсня, которую, по *Апокалипсису*, поютъ старцы передъ престоломъ Божіимъ; они увѣряютъ, что кромѣ самихъ хлыстовъ (и скопцовъ) этой пѣсни пропѣть, *какъ нужно*, никто не можетъ,—и даже не можетъ всякій, уже вышедшій изъ ихъ секты.

какъ мысль, какъ представленіе, какъ возможность, и не только съ человѣка, но и со всякаго животнаго. *Скопить*—это *ругаться надъ природой*; и человѣкъ, какъ господинъ ея и покровитель, долженъ бы не только не допускать его въ себя, въ свой родъ, но и не допускать его *ни до чего живого*. Если вносимы были нѣкогда войны въ цѣляхъ уничтоженія невольничества, по простому чувству отвращенія къ нему, то насколько болѣе основаній внести оружіе для освобожденія странъ отъ этого беззаконія (восточные евнухи), передъ которымъ рабство есть сама святость и человѣколюбіе.

Тѣмъ ужаснѣе, что между 60-ми годами XVIII-го вѣка и 1832 г. оно разыгралось у насъ. Мы уже сказали, что оно представляетъ собою апогей духоборчества,—что всѣ теченія въ „христовщинѣ“ сошлись къ тому, чтобы произвести его. Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ *Посланія* основателя секты, изъ которыхъ ясно станетъ, что собственно скопческій актъ только заканчиваетъ *общія* духоборческія настроенія. Замѣтимъ, что „*лѣпостью*“ онъ называетъ плотское вожделѣніе, ясно разумѣя здѣсь не одинъ физіологическій процессъ, но всякое *влеченіе къ красотѣ*, все „прилѣпляющее“ къ себѣ человѣка; самое-же оскопленіе онъ называетъ „*чистотою*“.

...„Берите всѣ истиннаго отца вашего крѣпость, чтобы ни малѣйшая не одолѣла васъ слабость грѣха. *Многіе* отъ пагубнаго вожделѣнія *Учители—учительства, и Пророки—пророчества, Угодники и Подвижники—своихъ подвиговъ, лишились, не доходили до Царства Небеснаго*. Всѣ они лишились вѣчнаго блаженства, которое истинный вашъ Богъ Искупитель *обѣщалъ* любящимъ Его и *соблюдающимъ чистоту и дѣвство. Ибо единые дѣвственники предстоятъ*

у Престола Господня [1]), *а чистые сердцемъ зрятъ на Бога Отца лицомъ къ лицу* [2])... Чистота же есть отъ всякихъ слабостей удаленіе, какъ-то: въ началѣ—отъ женской лѣпости, а потомъ—отъ клеветы и зависти, отъ чести и тщеславія, отъ гордости и самолюбія, отъ лжи и празднословія; словомъ, чтобъ *отъ* всѣхъ *пороковъ и слабостей сердца* ваши *были чисты и совѣсть* ни въ чемъ *не* была-бы *замарана.* Имѣйте всегда передъ собой цѣломудріе; и оное состоитъ также не въ одномъ словѣ, но заключается въ немъ многое, а именно: дабы и *умъ* вашъ былъ отъ всего *освобожденъ* и на все *непоколебимъ,* во всякомъ случаѣ былъ-бы *цѣлъ и здоровъ,*—и ниже *сердце* свое занимать какою-либо видимою *суетой;* или умомъ и сердцемъ прилѣпляться къ тлѣнному богатству а равно и къ лѣпости... Преклоните головы и обратите сердечныя ваши очи внутрь себя, и разумѣйте: *какая польза именоваться Христіаниномъ, а жить крайне не христіански, отвернуться отъ міра и потомъ паки міру подра-*

---

[1]) Намекъ на начало 14-й главы *Апокалипсиса,* вообще образующей,—конечно, при ложномъ пониманіи,—закваску скопчества; мы приведемъ здѣсь эти важныя слова: „И взглянулъ я, и вотъ Агнецъ стоитъ на горѣ Сіонѣ, и съ Нимъ 144 тысячи, у которыхъ имя Его написано на челахъ. И услышалъ я голосъ съ неба, какъ шумъ отъ множества водъ и какъ звукъ сильнаго грома; и услышалъ голосъ какъ-бы гуслистовъ, играющихъ на гусляхъ своихъ: они поютъ какъ-бы новую пѣснь предъ Престоломъ и предъ четырьмя животными и старцами; и никто не могъ научиться сей пѣснѣ, кромѣ сихъ 144 тысячъ, искупленныхъ отъ земли. *Это тѣ, которые не осквернились съ женами, ибо они дѣвственники суть*: это тѣ, которые слѣдуютъ за Агнцемъ, куда-бы онъ ни пошелъ. *Они искуплены отъ людей, какъ первенцы Богу и Агнцу,* и въ устахъ ихъ нѣтъ лукавства: *они непорочны предъ Престоломъ Божіимъ*“.

[2]) Намекъ на заповѣдь блаженства въ Нагорной проповѣди Спасителя: „блаженни *чистые* сердцемъ, яко *тіи Бога узрятъ*“.

жать, и въ таковыхъ же слабостяхъ и неразумѣніи пребывать? О, страшно о таковыхъ изрещи, и утробушка моя болитъ о всѣхъ грѣшныхъ, что черезъ нерадѣніе и слабость лишаются вѣчнаго блага и вѣчнаго царствія... Предохраняю васъ отъ всѣхъ слабостей и лѣпости: отъ нея *и въ прежнія времена многіе тысячи праведныхъ душъ погибли, и великихъ Угодниковъ и Столпниковъ женская лѣпость свела въ муку вѣчную.* Еще прежде говорилъ вамъ и нынѣ напоминаю: не судите другъ друга, а единъ судья у васъ—Отецъ Искупитель; вы же между собой имѣйте любовь, совѣтъ и согласіе; плевелъ и клеветы другъ на друга не чините, а *каждаго покрывайте своею добродѣтелью. Ибо любовь многіе пороки покрываетъ* и на оной основана церковь Христова, а *безъ любви постъ и молитва и прочіе подвиги ничто же есть.* А посему призирайте сиротъ и питайте видимымъ хлѣбомъ; а паче призрите самого Господа *внутреннимъ болѣніемъ, слезами и воздержаніемъ*“...

Такъ писалъ эту въ своемъ родѣ *Крейцерову Сонату* также апостолъ чистоты и любви; онъ считалъ себя реформаторомъ, но только не обще-моральнымъ, а религіознымъ. Онъ ясно понималъ, что нѣчто *завершаетъ*, что достигъ того, что ранѣе его *не было никѣмъ достигнуто*; „благодать (т. е. *ученіе*) у нихъ чистая, да *плоти коварныя*“, говоритъ онъ о всѣхъ прежнихъ, до него бывшихъ, учителяхъ; и еще, въ другомъ мѣстѣ, опредѣленнѣе: „у старыхъ учителей и пророковъ *благодать была по поясъ, а я принесъ полную*“. Такъ этотъ тульскій мужикъ, села Столбова, Писаніе читавшій, но писать не разумѣвшій [1]), понималъ себя. Въ концѣ *Посланія* своего

[1]) *Посланія*, равно какъ и *Страды* (родъ автобіографіи) записаны учениками Селиванова съ его словъ, по безграмотности, но буквально.

во многихъ отношеніяхъ поразительнаго, онъ объективируетъ себя и чрезвычайно ясно характеризуетъ свою историческую роль, *какъ самъ ее понималъ*:

„По сырой землѣ странствуя, ходилъ и чистоту (*оскопленіе)* всѣмъ явилъ. На колокольню выходилъ и одною рукой во всѣ колокола звонилъ, а другою изобранныхъ своихъ дѣтушекъ манилъ и имъ говорилъ: „Подите, мои вѣрные, изобранные, со всѣхъ четырехъ сторонушекъ: идите на звонъ и на жалостный гласъ мой; выходите изъ темнаго лѣса, отъ лютыхъ звѣрей и отъ ядовитыхъ змѣй; бѣгите отъ своихъ отцовъ и матерей, отъ женъ и отъ дѣтей[1]). *Возьмите только однѣ души, плачущія въ тѣлѣ вашемъ!* А почто ты, человѣкъ, нейдешь на гласъ Сына Божія и не плачешься о грѣхахъ своихъ, Который толико лѣтъ зоветъ тебя отъ утробы матери твоей тѣлесной? И почто не ищешь душѣ своей Матери Небесной, которая воспитала-бы душу твою благодатью и довела-бы до Жениха Небеснаго? Онъ возводитъ съ земли на Небо, гдѣ ликуютъ души вѣрныя и праведныя, Преподобные и Мученики, Пророки и Пророчицы, Апостолы и Учители, наслаждаясь вѣчною радостью и зрѣніемъ Его красоты“.—На сей мой жалостный гласъ и колокольный звонъ нѣкоторые *стали отъ вѣчнаго сна пробуждаться, и головы изъ гробовъ поднимать, и изъ дна моря на верхъ всплывать, и изъ лѣсу ко мнѣ выходить*“.

V.

Онъ понялъ себя „Искупителемъ“; онъ понялъ, что „глава Змія“ вовсе еще не стерта „сѣменемъ Жены“,

---

[1]) Постоянный призывъ, вѣчный идеалъ *духоборчества*, „духовныхъ христіанъ“, хлыстовъ и скопцовъ, во-исполненіе зова Спасителя: „*оставьте отца и матерь, и слѣдуйте за Мною*“.

какъ обѣщано было павшему человѣку отъ Бога; что и теперь, какъ всегда, жало грѣха язвитъ человѣка „въ пяту“, и безсильно онъ „поражаетъ его въ голову“. *Благодать ученія есть, а благодати факта нѣтъ. Онъ принесъ самый фактъ*: онъ совершилъ вторую и труднѣйшую половину искупленія, и также запечатлѣлъ это своею кровью. Слова Спасителя, иносказательно понимаемыя Церковью, ему представилось—поняты такъ по отсутствію мужественной правды: „Суть скопцы, иже изъ чрева матерня родишася тако; суть скопцы, иже скопишася отъ человѣкъ; и суть скопцы, *иже исказиша сами себе Царствія ради Небеснаго*“ (Матѳ. XIX, 12). Но можно отгадывать, что если эти слова послужили для него опорой, если на нихъ онъ утвердился, то *поманили* его не они. Въ сектѣ „пророчествующихъ“ завѣты и требованія какъ Библіи, такъ и Евангелія, вовсе не исполнялись твердо; и поэтому основателемъ скопческой ереси не было принято во вниманіе прямое повелѣніе Моисея: „да не входитъ каженникъ и скопецъ въ сонмъ Господень“ (*Второз.*, XXIII, 1). Все манящее, все значущее заключалось для „Божьихъ людей“ въ пророчествахъ; и вотъ, безъ сомнѣнія, чудный заключительный образъ *Апокалипсиса*, гдѣ, послѣ Суда надъ міромъ, показываются 144 тысячи праведниковъ, „*искупленныхъ* отъ грѣха, *первенцевъ* Богу и Агнцу“, и поясняется о нихъ, что это—„тѣ, которые *съ женами не осквернились*, но сохранили *чистоту* дѣвства“,—этотъ зовущій образъ палъ язвительно и рано въ душу основателя новой секты. Слова этого видѣнія постоянно путаются въ рѣчи его, главнымъ образомъ въ большомъ *Посланіи*, гдѣ онъ изложилъ свое ученіе; и, внѣ сомнѣнія, истинное основаніе, *мотивъ* скопчества—въ немъ. Селивановъ въ точности былъ дѣвственникомъ, не физически, но *по самой структурѣ*

души; изъ всѣхъ идеаловъ христіанства,—любви, милосердія, незлобивости, — идеалъ *чистоты тѣлесной и не оскверненности воображенія* всего глубже поразилъ его. „Когда меня везли въ Иркутскъ, было у меня товару (*т. е. благодатнаго дара, особенной его „чистоты“*) за одной печатью; изъ Иркутска пришелъ въ Россію—вынесъ товару за тремя печатями“. Онъ трижды произвелъ надъ собой страшную операцію, всякій разъ чувствуя, что еще слѣдъ мысли и вожделѣнія остается въ немъ. Что-то страстное, почти *личное* чтò-то, есть въ его гнѣвѣ противъ *этой* формы грѣха. Онъ хочетъ „грѣхъ весь изодрать“: „раззорю на землѣ всю *лѣпость*“,—восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ *Страдъ*. Повидимому, мысль свою онъ считалъ неотразимо обоснованною; онъ не сомнѣвался въ присутствіи своего идеала у всѣхъ людей (онъ присущъ *всѣмъ* вѣтвямъ духоборчества), но видѣлъ, что всѣмъ имъ недостаетъ универсальнаго средства, которое вотъ, наконецъ, онъ „открылъ“. На это, т. е. на сознаніе могущества своей мысли, есть намеки въ автобіографическихъ *Страдахъ*: онъ передаетъ, не безъ радости чаянія, какъ, послѣ перваго ареста, солдаты, примкнувъ его штыками, говорили: *„Его убить-бы надо, да указу нѣтъ; не подходите близко—это великій прелестникъ: онъ и Царя обольститъ, недовольно что насъ“*.—„Называли меня *волхвою*, какъ и Христа іудеи“, добавляетъ онъ. Ему, тульскому темному мужику, собственная мысль—безъ сомнѣнія плодъ многолѣтнихъ размышленій и чтенія съ „отмѣтинами“ всего Писанія—представлялась волшебно-непобѣдимою, какъ нѣкоторая новая математическая формула. Привезенный изъ Иркутска въ Петербургъ по повелѣнію императора Павла, онъ, какъ только былъ представленъ ему, открылъ всю свою мысль и предложилъ принять „свое дѣло“ (т. е. оскопиться), за

что̀ немедленно былъ посаженъ въ сумасшедшій домъ. Но „прелесть“ открытія его уже поползла по землѣ; „искупленные отъ земли“ аполипсическіе человѣки, которыхъ было много и въ Петербургѣ, употребили всѣ усилія и добились для своего „Бога“, для „Батюшки-искупителя“—свободы. То, что мы читаемъ по документамъ, хранящимся въ архивѣ Петербургской Градской Полиціи, въ „дѣлахъ“ отъ 1801 по 1820 годъ, превосходитъ всякое вѣроятіе. Въ эпоху конгрессовъ, Сперанскаго и потомъ Аракчеева, когда не смѣла шевельнуться „не такъ“, „не по закону“, ни одна былинка, — въ Петербургѣ на глазахъ высшаго Правительства образуется общество и дѣятельно распространяетъ ученіе о „Сынѣ Божіемъ“, „Іисусѣ Христѣ“, „вторично сшедшемъ на землю Искупителѣ“, который есть вотъ этотъ сѣденькій столѣтній старичекъ, съ ласковымъ лицомъ и „необыкновенно нѣжнымъ взглядомъ“, передъ коимъ поются гимны, молитвы, — поются тысячными собраніями въ домѣ Солодовникова. Высшіе сановники, Кочубей, Голицынъ, Толстой, Милорадовичъ ведутъ секретную переписку объ „этомъ Старикѣ“, который *нигдѣ въ документахъ не названъ по имени*,—по какому-то безотчетному и основательному страху; посылается къ нему, „для нѣкотораго переговора“, директоръ департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, самъ позднѣе принявшій ученіе секты; еще посылаются чиновники для осмотра дома, гдѣ онъ жилъ; и едва, черезъ 20 лѣтъ, съ величайшими предосторожностями, въ виду все возрастающей численности общества, его виновникъ высылается въ Спасо-Евфиміевскій Суздальскій монастырь, съ секретнымъ наставленіемъ отъ митрополита петербургскаго Михаила настоятелю монастыря—„обходиться бережно и внимательно съ симъ начальникомъ секты, именующимъ себя и отъ

единомышленниковъ своихъ называемомъ Искупителемъ и Спасителемъ" (препровождено къ архимандриту Досиѳею при отношеніи министра Вн. Д. гр. Кочубея отъ 7-го іюля 1820 г. за № 140).

Одна изъ величайшихъ фантасмагорій нашей исторіи, можетъ быть—даже исторіи всемірной. Мы попытались дать ея психологію. Тутъ не было обмана [1]); былъ чудовищный самообманъ всего духоборчества. Нѣсколько словъ мы скажемъ и считаемъ *нужнымъ* сказать о логикѣ этой иллюзіи [2]).

---

[1]) Ни въ *Страдахъ*, ни въ *Посланіи* Селиванова нѣтъ даже намековъ о его царственномъ происхожденіи, и, очевидно, *эта* легенда возникла вокругъ него, но *шла не отъ него*. Она и обнаружилась впервые въ *Херсонской* губерніи, когда Селивановъ уже жилъ *въ Петербургѣ*.

[2]) При чтеніи *„Изслѣдованія о скопческой ереси"* Надеждина, а потомъ и самыхъ документовъ, главное *Страдъ* и *Посланія* Селиванова впечатлѣніе получается настолько сильное, что нѣкоторое время вамъ кажется, что вы читаете исторію какого-то нравственнаго „свѣтопреставленія", что̀-то апокалипсическое, чудовищное, невписуемое вовсе въ „гражданскую" и „политическую" исторію человѣчества выбрасывающееся изъ рамокъ всего этого. Нѣтъ сомнѣнія, бездна мощи и логики, но, главное--бездна *заблудившейся* совѣсти, положены въ основаніе секты. Чтобы судить о силѣ броженія, изъ коего вышла секта, достаточно упомянуть о „другѣ-наперсникѣ" Селиванова, Ал. Ив. Шиловѣ, который „произошелъ всѣ вѣры" и былъ перекрещенецъ, и во всѣхъ былъ учителемъ, а самъ говорилъ всѣмъ: *„Не истинна наша вѣра и постоять нé-за-что. О, если-бы нашелъ я истинную вѣру Христову, тó бы не пощадилъ своей плоти! Радъ бы головушку свою сложить и отдать бы плоть свою на мелкія части раздробить"!* Въ „математическомъ секретѣ" спасенія, какой „открылъ" Селивановъ, Шиловъ, наконецъ, нашелъ то, „за что̀ бы раздробить плоть свою". Характерно его восклицаніе, когда его озарила новая „благая вѣсть" *„Вотъ, кого̀ надо и кого̀ я ждалъ сорокъ лѣтъ--тóтъ и идетъ Ты-то* (то-есть Селивановъ)--*нашъ истинный свѣтъ, и про-*

VI.

Темная деревня, Селивановъ поднялся на грѣхъ какъ на медвѣдя съ рогатиной, со всею ея *силой*, но и со всей *неосмотрительностью*. Онъ забылъ о грѣхѣ *воспоминанія*, о грѣхѣ *представленій*—этомъ истинномъ грѣхѣ, противъ котораго не далъ средствъ, обрѣзавъ только *исполненіе*. И, далѣе—допустимъ это соображеніе неправильнымъ, допустимъ, что „чистота“ его освобождаетъ и духъ:—какая польза побѣдить *мертвый грѣхъ*? Гдѣ *заслуга* передъ Богомъ? Нужно восходить, усиливаться, побѣждать *живой* грѣхъ, вотъ *этотъ*, который кусаетъ, зжётъ, манитъ, а не тотъ, который *былъ* и его нѣтъ болѣе. Его „искупленіе“ есть какое-то *деревянное* искупленіе, мертвое, *безблагодатное*. Богъ не напрасно, *давъ благодать наученія*, *оставилъ въ тѣлѣ ниспаденіе долу*: „*усиливайся*, восходи, *снискивай* Царство Небесное“! Это—тернистый путь, это—узкая дверь, на которую Онъ ука-

---

свѣтилъ всю тьму, освѣтилъ всю вселенную, и тобою всѣ грѣшныя души просвѣтятся, и отъ грѣховныхъ узловъ развяжутся;—и тебѣ я съ крестомъ поклонюсь! Кто какъ хочетъ, а я тебя почитаю за Сына Божьяго“. Всѣ мысли объ *обманѣ* Селиванова должны быть безусловно оставлены. За исключеніемъ того, что онъ былъ еретикъ невѣжда,—онъ былъ безусловно праведный; то-есть, *если бы не заблудился*, онъ былъ-бы святой человѣкъ. И то, что безграмотный мужицкій мальчёнокъ, съ изумительнымъ и *истиннымъ* идеаломъ въ душѣ, не былъ взятъ своевременно въ семинарію и потомъ въ Академію—это несчастіе породило самую чудовищную на землѣ секту и вмѣстѣ лишило Православіе не только великаго подвижника святости, но, можетъ быть, и могущественнѣйшаго изъ *словесныхъ* учителей. Ибо его *Посланіе*, за исключеніемъ одного пункта помѣшательства, его чудовищнаго „изобрѣтенія“, есть въ точности *посланіе святого человѣка*, есть религіозный феноменъ *необыкновенной силы!*

залъ человѣку. Но оскопленные—какимъ путемъ они идутъ? гдѣ эта съуженность *существующихъ* у нихъ желаній? гдѣ терніи отреченія? Ихъ *ничто не соблазняетъ*,—и они также мало имѣютъ чистоты отреченія, какъ я отрекаясь отъ богатствъ Сіамскаго короля, которыя *мнѣ не принадлежатъ*. Они поклоняются, съ крестнымъ знаменіемъ, „образу Божію“ другъ въ другѣ: но зачѣмъ они *исказили* Его? Ихъ преступленіе противъ Бога страшнѣе, чѣмъ противъ человѣчества: ибо Богъ *далъ*, и Онъ же можетъ Единый отнять даже само-малѣйшую черту изъ своего „подобія“. Своимъ произволеніемъ они *сняли искусъ съ себя*; они выкинули *испытаніе пожизненное*,—для чего живутъ они?

Но, ясно видя логику фантома, мы должны проникать въ его *особую* психику. Совершенно ложно все, что пишетъ Надеждинъ („*Изслѣдованіе о скопческой ереси*, печатано въ 1845 г. по распоряженію Министра Вн. Д.“, перепечатано въ Лондонскомъ изданіи у Кельсіева, т. III) и что обычно предполагается о „скорбномъ чувствѣ членовъ этой секты“, о „мучительныхъ сожалѣніяхъ“, о духѣ пропаганды [1]), „вытекающемъ изъ чувства ихъ преступности“; грубо ошибочны также всѣ аналогіи ихъ съ *подъ-невольными* евнухами Востока. Они принимаютъ оскопленіе своею волей. Послѣ торжественнаго пѣнія „всѣмъ соборомъ“ тропаря пятидесятницы, *нашего* тропаря: „*Благословенъ еси Христе Боже нашъ, иже премудрые ловцы являй, и тѣмъ уловляй вселенную*“,—поступаю-

---

[1]) Пропаганда имѣетъ достаточное объясненіе въ числѣ 144 тысячъ „искупленныхъ отъ земли“ по Апокалипсису, восполнить которое усиливаются скопцы, и тогда ожидаютъ обѣщаннаго конца міра. Поэтому, по ихъ вѣрованію, оскопившій 12 человѣкъ, каковъ бы ни былъ въ другихъ грѣхахъ, уже заслужилъ Царство Небесное. См. у *Кельсіева*.

щій вновь „братъ“ произноситъ, держа въ рукахъ икону стараго письма, слѣдующія слова: „пришелъ я къ Тебѣ, Господи, *на истинный путь спасенія*—не по неволѣ, но по своему желанію, и обѣщаюсь про *дѣло сіе святое* никому не сказывать, ни царю, ни князю, ни отцу, ни матери, и готовъ принять гоненіе и мученіе, только *не повѣдать врагамъ тайны*“. Многочисленные, чисто *народные*, слѣдовательно безъ всякой придуманности, скопческіе стихи — всѣ въ грубо-*мажорномъ* тонѣ: восторгъ, побѣда—*легкая* побѣда, скажемъ мы,—слышится во всѣхъ ихъ! Они теперь, послѣ забытыхъ мученій минутной операціи,—

Чистые, *непорочные*,
Грѣхомъ тяжкімъ недоточные (*недоступные*),—

вознесенные надъ нашимъ уязвляемымъ міромъ, надъ грѣхомъ и проклятіемъ; въ своемъ родѣ—*по-ту-сторонніе* люди. „Твой конь *бѣлъ и смиренъ*“ (т. е. плоть очищена и укрощена), не безъ зависти сказала Селиванову, въ темную пору его скитаній, хлыстовская „пророчица“, первая объявившая его, въ опьяненіи удивленія, „богомъ надъ богами, царемъ надъ царями, пророкомъ надъ пророками“ (*Кельсіевъ*, т. III, приложенія). Такъ всѣ они чувствуютъ. Струя восторга слышится во всѣхъ ихъ писаніяхъ: „Христосъ Воскресъ! Христосъ Воскресъ! Христосъ Воскресъ!“ такъ начинаются всѣ *Посланія*, *Страды*, даже частныя ихъ письма. Любимыя пѣснопѣнія—Пасхальныя; ничего—заунывнаго; *полное господство идеи побѣды надъ грѣхомъ*. Страшенъ только порогъ переступанія въ эту *по ту-стороннюю* жизнь, только актъ рѣшенія. Вполнѣ трогательны и проникновенны слова „прощающагося“ съ „міромъ“ „новика“ передъ тѣмъ, какъ переступить этотъ порогъ: „Прости небо, прости земля, прости солнце, прости луна, простите

озера, рѣки и горы, простите *всѣ стихіи земныя*“ (*Кельсіевъ*, III, 139). Онъ знаетъ, что еще такимъ-же, *прежнимъ* взглядомъ, онъ уже не взглянетъ на эти стихіи; что перемѣнится *онъ* и перемѣнятся для него *онѣ*. Но вотъ, актъ совершенъ: *тотъ* міръ—остался позади, и въ *новомъ* мірѣ, на „радѣніи“, раздаются такія истинно вакханическія пѣсни:

Ужъ какъ царь Давидъ по садику (*то-есть братству ихъ*) гулялъ,
Я люблю, я люблю!
Онъ по садику гулялъ, во свои гусли игралъ,
Я люблю, я люблю!
Звонко въ гусли игралъ, царски пѣсни распѣвалъ,
Я люблю, я люблю!
Полно други спать, есть время возставать,
Я люблю, я люблю!
Еще есть время возстать, ключевой воды достать,
Я люблю, я люблю!
Я еще люблю Саваоѳа въ Небеси,
Я люблю, я люблю!
Я за то Его люблю:—небо землю сотворилъ,
Я люблю, я люблю!
Небо, землю сотворилъ, солнце, мѣсяцъ утвердилъ,
Я люблю, я люблю!
Солнце, мѣсяцъ утвердилъ, небо звѣздами украсилъ,
Я люблю, я люблю!
Небо звѣздами украсилъ, своимъ гласомъ прогласилъ,
Я люблю, я люблю! (*Кельсіевъ*, т. III, прилож. стр. 74).

Или еще слѣдующая, несомнѣнно поющаяся въ моментъ самого верченія, судя по ея смыслу и *тону*:

Ай, кто пиво варилъ,
Ай, кто затиралъ?
Варилъ пивушко Самъ Богъ,
Затиралъ Святой Духъ.
Сама Матушка сливала,
Вкупѣ съ Богомъ пребывала;

Святые Ангелы носили,
Херувимы разносили;
Херувимы разносили,
Серафимы подносили.
—Скажи жъ, Батюшка родной,
Скажи, Гость дорогой!
Отчего пиво не пьяно?
Али я гостямъ не рада?
Рада, Батюшка родной,
Рада, гость дорогой,
На святомъ кругу гулять,
Въ золоту трубу трубить;
Въ золоту трубу трубить,
Въ живогласну возносить!
Богу слава и держава
Во вѣки, аминь. (*Тамъ же*).

VII.

„За всѣмъ тѣмъ, при внезапномъ посѣщеніи домовъ, которые вовсе не считаются раскольничьими, замѣчены были очевидные признаки раскола, какъ-то: *лѣстовки* съ треугольниками, то-есть особаго рода четки; *подручники*, родъ подушечекъ, подкладываемыхъ при земныхъ поклонахъ подъ руки; *кадильницы*, мѣдныя и глиняныя, употребляемыя при домашнемъ молитвословіи; прибитые надъ воротами и разставленные въ избахъ на полкахъ *кресты осьмиконечные*, отъ 3 вершковъ до $1/2$ аршина и болѣе длиной, почти всѣ безъ титла і. н. ц. і., съ замѣняющею ее подписью іс҃ хс҃ сн҃ъ Бж҃ій, съ нерукотворнымъ вверху образомъ Спасителя вмѣсто изображенія Господа Саваоѳа, съ солнцемъ и луной на краяхъ большого поперечника; старинныя *иконы*; разныя *Апокалипсическія изображенія*, въ томъ числѣ пораженіе Антихриста на конѣ, въ воинской одеждѣ и каскѣ; над-

писи надъ дверьми съ изреченіями св. Отцовъ; безпрерывное повтореніе хозяевами при входѣ чиновника молитвы: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ*, частое повтореніе которой раскольники считаютъ достаточнымъ для спасенія и защиты себя отъ нечистой силы; чтеніе молитвъ по скитскому уставу, съ лѣстовкой въ рукѣ; и прочее т. п.“ (*Кильсіевъ*, IV, 3—4).

Такъ писалъ въ докладной *Запискѣ* своей Министру Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1852 г., нѣкоторый „ст. сов. Синицынъ“. И вотъ намъ почему-то думается, что сопоставивъ ту буйную религіозно-вакхическую пѣснь съ отрывкомъ изъ этой оффиціальной записки,—мы поймемъ многое. Тамъ—оскопленіе тѣлесное ради духа, здѣсь—скопчество духа ради покоя тѣлеснаго; забывъ уже Церковь,—тамъ уносятся въ буйное круженіе; здѣсь, не рожденные въ Церковь,—прикидывая аршинъ, „вымѣряютъ“ кресты, и „оффиціально“ записываютъ изображенія на его „поперечникѣ“. Два полюса, двѣ несоизмѣримыя величины, двѣ не ощущающія друга категоріи—вотъ нашъ *расколъ* и *мы*, ему противостоящіе.

Еще двѣ-три выписки изъ оффиціальныхъ документовъ, и все станетъ въ этомъ расколѣ до чрезвычайности ясно:

„Съ полученною отъ настоятеля запиской, бѣглый перекрещенецъ, гдѣ бы ни проходилъ по безпоповщинскимъ селеніямъ, *всюду снабжается пріютомъ и продовольствіемъ*“. (*Киселевъ*, II, стр. 113; изъ „Краткаго обозрѣнія расколовъ, ересей и сектъ“ *Липранди*).

Итакъ, вотъ—христіанское братство, взаимопомощь; а у *насъ*—homo homini lupus est. Взглянемъ на *бытъ*, какъ продуктъ этого нравственнаго строя:

„Природные Буковинскіе старовѣры („*липоваиы*“) вообще отличаются трудолюбіемъ, трезвостью и тихими, миролюбивыми нравами. Ихъ почти не слышно въ краѣ, хотя они всюду попадаются на глаза, рѣзко отличаясь отъ туземцевъ своею русскою физіономіей и русскимъ нарядомъ. Мнѣ довелось видѣть огромное сборище ихъ въ Сучавѣ, по случаю праздника Іоанна Сучавскаго, совершаемаго 24 іюня. Тутъ было ихъ до нѣсколькихъ сотъ обоего пола, и между тѣмъ я не замѣтилъ между ними ни пьянства, ни буйства, не слыхалъ даже шумныхъ, разгульныхъ пѣсней, обыкновенно сопровождающихъ праздничныя собранія русскаго простонародья. Туземные хозяева чрезвычайно дорожатъ ими, какъ работниками; а правительство не можетъ нахвалиться ихъ смирнымъ, спокойнымъ поведеніемъ. Со времени утвержденія владычества австрійскаго не было примѣра уголовныхъ преступленій и даже видимыхъ полицейскихъ безпорядковъ, въ которыхъ бы замѣшаны были липованы“ („*Кельсіевъ*, I, стр. 94; Записка Надеждина: „*О заграничныхъ раскольникахъ*“).

Расколъ есть восхожденіе къ идеалу, усиліе *къ лучшему* въ томъ самомъ *типѣ бытія и развитія*, въ которомъ находимся мы на очень низкой ступени:

„Не въ щепоти состоитъ дѣло“, учатъ послѣдователи Ефимія, основателя секты бѣгуновъ; „печать Антихриста, сіяющая на слугахъ антихристовыхъ, не значитъ щепотъ или крыжъ, но—*житіе*, согласное съ мыслью Антихриста, но—*подчиненіе* ему какъ Христу, но *исполненіе во имя* Христа—законовъ *въ духѣ* Антихриста; презрѣніе къ вѣрѣ при всемъ наружномъ къ ней уваженіи, порабощеніе Церкви, измѣна древнимъ обычаямъ“. (*Кельсіевъ*, VI, стр. 327; записка гр. Стенбока: „*Краткій взглядъ на причины быстраго распространенія раскола*“).

И, какъ общее этого слѣдствія,—вотъ взглядъ на расколъ православной народной среды:

„Распространено и утверждено въ простомъ народѣ повсемѣстно сильное предубѣжденіе, что раскольничья вѣра—святая, настоящая христіанская, что въ одной только этой вѣрѣ и можно спастись; и что вѣра Православная, или, по народному названію, *„вѣра по церкви“*, есть вѣра мірская, въ которой невозможно спастись среди трудовъ и суетъ житейскихъ. При входѣ въ крестьянскія избы, я часто былъ встрѣчаемъ словами: *„мы не христіане“*. На вопросъ: *„что же вы, нехристи?“* отвѣчали:—*„какъ же, мы во Христа вѣруемъ, но мы—по Церкви, люди мірскіе, суетные“*.—*„Такъ отчего же вы не христіане, если вѣруете во Христа?“*—*„Христіане тѣ,—что по старой вѣрѣ; они молятся не по нашему; а намъ некогда“*. (*Кельсіевъ*, IV, стр. 45—46; изъ *„Записки* ст. сов. *Синицына“*[1]).

Итакъ, вотъ подающаяся передъ расколомъ среда. Она подается съ сознаніемъ, что она—не идеалъ; уступаетъ какъ нисшая ступень *того же развитія* передъ высшей; склоняетъ передъ расколомъ голову, какъ обычный церковный приходъ передъ строго-уставнымъ монастыремъ.

---

[1]) Въ общемъ, при недостаткахъ *внѣшняго отношенія* къ религіи, оффиціальныя записки, перепечатанныя въ Лондонѣ Кельсіевымъ, составили бы, если бы были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе, великую честь для Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Никогда нельзя было предполагать, чтобы нашъ чиновный міръ былъ такъ дѣловитъ, серьезенъ и даже граждански мужественъ; факты, имъ собранные-громадны; онъ дѣйствительно *изучилъ* дѣло и не скрылъ отъ себя его трудности и даже неразрѣшимости; вовсе не скрываетъ даже продажности всѣхъ почти агентовъ своихъ. Все, въ чемъ мы готовы бы обвинить его—онъ знаетъ лучше насъ, и также болѣетъ объ этомъ, раздражается на это. Но *творчества*—нѣтъ; великаго *порыва* духа—не ищите. Все *знаетъ*, но ничего *не можетъ* (сдѣлать).

Есть затрудненія историческія, неразрѣшимыя ни для какихъ усилій искусства и ума, но разрѣшающіяся простымъ *честнымъ* взглядомъ на дѣло. Таковы были, въ началѣ XVI вѣка, затрудненія съ зарождающейся реформаціей; въ концѣ XVIII вѣка—съ готовящеюся революціей; вообще, всѣ явленія совѣсти или гдѣ *задѣта* совѣсть.

Актъ *увѣрованія*, субъективный актъ—доступенъ только субъективному же внутреннему акту, и, такъ сказать, не реагируетъ, не соотносится по несоизмѣримости ни съ какимъ внѣшнимъ актомъ, наружнымъ воздѣйствіемъ, на которое *не умѣетъ* отвѣчать иначе, какъ отрицательно, замыкаясь въ себя, противодѣйствуя, внутренно обособляясь, усиливаясь. Вотъ, пока, исторія нашихъ отношеній къ расколу, исторія нашихъ воздѣйствій на расколъ. Они всѣ вытекли изъ внѣшняго пониманія его, какъ какого-то чужого заблужденія, какъ заблужденія не только безспорнаго, ненужнаго, основаннаго на упрямствѣ, но и какъ заблужденія *чужихъ людей*, нѣкоторыхъ политическихъ и религіозныхъ „гоевъ“, „варваровъ“, „еретиковъ“.

Нужно подойти къ нему внутренно, субъективно,—это я назвалъ честнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Нужно понять въ немъ честное увѣрованіе, къ которому иначе, какъ съ честною же вѣрой, и подойти нельзя. Нужно признать его не внѣшнимъ для себя фактомъ, который предстоитъ побѣдить, а *своимъ* собственнымъ состояніемъ, состояніемъ *своей* Церкви, *своего* быта, *своего* государства, которые выбросили изъ себя такія двѣ вѣтви, какъ старовѣрчество—съ одной стороны, духоборство—съ другой. Не излѣчить *ихъ* нужно (мѣры правительства); тѣмъ менѣе—отсѣчь (требованіе раскола о религіозной

свободѣ на правахъ *иновѣрцевъ*); но—исцѣлѣть въ собственномъ организмѣ своемъ. И тогда эти вѣтви вберутся назадъ сами; ихъ силы возвратятся въ материнское лоно.

Мы указали раньше, что̀ знаменуетъ собою старовѣріе: необходимость намъ самимъ податься въ сторону древняго *типикона* [1]), праведнаго житія, въ сторону *уставности, преданія*;—благоговѣйнѣе понять букву. Пересмотръ клятвъ собора 1667 г., которыя соборомъ-же не сняты и потому лежатъ и на нашемъ единовѣріи, открывшемъ сверхъ сего еще какую-то странную *двy-церковность* вопреки Символу вѣры, повелѣвающему вѣровать въ „*Единую* соборную и Апостольскую Церковь“—этотъ соборный пересмотръ и вѣроятное снятіе клятвъ, внѣ всякаго сомнѣнія, возсоединитъ съ нами девять милліоновъ (въ 1853 году) поповщины и безпоповщины.

Теперь относительно духоборчества, какъ явленія болѣе психическаго, нежели только церковнаго. И здѣсь есть исцѣленіе. Духоборчество есть симптомъ, показующій и отрицающій великую *пассивность* всѣхъ нашихъ духовныхъ состояній,—пассивность, достигшую высокой степени уже къ концу московскаго періода нашей

---

[1]) Отъ коего, безъ всякой нужды, мы все далѣе и далѣе отступаемъ. Напримѣръ, такія явленія непониманія, какъ освѣщеніе Православныхъ храмовъ *мертвымъ* электрическимъ свѣтомъ, конечно могутъ только усилить расколъ. Свѣча, которую *я* ставлю передъ образомъ и молюсь о *моемъ* грѣхѣ,—храмъ, который освѣщается *ярче* или *тусклѣе* въ мѣру усердія къ нему прихожанъ, т.-е. какъ бы свѣтится ихъ *любовью* къ Богу, — развѣ это *возмѣщается* электричествомъ? Но оно имъ *вымѣщается, вытѣсняется*.

исторіи, но съ тѣхъ поръ все увеличивающуюся. Не выноситъ этого душа человѣческая. Мы начали очеркъ развитія этой вѣтви раскола съ противоположенія *видимостей* нашего историческаго и государственнаго бытія потаеннымъ его явленіемъ, и закончили извлеченіемъ изъ оффиціальной бумаги, гдѣ нѣкоторый внѣшній человѣкъ внѣшнимъ взглядомъ разсматриваетъ, считаетъ, мѣряетъ „признаки“ внутренняго акта вѣры, какъ бы не замѣчая и не понимая этого акта, во всякомъ случаѣ отвергая его. Невыносимо это для души человѣческой, и тогда она начинаетъ „вертѣться“—„по̀-солонь“ или даже „противъ солнца“; невыносимо, говоримъ мы: потому что природа души человѣческой есть *жизнь, акція, иниціатива*,—потому что душа есть Божія тайна, и именно тайна *творческая*. Между тѣмъ, у насъ все творчество, всякая иниціатива, акція отнята формами,—увы, оскопившимися духа формами! Что̀ оставлено бѣдному русскому человѣку, что̀ оставлялось ему эти послѣдніе два вѣка?.. „Шесть дней потрудись и на седьмой сходи къ обѣднѣ; вечеромъ напьешься чаю“. Этого мало, поистинѣ—этого мало! Мы,—композиторы, художники, писатели, насъ 1500—2000 человѣкъ,—не должны забывать о милліонахъ... Мы можемъ фантазировать, буйствовать, „вертѣться“ съ перомъ или кистью въ рукѣ,—но остальные? Имъ также нужно въ чемъ-нибудь, какъ-нибудь „вывертѣть“ свой духъ. Мы говоримъ съ ироніей, мы употребляемъ смѣшныя слова, но не избѣгаемъ этого, чтобы быть неотразимо понятными въ серьезной мысли: дайте *сотворить* человѣку,—иначе онъ умретъ или „завертится“. Но чтобы онъ не „вертѣлся“, чтобы онъ не *уродствовалъ*, — откройте ему для творчества *благородныя формы*. Мы знаемъ, государство руководится исключительно утилитарными понятія-

ми... И оно не замѣчаетъ необходимости великихъ этическихъ и эстетическихъ идей; однако-же, если безъ этихъ этическихъ и эстетическихъ идей въ цѣломъ жизнь умираетъ или уродуется, то *не есть-ли онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и утилитарныя идеи?* Итакъ, господствующая идея *удобства* въ трудѣ,—это господствующее и даже единственное понятіе артели плотниковъ, кладущихъ „аккуратно“ историческій срубъ, — должна податься передъ идеей художественною и нравственною. Мы говоримъ о художественной и нравственной идеѣ въ приложеніи къ государству, быту, вѣрѣ. Боже, кто же усомнится, что „ст. сов. Синицынъ“, „вымѣряющій“, въ силу инструкціи за № 262, въ раскольничьей моленной кресты, не есть въ государственной храминѣ продуктъ художественной идеи? Мы взяли подробность, и изъ билліоновъ такихъ подробностей состоитъ наша жизнь, наша исторія. Итакъ, если къ исторіи примѣнимы біологическіе термины, то мы скажемъ, что въ самое существо той „красной глины“, той физической массы, которую образуетъ тѣло народное, у насъ не былъ вдунутъ духъ никакимъ истиннымъ художникомъ; что, такъ-сказать, новая Россія зачата и рождена безъ всякаго истинно-творческаго, художественнаго или этическаго порыва.

Мы заговорили о такой глубокой и общей сторонѣ нашей исторіи, потому что лишь въ *ея свѣтѣ* становятся понятны и „мелочи“. Нельзя не замѣтить, что, изъ всего Петромъ Великимъ созданнаго, живуча и прекрасна, дѣятельна и народна вышла собственно только *армія*: въ нее имъ вдохнутый духъ не умеръ въ двухъ вѣкахъ. На *главный* мотивъ реформы Россіи—мотивъ *самосохраненія*—эта реформа и отвѣтила твердымъ, умѣлымъ „*да*“. Все остальное въ его реформѣ уже не творилось съ тѣмъ

же сознаніемъ нужды, съ тою же живостью, надеждами, страхомъ, съ *поэзіей* личныхъ усилій и ожиданій народныхъ,—не ковалось въ трудахъ и несчастіяхъ Великой сѣверной войны. И все остальное — большею частью плодъ подражательности — вяло, не имѣетъ цѣны, не имѣетъ завитаго въ себѣ *живого акта.* Петръ не настаивалъ уже на остальномъ; остальное—не главное въ его дѣлѣ; и оно подвергалось, тотчасъ по его смерти, безчисленнымъ передѣлкамъ, въ которыхъ народъ не принималъ никакого участія. Исторія едва знаетъ имена „передѣлывателей“; однако, одно имя даже и въ народѣ, кажется, не безызвѣстно. Остановимся на немъ: это—Сперанскій. Вотъ иниціаторъ, или скорѣе довершитель, а также и образецъ для безчисленныхъ позднѣйшихъ „творцовъ“, которые всѣ равно трудились надъ организаціей внѣшнихъ формъ нашего бытія, тѣхъ *видимостей*, которыя невольно вырисовываются въ умѣ, когда задумываешься надъ духоборчествомъ. Не онъ одинъ, но онъ во главѣ миріадъ аналогичныхъ лицъ, почти вовсе неизвѣстныхъ или полуизвѣстныхъ, и которыя по самому существу своему никогда не могли стать *славными, любимыми, народными*, которыя никогда не были людьми воинственнаго *поля*, народной *площади*, но только всегда мужами „чернильницы“ и „отношенія“,—онъ и всѣ эти люди какъ бы произвели нѣкоторый скопческій актъ надъ Россіей. Съ тѣхъ поръ, или, точнѣе, подъ вліяніемъ новаго *ихъ* метода, жизнь скрылась изъ Россіи. Гдѣ она? Какъ именно Россія существуетъ? Что̀ ей грозитъ? Чему она радуется? Мы узнае́мъ это все только изъ бюллетеней. И о религіозномъ, напримѣръ, бытіи Россіи не только мы ничего не знаемъ изъ фактовъ, въ которыхъ бы *соучаствовали*, но и самые документы объ этомъ бытіи можно выписать только изъ Лондона. Формы

замкнулись отъ Россіи, затаились въ своей дѣятельности отъ ея глаза; онѣ ей не довѣряютъ, ея не любятъ,—и онѣ изсякли въ духѣ. Россія изуродовалась, „завертѣлась“, *не имѣя достойныхъ формъ для своего духа.*

Мы снова возвращаемся къ духоборчеству, отъ котораго, повидимому, такъ далеко отошли. То „опьяненіе“, то „духовное пиво“, которое „человѣкъ плотскими устами не пьетъ, а пьянъ живетъ“ (см. выше),—это и есть *ирраціональная этическая и эстетическая идея.* Нужно *нѣкоторое сладкое опьяненіе человѣку.* Ной былъ праотецъ, но разъ и онъ былъ пьянъ, и четыре тысячелѣтія людскихъ поколѣній не видятъ въ этомъ грѣха. Только Хамъ осудилъ его, но онъ былъ Хамъ. Благословенно духовное „пиво“; благословенъ трудъ, забота, бережливость,—но болѣе благословененъ тотъ неясный безотчетный восторгъ, ради котораго человѣкъ говоритъ: „живу и *хочу* еще жить“. Здѣсь именно, въ эстетической и этической идеѣ—сѣмена жизни; и какъ всю жизнь мы считаемъ Божіей, то идеи, указанныя нами, какъ наиболѣе жизнетворящія, мы въ правѣ назвать *любимыми Божьими идеями.* Тутъ—sacrum sanctum исторіи. То, чего касаться человѣку не слѣдуетъ. И только—беречь, лелѣять; прислушиваться къ сердцу своему, есть ли въ немъ эти идеи. И, пока есть онѣ—обильно напоять ими жизнь.

Вотъ мысли, которыя, если-бы онѣ были изложены передъ Сперанскимъ, остались-бы въ высшей степени непонятны ему. Мы снова возвращаемся къ этому человѣку удивительныхъ талантовъ, удивительной судьбы, но совершенно не опредѣленнаго нашими историками значенія. Характерно самое происхожденіе его, изъ духовенства и семинаріи, т.-е. изъ сословія и шко-

лы, которыя, давъ длинную вереницу *методистовъ*-тружениковъ, не дали Россіи ни одного поэта, ни одного музыканта, ни одного живописца. Не столько въ составѣ своихъ убѣжденій, сколько въ свойствахъ своего темперамента, Сперанскій лишенъ былъ совершенно этической и эстетической идеи; и, вмѣстѣ, въ самомъ характерѣ онъ лишенъ былъ той глубины и непоколебимости, какой мы удивляемся, напр., въ митрополитѣ Филаретѣ. Все существо его было въ высшей степени риторическое; не даромъ единственный его литературный трудъ есть книжка „О правилахъ высшаго краснорѣчія“ (изд. въ Спб. въ 1846 г.); складъ ума трезво логическій, исключительно формальный; тусклое воображеніе; погасшія или, вѣрнѣе, не заложенныя въ натурѣ страсти... Характерно, что онъ былъ женатъ не на русской, а на нѣмкѣ—сочетаніе брачущихся, рѣдкое въ Россіи. При всѣхъ этихъ личныхъ данныхъ, онъ всего менѣе могъ стать Цезаремъ или Перикломъ нашего государственнаго строя. Совершенно напротивъ: осыпьте всѣми внѣшними дарами, всѣмъ внѣшнимъ величіемъ, блескомъ и знаменитостью, наконецъ,—дружбой монарха, но оставьте въ тайнѣ души, гдѣ-то глубоко запрятаннымъ, бѣдное, робкое сердце Акакія Акакіевича и узкую, скудную мысль Молчалина—и вы будете имѣть историческаго Сперанскаго. Все это отразилось на его трудѣ. Онъ создалъ для внутренняго употребленія Россіи какую-то политическую „хрію“, повидимому неопровержимую, но въ высшей степени безполезную, а главное—погашающую всякій порывъ и творчество, погашающую тѣмъ вѣрнѣе, что это творчество, видя передъ собой эту удобную форму, невольно входитъ въ нее и неизмѣнно въ ней погибаетъ. Съ его времени, по преимуществу, Россія обставилась департаментами и канцеля-

ріями — не какъ *необходимою записною книжкой*, куда живой дѣятель вноситъ свои предположенія, рѣшенія, разсчеты,—но именно *какъ самимъ дѣятелемъ*, рѣшителемъ, творцомъ. Съ тѣхъ поръ фабрики не успѣваютъ приготовлять чернила и бумагу; мы улучшаемъ *перомъ* земледѣліе, *перомъ* создаемъ промыслы, вводимъ въ отечество „расцвѣтъ образованности“, *на дѣлѣ* не имѣя ничего этого; и всему, что въ этой сферѣ готово бы само начаться, чрезвычайно мѣшая. Мы теоретизируемъ, планируемъ,—такъ же легко и, повидимому, правильно, какъ 16-лѣтній семинаристъ, когда онъ сидитъ надъ темой „о свойствахъ бытія Божія“. Россія закрылась канцелярскими формами и стала въ нихъ непроницаема для истины, неуязвима для сужденія, безпомощна въ работѣ, изящна и сокрушена, какъ Парисъ, вздумавшій однажды одѣть доспѣхи Гектора. Яснѣе станетъ значеніе Сперанскаго, если мы рядомъ съ нимъ поставимъ людей, къ которымъ невольно какъ-то привязывается любовь *народная* и историческая *слава*. Около его разсудительной фигуры и слыша его убѣдительную рѣчь, Суворовъ былъ-бы смѣшенъ, Орловъ стыдливо спряталъ-бы свои кулаки, Потемкинъ — свой „греческій проектъ“, на который онъ *любовался*; и, можетъ быть, сама Екатерина растеряно потупилась-бы. Но вотъ они *сдѣлали исторію*, а онъ только *говорилъ* и *писалъ*, и *научилъ насъ только говорить и писать*. Они, неправильные, ирраціональные,—они то̀ смѣшные, то̀ буйные, всегда страстные,—знали тайну духовнаго „пива“. Они были немножко поэтически опьянены, и отъ богатствъ духа своего напояли окружающую жизнь. Все было поэтично около нихъ, трудно и героично; люди умирали за нихъ и благословляли ихъ, отвѣдавъ „пива“. И имъ самимъ, опьяняющимъ сердца человѣческія тою

струйкой восторга, которая вилась изъ нихъ,—все было легко, исполнимо. „Удача, опять удача, тысяча удачъ — да дайте-же сколько-нибудь—и уму“, говорилъ Суворовъ обиженно: но люди справедливо не давали ничего „уму“, и все—„*удачѣ*“... „Удача“—богъ исторіи, богъ совершонныхъ, исполненныхъ дѣлъ, въ противоположность бездарному уроду—*неудачѣ*, этому бѣсу, преслѣдующему всѣхъ ограниченныхъ „умниковъ“. Мы снова возвращаемся къ расколу, и да проститъ читатель намъ эти перипетіи мысли, вызываемыя самимъ предметомъ. Есть едва замѣтное, только упомянутое, но любопытнѣйшее извѣстіе (оффиціальное) у *Кельсіева* (I, 183 стр.), что раскольники начали было тысячами [1]) переходить въ единовѣріе, когда мысль его была провозглашена *Потемкинымъ*, и этотъ переходъ остановился тотчасъ, какъ только, съ начала XIX вѣка, для него даны были „правила“.

[1]) Это такъ замѣчательно, что мы приведемъ буквально: „По ходатайству Потемкина-Таврическаго въ 1782 г. дозволено было, въ Новороссійскомъ краѣ, раскольникамъ свободное богослуженіе, и разрѣшено имъ имѣть своихъ поповъ. Это было *началомъ единовѣрія*, *правила* котораго были утверждены въ *1800 году*. Успѣхи единовѣрія не были значительны, и замѣчательно, что до 1800 года присоединеніе къ единовѣрію, *еще не организованному*, было несравненно сильнѣе, чѣмъ впослѣдствіи. Такъ, въ самомъ гнѣздѣ и разсадникѣ *поповщины*,—въ Нижегородской губ., тысячи человѣкъ приступили къ единовѣрію, и въ Черниговской губ., другомъ центрѣ раскола,—то же; но послѣ утвержденія въ 1800 году *правилъ* митрополита Платона, положившихъ *твердое основаніе этой церкви*, оно такихъ *успѣховъ не имѣло*“. (Изъ „*Записки о русскомъ расколѣ, составленной для В. К. Константина Николаевича*“—Мельникова). Между прочимъ „строго воспрещалось записываться въ единовѣріе тѣмъ, которые, будучи раскольниками, пишутся православными въ книгахъ, ведущихся священниками, а также и тѣмъ, которые по бумагамъ значатся православными; такихъ теперь около 9/10 всей массы раскольниковъ“. (Тамъ-же).

Дѣло имѣло успѣхъ, пока было *процессомъ*, и умерло, какъ только стало *формой*. Не было болѣе жизни въ немъ, *надежды*, чаянія; за нимъ не стоялъ человѣкъ, который могъ бы *понять*, *снизойти*, *простить*, *увѣровать*; но—„правило“, которое ничего болѣе не понимало. Живой актъ вѣры (у раскольниковъ) встрѣтило живое сердце (у насъ): и великое сліяніе началось, принципъ единства былъ найденъ. Но пришелъ „умъ“ и схитрилъ: онъ далъ раскольникамъ поповъ и не далъ архіерея, ибо дѣло было для ума не въ вѣрѣ, а *въ подчиненіи*; онъ сказалъ: „это—церковь, совершенно церковь, *какъ и наша*“, и шепнулъ *своимъ*, чтобы они „*не ходили* туда и тамъ *не причащались св. таинъ*“. Трусишка „умъ“ испугался, что всѣ православные тотчасъ перейдутъ въ единовѣріе,—или нѣтъ: онъ испугался не этого, а того, что произойдетъ какая-то путаница въ „вѣдомостяхъ“ православныхъ, единовѣрцевъ и раскольниковъ. И вдругъ раскольникамъ стало ясно, что все дѣло именно въ этихъ „вѣдомостяхъ“,—не въ сердцѣ и его вѣрѣ, до которыхъ дѣла нѣтъ,—а именно въ порядкѣ *документовъ*, въ красотѣ *отчета*, въ порядкѣ *вѣдомости*: до которой, въ свою очередь, имъ не было дѣла. И они отхлынули назадъ, а мальчишка „умъ“, этотъ глупый уродъ, кричитъ съ тѣхъ поръ, кричитъ вотъ уже 96 лѣтъ; „неудача, неудача, рѣшительная неудача!“—„не вижу никакихъ мѣръ, которыя могли-бы принести существенную пользу!“ (*гр. Стенбокъ*: „Взглядъ на причины быстраго распространенія раскола“, у *Кельсіева*, т. IV, стр. 342).

Нѣтъ, осталась еще мѣра: *исполнить* слова Псалма—„*сердце чисто созижди во мнѣ, Боже!*“...

Мы говоримъ, однако, не объ *единовѣріи*, этомъ неоригинальномъ подражаніи изобрѣтенію Антонія Пос-

севина, а объ „*Единой* Святой Соборной и Апостольской *Церкви*“ символа; мы говоримъ *не* о *компромиссѣ*, а о *сліяніи* на основѣ „чистаго сердца“. Не слѣдуетъ, однако, уже теперь забывать, что, возсоединивъ съ собой расколъ, *нужно его удержать*, *нужно предупредить расколы и отпаденія обратныя*. Нужно помнить объ оригинальномъ и огромномъ *движеніи*, которое испытала русская душа въ расколѣ, объ этой безднѣ *иниціативы*, *акціи*, суровой борьбы и *поэзіи*. Нельзя ожидать, чтобы, послѣ двухъ вѣковъ подобной жизни, она возвратилась къ той *пассивности всѣхъ отношеній*, которую и мы, послѣ двухъ вѣковъ привыканія, едва имѣемъ силы переносить. Все тó дѣятельное и живое, чтò есть въ расколѣ, то „духовное пиво“, которымъ онъ безформенно напоялъ до сихъ поръ христіанскую душу,—*это* должно быть бережно сохранено, должно быть взято нами, какъ сторона истинная въ немъ, и *разлито по всѣмъ формамъ нашего бытія*. Если вспомнимъ сказанное ранѣе о приближеніи къ древнему *типикону* житія, какъ средствѣ умиротворить „буквенниковъ“,—мы поймемъ въ цѣломъ реформу, намъ предстоящую: *ожить древнимъ духомъ*,—тѣмъ прекраснымъ духомъ, прототипъ котораго дала намъ еще Кіевская Русь. Возможно сдѣлать это при сохраненіи всей той крѣпости силъ, какую сумѣла создать Москва, и не отказываясь нисколько отъ правильныхъ сторонъ просвѣщенія, которое любить завѣщалъ великій Петръ. Все это можно соединить; все—слить въ *новую гармонію*, черезъ *живой актъ души*. Къ такому живому акту мы нудимся задачей раскола.

Вотъ почему, мы вѣримъ, язва его—„не въ смерть, но во исцѣленіе“; мы вѣримъ—Богъ не оставитъ Россію, и великій *художникъ ей будетъ данъ*.

1896 г.

Поѣздка къ хлыстамъ.

I.

Года два назадъ одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей по расколу и старообрядчеству, лицо вмѣстѣ съ тѣмъ оффиціальное, предложилъ мнѣ:

— А не хотите ли, В. В., поѣхать къ хлыстамъ?

„Вотъ какой хитрый", подумалъ я: „онъ меня самого подозрѣваетъ въ какомъ-то еретическомъ вздорѣ, чуть ли не въ хлыстовствѣ именно, и хочетъ провѣрить свои впечатлѣнія, сведя лицомъ къ лицу съ этими сектантами". И я насторожился. А вмѣстѣ съ тѣмъ любопытство увидѣть хлыстовъ, о которыхъ столько приходилось читать еще въ литературѣ 40-хъ годовъ и въ новѣйшихъ трудахъ, превозмогло во мнѣ надъ личной опасливостью. „Вѣдь это все равно какъ Левингстонъ, путешествовавшій къ верховьямъ Замбези. Въ такой-же мѣрѣ—новыя страны, новые люди, невѣроятныя понятія. И что мы о нихъ знаемъ иначе, чѣмъ черезъ книги? А въ книгахъ описаны впечатлѣнія или духовныхъ лицъ, т.-е. людей слишкомъ спеціальнаго образованія для того, чтобы они могли дать фотографію, а не карикатуру; или—чиновниковъ, т.-е. людей, которые прежде всего въ Бога не вѣрятъ, и потому лишены самаго органа воспріятія въ данной сферѣ.

Я сказалъ—„въ Бога не вѣрятъ“. Конечно, это слишкомъ крѣпко... Чиновники, сколько я ихъ знавалъ вообще, т.-е. многія сотни, почти тысячи людей, безъ какого-либо хотя единаго исключенія, „вѣрятъ“, но только по очень краткому катехизису: „есть тамъ что-то такое, о чемъ лучше не думать; а которые объ этомъ думаютъ—мѣшаются въ умѣ и называются еретиками“. Не забуду, какъ умиралъ учитель русскаго языка, лѣтъ 62—63, прекрасный семьянинъ, служившій, между прочимъ, еще при Муравьевѣ, любившій все русское и между прочимъ любившій духовенство. У его постели сидѣлъ я и учитель греческаго языка, молодой и образованный армянинъ. Всѣ трое были Московскаго университета, разныхъ эпохъ:

— Вотъ, В. В. и Сергѣй Иванычъ, я умираю. Слава Богу, дѣти всѣ обезпечены. Полная пенсія, да я послѣдніе годы и откладывалъ кой-что. Ихъ всего трое (дѣтей) и уже всѣ въ старшихъ классахъ. Мать у нихъ останется, еще не дряхлая. Учатся хорошо. Хорошія дѣти (всѣ были дѣйствительно хороши).

Мы выразили сожалѣніе. Сказали, что онъ не умираетъ еще:

— „Пустое. Вы успокаиваете меня. Нѣтъ, я умираю. Полное несвареніе желудка, и я въ сущности умираю отъ голода. Ничего не усваивается. Простудилъ сильно желудокъ, когда ѣздилъ по селамъ на ревизіи при Муравьевѣ (портретъ его висѣлъ надъ постелью умиравшаго). Лѣтъ двадцать прихварывалъ, а теперь—конецъ“.—Онъ посмотрѣлъ на желтыя, обтянутыя кожей, морщинистыя руки. Задумался.—„Говорятъ, тамъ безсмертіе души? Не вѣрю. Для народа,—ну, тому надо въ это для чего-то вѣрить, но образованному человѣку зачѣмъ себя обманывать? Я убѣжденъ и знаю, что

тамъ ничего нѣтъ, и меня нисколько это не тревожитъ, потому что я и потребности въ этомъ никакой не чувствую, а наука намъ говоритъ прямо, что это вздоръ. Жилъ я честно и жилъ не несчастно, хотя и въ трудахъ. Судить меня нé за что. Зла я ни къ кому не питаю. Пожилъ и надо умирать. Хозяинъ умеръ, домъ остался. Мой домъ устроенъ, чего мнѣ желать?"

Когда мы вышли, учитель-армянинъ схватилъ меня за руку:

— Но вѣдь это Сократъ?... Настоящій Сократъ!... И кто могъ думать, что такой замухрышка-учитель, что ни на есть человѣкъ 20-го числа, который и говорилъ-то все смѣясь и анекдотами, обнаружитъ вдругъ передъ лицомъ смерти такой покой?... и величіе!

И онъ долго волновался. Учитель умеръ черезъ 2 или $1^1/_2$ дня.

Или другой примѣръ. Въ городѣ разнеслась вѣсть, что добрый нашъ знакомый, нотаріусъ А., захворалъ, не принимаетъ пищи, а когда докторъ изслѣдовалъ его, то опредѣлилъ „суженіе пищевода", или, въ менѣе деликатной формѣ, ракъ пищевода. И вотъ встрѣчаю я его, идетъ съ горки мой сѣденькій старичекъ, такой благообразный весь, съ вѣчно ласковымъ лицомъ, теперь опавшимъ и потемнѣвшимъ. Весь городъ его чрезвычайно любилъ. Жму руку.

— Хвораете?

— Умираю.

Въ глубокомъ смущеніи я не нашелъ словъ. Онъ сталъ успокаивать меня.

— Какъ вамъ сказать... Вотъ вы смущаетесь, а я — ничего. Вѣдь хорошъ клубъ (онъ былъ чудный игрокъ въ карты). И люди пріятные, и игру любишь. И садъ

вокругъ,—соловьи (лѣтомъ играли въ клубномъ большомъ саду). А пробьетъ два часа ночи, встанешь: надо идти домой. Такъ и жизнь. Она хороша, но пришелъ свой часъ: и надо ее оставить.

Клубъ онъ, бѣдный, такъ любилъ, что бывало на Страстной недѣлѣ, когда игры не было, и сторожилъ его только сонный сторожъ,—онъ все-таки придетъ туда, посидитъ и походитъ въ пустыхъ комнатахъ. И жилъ спокойно. И умеръ еще спокойнѣе. Оставилъ жену и дочь лѣтъ 9-ти. Самому было лѣтъ 57.

Никогда рѣшительно страстныхъ разговоровъ на религіозныя темы я не слыхалъ среди чиновниковъ. Лирики религіозной, религіозной нервности—ни тѣни! Точно это гдѣ-то „за моремъ", о чемъ приходятъ „глухія вѣсти"—вся область религіи. Говорятъ иногда о Западѣ, что вотъ онъ „возвращается къ язычеству". Сѣтуютъ. Оплакиваютъ. И не замѣчаютъ, что собственно служилый и грамотный нашъ людъ „потихоньку, да полегоньку" такъ радикально „возвратился къ язычеству", притомъ временъ угасанія миѳовъ, что пожалуй начать въ немъ опять христіанство, живое, съ „вѣрой, надеждой и любовью"—чуть ли не тяжелѣе и безнадежнѣе, чѣмъ было начинать его при Пиніи и Тацитѣ.

II.

Поѣздка къ хлыстамъ все откладывалась. Мой добрый знакомый, человѣкъ чиновный, былъ занятъ. Я уже самъ напоминалъ нѣсколько разъ. „Поѣдемъ... Непремѣнно поѣдемъ!..." И все оттягивалъ недѣля за недѣлей. Наконецъ въ одно воскресенье утромъ, часовъ около десяти, онъ вошелъ ко мнѣ, и, не снимая шубы, заторопилъ одѣваться.—Я въ минуту былъ готовъ. Сбѣжали

съ лѣстницы и сѣли въ сани. Онъ назвалъ извозчику далекую окраину города, особенно глухую зимою.

Я уже сказалъ выше, что немного опасался. Чиновникъ этотъ очень недавно со мною познакомился, и познакомился по своей, а не по моей инициативѣ. Репутацію же онъ имѣлъ зловѣщую и до нѣкоторой степени грозную. Съ той поры со всѣмъ предубѣжденіемъ я старался изучать его. Можетъ быть, конечно, я глупъ. Можетъ быть, совершенно не наблюдателенъ? Однако я его видѣлъ въ товариществѣ, въ службѣ (нѣсколько), въ литературѣ, и, случайно, одно лѣто проживъ на дачѣ рядомъ съ нимъ—видѣлъ и домашнюю его сторону. Правда, онъ былъ богатъ. Высоко подвинулся въ чинахъ. Но этимъ отрицательное въ немъ и кончалось. Мало ли кому Богъ посылаетъ: не всѣ же богатые и знатные суть дурные люди. Это былъ смиреннѣйшій супругъ передъ своею гордою женою, и до такой степени трогательный отецъ семьи, какъ я рѣдко видалъ. Никогда среди самыхъ адскихъ служебныхъ хлопотъ, полныхъ отвѣтственности, онъ не забывалъ письмомъ или телеграммой спросить, какъ идетъ теченіе самой пустой дѣтской болѣзни (дома). Мнѣ кажется, что если кто кого-нибудь любитъ, ну хоть ребенка, жену, то уже eo ipso не есть камень, а способенъ ко всему человѣческому. Не забудемъ „искру Божію и въ разбойникѣ“, и допустимъ ее въ генералѣ. Мнѣ хочется сказать нѣчто доброе, что я видѣлъ и зналъ положительнаго въ этомъ человѣкѣ, ибо роль его--историческая, и, сколько я отовсюду слышу, мрачная: но послѣдняго я абсолютно не могу, не умѣю представить себѣ; и, можетъ быть, изъ сопоставленія моего свидѣтельства съ этими мрачными фактами, которымъ я также не въ правѣ не вѣрить, будущій историкъ извлечетъ общее объясненіе, какое со-

временники не могутъ отыскать. Въ товариществѣ, и не близкомъ, а поверхностномъ, въ товариществѣ „съ камнемъ за пазухой“ (изъ-за убѣжденій), я наблюдалъ, какъ этотъ человѣкъ спасалъ отъ глубокихъ, тревожныхъ непріятностей, почти отъ опасностей, людей ему вовсе идейно и принципіально чуждыхъ, въ сущности—враждебныхъ. Въ одномъ случаѣ мнѣ пришлось наблюдать это въ такихъ особенныхъ условіяхъ и отношеніяхъ, когда онъ (мой спутникъ) навѣрное зналъ, что этотъ заботливо имъ охраняемый пріятель, въ то же время крайній недругъ по воззрѣніямъ, никогда не узнаетъ объ его тайной заботѣ. Сказать, что это не великодушно—невозможно! Наконецъ, были факты и я ихъ видѣлъ, когда онъ „манкировалъ“ своей службой и измѣнялъ всему своему „credo“, чтобъ—опять изъ заботы о человѣкѣ—положить „подъ сукно“ доносъ, принесенный ему очень яростнымъ фанатикомъ и довольно высокопоставленнымъ лицомъ:

— „Это вашъ врагъ. Врагъ всего вашего дѣла. Врагъ всего, во что̀ вы вѣрите“ (слова приватнаго письмадоноса).

Съ такими доносами люди „изъ общества“ являлись къ нему, облеченные въ полную парадную форму. Они *требовали у него розыска и преслѣдованія,* возбужденія „дѣла“, принося документы, случайно попавшіе имъ въ руки.

И онъ всѣ способы употреблялъ, чтобы успокоить человѣка „изъ общества“, увѣряя, что такой-то, оговариваемый „еретикъ“, есть „православнѣйшій человѣкъ, хоть немножко и вольнодумецъ: „но что̀ подѣлаешь—такое время, и кромѣ насъ съ вами, ваше превосходительство, вѣдь кто же вѣритъ въ Россіи по настоящему?...“

О всемъ этомъ я имѣлъ самыя положительныя свѣдѣнія. Теперь я давно этого человѣка не вижу, почти

не знаю. Не имѣю никакихъ причинъ любить его, не имѣю причинъ сомнѣваться во всемъ темномъ, что говорятъ о немъ. Но и такъ сказать „d'outre tombe“ (замогильно) не могу же не сказать, что видѣлъ человѣка съ замѣчательно злой репутацiей, который мнѣ открывался съ замѣчательно доброй стороны. Но вотъ его черта. Онъ любилъ крѣпко, незыблемо все русское, всю Россiю, а болѣе всего въ ней любилъ ея вѣру, ея православiе. Собственно, православiе было для него—вся религiя, какъ бы полнота всего религiознаго вмѣщенiя земли (насколько земля можетъ вмѣстить).

— Какое, В. В., мое образованiе... Вѣдь вотъ куда меня Богъ вознесъ; съ министрами разговариваю, и министры меня выслушиваютъ, мои слова принимаютъ во вниманiе. Между тѣмъ я и въ академiи не былъ (онъ былъ духовнаго происхожденiя). Былъ только въ семинарiи. И какая она въ нашу пору была? Конечно, я подчитываю, и стараюсь бывать въ обществѣ образованныхъ людей, прислушиваюсь, какъ они спорятъ, разсуждаютъ. Ловлю крохи. Трудно. Однако кое-чѣмъ подкармливаюсь.

Онъ между прочимъ старался усвоить французскiй разговорный языкъ, предполагая, что бывать у министровъ, не зная французскаго языка—невмѣстно. Но французскiй языкъ давался ему съ трудомъ, за то русскаго духа хоть отбавляй. Черезъ сюртукъ, черезъ пунцовый галстухъ послѣдняго фасона—такъ изъ него и пёръ великорусскiй мужикъ. И не въ грубыхъ, а тонкихъ и глубокихъ, великорусскихъ чертахъ.

„Государь“, „государствованiе“, „церковь русская“, ореолъ русскiй—все это было святыня для него. Я сказалъ, что онъ считалъ православiе воплощенiемъ религiи на землѣ. А католичество? А лютеранство? Ихъ онъ просто

ничѣмъ не считалъ. Просто, считалъ почти выдумкою,— праздныхъ или заблуждающихся умовъ, продуктомъ необузданности Лютера и честолюбія папъ. И лютеране и католики были „убѣжавшіе отъ православія“ люди, т.-е. отъ истинны православія,—какіе-то „воры“ религіозные, какъ москвичи называли „тушинскаго царька“ просто „тушинскимъ воромъ“. Такимъ образомъ у него была какъ-бы врожденная (такая-же твердая) идея, что всѣ народы и вѣры настолько не сливаются съ православіемъ, насколько они находятся въ фазѣ пребывающаго возмущенія, своеволія, бунта; что всѣ они по злой волѣ не признали православія, еще въ древности отдѣлились отъ него (онъ исторію плохо зналъ), а затѣмъ вотъ до сихъ поръ упорствуютъ. Но это упорство минетъ въ вѣкахъ, и всѣ нѣмцы и католики современемъ все равно признаютъ православіе, да вѣроятно и политически сольются съ Россіею, или какъ-нибудь подчинятся ей, потому-что вообще не можетъ быть другихъ „настоящихъ“ державъ, кромѣ Россіи, и „настоящихъ“-же вѣръ, кромѣ православія. А на вопросъ, „почему“, онъ бы отвѣтилъ:

— Очень все это хорошо. Во-первыхъ, все правильно, издревле. А во-вторыхъ, привлекательно и сейчасъ. Хоть и недочеты есть, но только недочеты снаружи и отъ людей.

Мнѣ кажется, что пластика не очень художественнаго глаза, и совершенно поверхностное знаніе исторіи, какъ и поверхностное же знаніе „основъ ученія“ исповѣдуемыхъ имъ истинъ, было причиною этого необыкновенно прочнаго, совершенно непоколебимаго убѣжденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ (и это опять трогательно!) изъ устъ именно его я слышалъ такіе плачевные, прямо страшные разсказы о деталяхъ въ состояніи его „вѣдом-

ства",—такія преисполненныя скорби картины, какихъ въ печать никогда еще не попадало. Такимъ образомъ, онъ былъ реалистъ какъ мужикъ; и правдолюбецъ какъ мужикъ. Но вотъ еще я слышалъ,—не отъ него, а отъ болѣе тонкаго человѣка,—взглядъ необыкновенно близкій къ тому, которымъ въ темной своей практикѣ руководился этотъ зловѣщій чиновникъ:

— Да, я знаю, наше вѣдомство полно кровавыхъ язвъ и нигдѣ реформа такъ не необходима, какъ здѣсь. Реформа—до полнаго преобразованія! Но, помните, *реформа*, а не *уничтоженіе*! А вы или другіе заговариваете объ *уничтоженіи*! И вотъ чѣмъ больше сердце мое горитъ при видѣ этихъ язвъ, тѣмъ яростнѣе я ненавижу указывающихъ на нихъ, ибо они это дѣлаютъ не для исцѣленія, а для *разрушенія*. Вы говорите—сектанты? старообрядцы? Но имъ-то я устроилъ бы кровавую баню.

Между тѣмъ этотъ былъ уже университетскаго образованія; поэтъ, философъ; человѣкъ въ нѣкоторыхъ направленіяхъ поразительныхъ способностей.

— Для меня внѣ Россіи и православія—*ночь*. Ночь не наша, русская, а *міровая*. Если въ Россіи не содержится вѣчнаго начала, абсолютно добраго, святого, притомъ новаго,—если этого нѣтъ—то вообще конецъ исторіи и хулиганство. Тогда приходите и берите жену мою—мнѣ все равно. Такое признаніе для меня печальнѣе, чѣмъ изнасилованіе жены или болѣзнь дѣтей. Когда Россіи не нужно—ничего не нужно. Тогда пожаръ. Пожаръ и разбой. И я самъ первый приму участіе. Но врете. Россія *есть*, въ ней есть *святое начало*, а васъ всѣхъ надо связать и выбросить, или и хуже.

Я заговорилъ съ нимъ о старообрядцахъ и услышалъ глубочайшее воззрѣніе на нихъ:

— Да, они правы... Тамъ филологически и исторически,—не спорю... Но въ нихъ живетъ сатана и ихъ надо распять. Я самъ наблюдалъ старообрядца, входившаго въ алтарь въ ихней моленной: шелъ, понуря очи, съ такимъ благочестивымъ, постнымъ лицомъ, точно въ немъ душа кончается. Онъ меня не видѣлъ, а я стоялъ такъ, что мнѣ было видно его, когда онъ скрылся отъ глазъ народа за алтарную стѣну. Тутъ онъ вдругъ щёлкнулъ пальцами и подпрыгнулъ. Масляница послѣ поста. Постъ они держатъ на виду у насъ, православныхъ, а въ душѣ у нихъ масляница. Масляница отъ того, что Никонъ былъ, конечно, невѣжда, а филологически и всячески по исторіи—они правы: и вотъ они стоятъ передъ нами съ истинно каинскою жаждою убить, задушить. Вѣдь „по документамъ" и Шейлокъ былъ правъ. И за это ихъ проклятое чувство къ намъ я хотѣлъ бы ихъ сжечь.

Я до того былъ изумленъ этой новой, нигдѣ не высказанной точкой зрѣнія на старообрядчество, что передаю ее какъ слышалъ: 1) полное признаніе такъ сказать догматической правоты старообрядчества; 2) проницаніе въ нихъ, лично и народно, сатанинской гордости этою правотою, этими „оправдывающими документами"; гордости—отмщающей, кровавой, бѣшеной, возникшей на почвѣ ихъ собственной исторической муки; и 3) желаніе ихъ преслѣдовать, чуть не сжечь, за это именно ихъ чувство „праведныхъ фарисеевъ, все исполнившихъ по закону". Церковь же, полную ошибокъ историческихъ [1]), неправильностей каноническихъ и

---

[1]) Да не удивитъ это кого-нибудь. Цитирую изъ декабрьской книжки за 1904 г., „Богословскаго Вѣстника" слова профессора Н. А. Заозерскаго: „даже самъ Святитель Филаретъ Московскій не

всяческихъ (онъ былъ довольно знатокъ въ этомъ дѣлѣ), онъ считалъ прямо святою за чувство смиренія въ этомъ, за то, что въ ней нѣтъ *гордыни непогрѣшимостью* въ прошломъ и настоящемъ.

Не правда ли, для читателя все это ново? Во всякомъ случаѣ онъ убѣдится, какъ много гадается теперь въ ту и въ другую сторону около твердыни православія. Онъ увидитъ, какъ много фанатизма здѣсь,—не вовсе пустого.

Мнѣ приходилось касаться такъ сказать „опаляющаго" края этихъ господъ. Я ихъ успокаивалъ. Пытался дать прохладной воды на калёную сковороду ихъ психики:

— „Ну, вѣдь, глава церкви, однако-же, Христосъ?" И „врата адовы не одолѣютъ ее?" Ваши же тексты. Чтò же вы мучаетесь въ душѣ? А вы очень мучаетесь, видно. Какъ будто вы не вѣрите, что Христосъ подлинно и теперь пребываетъ со своею церковью, или что какія-то неясныя „врата адовы" одолѣютъ и самого Христа? Стражи не должны терять увѣренности въ крѣпости. Ну, чтò за Свеаборгъ, когда гарнизонъ его подозрѣваетъ, что это—просто деревня? Тогда вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ будетъ деревней, ибо въ этомъ случаѣ *идея вещи* равна *самой вещи*. Такъ что пусть старообрядцы подпрыгиваютъ въ душѣ, а хлысты радѣютъ свои радѣнія: вамъ-то чтò? Съ *вами*—Христосъ. Съ *тѣми*—Христа нѣтъ. Такъ что вы можете дремать и даже совсѣмъ заснуть, и чѣмъ крѣпче бу-

---

обинуяся призналъ, что какъ онъ, такъ и прочіе іерархи, его современники, принуждены, по нѣкоторымъ церковнымъ вопросамъ, *крадучись обходить апостольское законоположеніе*" (стр. 722). И, очевидно, это—фактъ *давній* и *всеобщій*.

детъ вашъ сонъ, тѣмъ неприступнѣе будетъ Свеаборгъ: ибо таковое ваше отношеніе къ дѣлу, исполненное вѣры, надежды и любви, и показывало бы полную реальность вашей связи со Христомъ, Единымъ заступникомъ вашего дѣла".

Сколько ни успокаивалъ—не успокаивались.

III.

Черезъ Литейный мостъ и Выборгскую сторону мы выѣхали на одну изъ самыхъ далекихъ окраинъ города. Хорошее было утро. Не морозно, а холодно. И снѣга не было, а стояла алмазная рѣдкая пыль, которая садилась на усы, бороду и воротникъ. Мы разговорились. И спутникъ мой разсказывалъ о хлыстахъ, какъ онъ наблюдалъ ихъ на Кавказѣ:

— Село хлыстовское. А кругомъ пустыня. Убить могли, если бы узнали, что я лицо оффиціальное. Но я ходилъ въ армякѣ; а лицо у меня русское. Бывало, сядешь на бревнушкѣ, начнешь имъ доказывать ихъ заблужденія. Куда! Стоятъ на своемъ, какъ слоны неповоротливые. Фанатизмъ невѣроятный. И повиновеніе. Слово, жестъ ихъ *богородицы* — и село готово кинуться въ огонь, готово зарѣзать или зарѣзаться. Вы подумайте, до чего это опасно. Т.-е для Россіи и нашей вѣры.

Поразило это и меня, но какъ я больше читаю журналы и слѣжу за міровой политикой, то повернуло это мои мысли совсѣмъ въ другую сторону, чѣмъ какъ это было у моего спутника:

— Вотъ *дисциплины*, говорю ему, во всемъ мірѣ ищутъ. Даже у нѣмцевъ ея не хватаетъ. Вездѣ неповиновеніе, анархія, своеволіе, и это есть фазисъ міровой

исторіи, котораго не могутъ одолѣть пророки, священники, философы, законодатели, никто. Вы подумайте, до чего же это *важно*, а ужъ во всякомъ случаѣ *интересно*, что вдругъ *въ Россіи зародилась* какая-то таинственная секта, съ религіознымъ энтузіазмомъ, *суть которой есть нахожденіе того*, чего никто не нашелъ. Міровая „эврика"... Вы говорите: сотни живутъ *какъ одна душа* и повинуются *безпрекословно* и вмѣстѣ *упоенно* жесту одного человѣка. Это нашелъ Пиѳагоръ, въ своемъ неразгаданномъ „Союзѣ": „αὐτὸς ἔφη", „самъ сказалъ". О немъ говорили: „пришелъ не богъ, не человѣкъ, но Пиѳагоръ". Ужъ не „лже-Христосъ" ли былъ пиѳагорейскій? Меня интересуетъ политика: послѣ Пиѳагора—*секретъ таинственнаго*, самозабвеннаго *повиновенія* нашли еще хлысты и больше никто. Т.-е. они вѣдь нашли въ своемъ родѣ „квадратуру" политики, которой не нашелъ ни Аристотель и Макіавелли, ни Бонапартъ, ни Меттернихъ, ни Бисмаркъ!...

— *Богородица* ихняя (сколько помню—Лукерья),— вѣдь она въ этой степи устроила хлыстовское царство. Самъ губернаторъ ее зналъ и уважалъ. Во время послѣдней турецкой войны случилась большая нужда въ лошадяхъ для скорѣйшаго перевоза къ арміи военныхъ припасовъ и провіанта. Лошади сильныя уже всѣ были раньше взяты черезъ перепись, и теперь у населенія оставались однѣ клячи. Въ крайней нуждѣ губернаторъ и обратись къ этой *богородицѣ*. „Вызвольте, матушка". Сегодня сказано, завтра сдѣлано. Она выставила цѣлые табуны и денегъ не взяла. Губернатору была благодарность изъ Петербурга, а онъ не зналъ, какъ благодарить *богородицу*.

— Когда по одному дѣлу,—продолжалъ онъ,—случилось мнѣ ѣхать съ нею въ одной коляскѣ, то по пути

вышла нужда въ деньгахъ. Достаточно ей было сказать объ этомъ кому-то изъ окружающихъ, какъ вѣсть объ этомъ моментально облетѣла село, гдѣ мы остановились. И вотъ понесли къ намъ деньги хлысты, кто сколько могъ: не считая, клали серебромъ и бумажками. Падаютъ, кланяются до земли, и уходятъ. Простые мужики. Вы знаете, какъ мужикъ рублемъ дорожитъ. Но тутъ что-то странное и страшное. Ихъ жизнь — замѣтьте, многихъ тысячъ! — въ рукахъ... по ихнему—*богородицы*, а по нашему—мужички.

— Такъ что вы ее близко видѣли?! Какое же у нея лицо?!

— Не старая, но и не первой молодости. Скорѣе красивая. Но не въ этомъ дѣло. Лицо ея дѣйствительно было поразительно, и, если хотите, оно было чрезвычайно красиво, отъ особеннаго, никогда мной невиданнаго внутренняго блаженства, и блаженства гордаго, властительнаго, но мягко-властительнаго, религіозно-властительнаго.

Οἱ θεοὶ μάκαρες, „блаженные боги", вспомнилъ я у Гомера постоянный эпитетъ. Въ самомъ дѣлѣ, не было ли въ древности, въ до-исторической древности, психофизіологическихъ явленій, *аналогичныхъ нашему хлыстовству?* о которомъ тоже замѣчаютъ многіе изслѣдователи, что тутъ (у хлыстовъ) „что-то есть языческое". Извѣстно, что въ концѣ греко-римской исторіи жилъ Эвгемеръ, этотъ Фейербахъ язычества, который объяснилъ „очень просто" происхожденіе „боговъ и богинь" древности тѣмъ, что это были „*герои* далекихъ поколѣній, впослѣдствіи *обожествленные*". Но вѣдь это были бы, при всякой степени преувеличенія, „*герои*"-же. Слона можно преобразить воображеніемъ въ слона стосаженной вышины. Но слона преобразить *въ розу?* Тутъ отсутствуетъ законъ

воображенія. Должна была въ древности начаться какая-то особая линія „божествъ“, *не* людей, *не* „героевъ“. И вотъ не было ли тамъ особыхъ сектъ, тоже какъ-бы „хлыстовъ“, которые начали линію „обожествленія“ человѣка,—того, что хлысты называютъ: „*наши* христы“, „*наши* богородицы“, богородица „такого-то корабля“ (=общины), и другая—„корабля сосѣдняго“. Вѣдь, говоря такъ, и они какую-нибудь Акулину принимаютъ вовсе не за св. Дѣву Марію, *историческую*, родившую Іисуса Христа, а—за совсѣмъ *другую*; и они только не знаютъ слова „богиня“, нѣтъ его въ *говорѣ* ихъ мужицкомъ, въ *словарѣ*: и они пользуются *для выраженія нарицательнаго* (общаго) *понятія* единственнымъ близкимъ къ этому *собственнымъ именемъ*. Равно и о „христахъ“ своихъ они никакъ не думаютъ, что этотъ *тотъ самый*, который умеръ при Понтійскомъ Пилатѣ. Что же они думаютъ? Да и слово „христосъ“ они употребляютъ, за бѣдностью языка, вмѣсто слова „богъ“, „божество“, „полный божественныхъ, чудесныхъ силъ“, „стоящій выше всѣхъ на землѣ“. Множество мѣстныхъ „христовъ“ и „богородицъ“ не есть ли живое и на глазахъ у насъ происходящее *образованіе новаго политеизма*, во всемъ или въ очень многомъ аналогичнаго политеизму азіатскихъ, греческихъ и италійскихъ племенъ? И тамъ образованію обширныхъ религіозныхъ системъ (напр. Олимпу) предшествовали глухіе *мѣстные* культы, большею частью *потайного характера*, и тоже съ пророческимъ (какъ у хлыстовъ) вдохновеніемъ. Генераціи „христовъ“ у насъ и „боговъ“ тамъ—тоже говорятъ о сближеніи. Хлыстовство наше, черезъ какой-то психологическій или физіологическій вывертъ, нашло путь (или иллюзію) къ „живымъ богамъ“, которыхъ можно ухватить руками и которые вмѣстѣ „превыше поднебесной“. И, найдя, по-

клонились имъ со всѣмъ энтузіазмомъ вѣрующей толпы. Помните Клермонъ и собравшихся туда крестоносцевъ: „такъ хочетъ Богъ!... такъ хочетъ Богъ!...“

— И что̀ же бы вы думали она сдѣлала, эта Лукерья ихъ (я могу ошибиться въ имени)? Учредила себѣ конвой и одѣла его въ форму конвоя Его Величества!! Того же покроя длинные кафтаны, такія же папахи. Только шашекъ имъ не дали. И тотъ же конный строй, ее всюду сопровождающій.

Это моего спутника болѣе возмущало, удивляло и смѣшило, чѣмъ то, что она называла себя и ее считали „богородицею“. Удивился и я.

— Неужели такъ она въѣзжала и въ городъ?

Я былъ увѣренъ въ отрицательномъ отвѣтѣ. „Можетъ, только чудила у себя въ степи?..“

— Какъ же, какъ же! Выѣзжала въ губернскій городъ, и всѣ знаки богомольнаго къ ней отношенія выражала и эта ея гвардія; ѣдетъ какъ царица, какъ икона и вмѣстѣ человѣкъ, и при ней этотъ (чуть ли онъ не назвалъ извѣстнаго Веригина, но тогда о послѣднемъ я ничего не зналъ и могу ошибиться) ея сынокъ.

— Какой сынокъ?

— Съ которымъ она жила. Неописуемой красоты юноша, съ нѣжнымъ, изящнымъ и вмѣстѣ типично-русскимъ лицомъ. Она всегда брала его съ собою. И его тоже боготворили хлысты,—по связи съ нею.

Тутъ, я убѣжденъ, чего-нибудь не зналъ мой спутникъ, и не зналъ—главнаго. Ну, если это была „баба Лукерья, нуждавшаяся въ мужикѣ“, то вѣдь, прежде всего, не слѣпые же хлысты? Да и могла-бы она потихоньку это устраивать, какъ и многіе „не отъ сего міра“ люди, сохраняя престижъ? Нѣтъ, тутъ что-то совсѣмъ другое:—догматъ, ученіе, которыхъ мы не знаемъ.

Мы *ощупываемъ физіологію, а души за нею не видимъ.* Очевидно, тутъ - выставка, *культъ*, а если культъ, то — и *убѣжденіе.* Но намъ не дано въ руки „ключа" ко всему этому. Тутъ у нихъ нѣтъ сокрытаго, не называемаго; есть— *открытое*, именуемое. А открываютъ силу, а не слабость, не грѣхъ, не „воровство" быта или души. Такимъ образомъ, въ этой части разсказа моего спутника начался *анекдотъ* и *непониманіе* наблюдателя или *поверхностнаго*, или *полемическаго*.

Но вотъ дома предмѣстья, большіе и городского типа, начались смѣняться домиками деревенскаго типа. Пошли уличные заборы. Издали виднѣлся крестъ православной церкви. Спутникъ мой велѣлъ ѣхать шагомъ и всматривался въ сѣть улицъ и переулковъ. Очевидно, что онъ узнавалъ мѣстность, гдѣ давно не былъ. По линіямъ пробирались робкія фигуры, видимо шедшія изъ церкви, откуда доносился слабый благовѣстъ „къ выходу".

— Вотъ сюда,—показалъ онъ извозчику.

Онъ въѣхалъ въ совсѣмъ узенькій переулокъ. Робкія фигуры были и здѣсь. Они кланялись моему спутнику, и онъ снималъ бобровую шапку.

— Стой.

Лошадь стала. Два большіе деревянные дома, рядомъ стоявшіе, очевидно представляли одно общее или очень близкое хозяйство. Мы были въ одномъ изъ средоточій столичнаго тайнаго сектанства.

IV.

Робкія фигуры мужиковъ и женщинъ, пробиравшіяся около забора, вошли почти кучкою вмѣстѣ съ нами на высокое крыльцо избы. Теперь они здоровались за руку съ моимъ спутникомъ и называли его по имени

и отчеству. Видно было знакомство во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ только шапочное.—„Вотъ, привезъ къ вамъ пріятеля въ гости“,—указалъ онъ на меня.—„Милости просимъ! Милости просимъ!“—смотрѣли они на меня ласково и тоже подавали руку. „Такъ вотъ они, знаменитые *хлысты*“, подумалъ я; „встрѣтя на улицѣ, никакъ бы не подумалъ. Мужикъ какъ мужикъ. Степанъ какъ Степанъ. Почемъ узнать его?“ Да, но вѣдь и къ Гванагани подплывъ и взявъ кусокъ земли съ берега, Колумбъ могъ бы сказать: „это такая же земля, какъ въ нашей Испаніи: для чего же было плавать такъ далеко“.—Были мы дѣйствительно въ „другой части свѣта“,—по неизмѣримой разницѣ психологіи и міросозерцаній. „Но какъ это узнать? ощупать? какъ проявить для глаза?“

Чуть-чуть задерживаясь на крылечкѣ, проходили внутрь избы молчаливыя женщины и дѣвушки, видимо все возвращавшіяся отъ поздней обѣдни.—„Намъ бы посмотрѣть сперва вашу мастерскую“,—проговорилъ мой спутникъ.—„Это, пожалуйте, рядомъ“. И мы, спустившись назадъ съ крыльца, вошли въ ту очевидно связанную съ этою избу, которая стояла рядомъ. Я не ошибся: два дома представляли *одно хозяйство*, *одну собственность*, имѣли одного собственника — эту *коллективную толпу*, съ крайне слабо выдѣленнымъ въ ней личнымъ началомъ. Правда, я только теперь спрашиваю себя: *кто* же владѣлъ всѣмъ этимъ? да и *къ кому* мы, собственно, пріѣхали? Но вступая на крыльцо, обращаясь къ людямъ, мы—безъ всякаго гипноза со стороны ихъ—уже какъ бы отрицали возможность и нужду здѣсь въ имени, въ фамиліи, въ хозяинѣ, въ владѣтелѣ, въ вездѣ встрѣчающихся понятіяхъ „распорядителя“ и „исполнителя“. Всѣ намъ объясняли устрой-

ство обширной, но не фабричнаго, а домашняго типа мастерской. Стояли огромные станки, на которыхъ происходила выдѣлка золотыхъ и серебряныхъ тканей, идущихъ на церковное облаченіе, ризы, и на нашивки, на воротники и рукава мундировъ. Я никогда не видалъ ихъ приготовленія, и съ любопытствомъ осматривалъ приспособленія, впрочемъ мало что̀ понимая въ нихъ.— „Ну, пойдемте въ жилую избу“.—Всѣ вышли. Мастерская по воскресеньямъ была вся пуста. Мы вернулись въ первую избу, которая уже была полна народа.

Какъ извѣстно, для тепла всѣ наши деревенскія избы строятся невысокія. Такова была и эта. Сейчасъ же съ крыльца черезъ большую прихожую входили въ обширную, хорошо истопленную комнату, гдѣ были поставлены столы и лавки, необыкновенно чисто содержимые. Видъ жилища всегда являетъ психологію жильца: и здѣсь, очевидно, никогда не было безпорядка, лѣни, распущенности, дебоша, пьянства, разгула. Въ избѣ было уже нѣсколько десятковъ человѣкъ, и не выдѣлился ни одинъ голосъ крикливый, бранчливый, даже просто рѣзкій или грубый; хотя всѣ говорили, и вообще, очевидно, никто не былъ стѣсненъ никѣмъ. Спросили самоваръ, засуетились около самовара: и тоже безъ возможности опредѣлить, *кто* же *кому* приказывалъ, кто *служитъ*, а кто *былъ господиномъ*. Какъ-то всѣ работали, хлопотали,—но все это происходило самособою, безъ очевиднаго и во всякомъ случаѣ безъ бросающагося въ глаза центра. Спутникъ мой сталъ внимательно разсматривать образа и что-то шепталъ мнѣ, чего я не могъ уловить. Уже потомъ, когда мы возвращались въ городъ, онъ мнѣ объяснилъ, что есть „отмѣтины“ въ церковной живописи, и что „такъ всегда у хлыстовъ“, и на „отличія“-то онъ мнѣ и указывалъ.

Я этого не замѣчалъ. Въ переднемъ углу стояли большія иконы, но и по стѣнамъ, по мѣрѣ приближенія къ „святому углу“, были полу-картины, полу-иконы. Пожалуй, „отмѣтина“ была въ томъ, что ихъ было очень много, что свѣтскія картинки, бытовыя, охотничьи, изъ жизни царскаго семейства, портреты знаменитыхъ генераловъ—вовсе отсутствовали, и что самые сюжеты религіозной живописи были менѣе стереотипны, менѣе затасканы, являли болѣе вниманія и болѣе знанія исторіи и сущности всего „божественнаго“, чѣмъ сколько этого знанія встрѣчается у крестьянъ. Очевидно, здѣсь „проходили“ Законъ Божій, какъ проходятъ начинающіе и воодушевленные школьники (сужу по своей семьѣ): и вотъ они вывѣсили по стѣнамъ все трогательное, все хватающее за душу, чего такъ много разсѣяно и въ ветхой, и въ ново-завѣтной исторіи, и что̀ изумляетъ слезнымъ изумленіемъ всякаго впечатлительнаго, кто впервые этого касается.

А люди эти были впечатлительные. Я не разслушалъ шопота моего спутника, можетъ быть и оттого, что мнѣ не такъ хотѣлось смотрѣть иконы, какъ смотрѣть и слушать людей. Женщинъ было такъ же много, какъ и мужчинъ. Дряхлаго, даже очень стараго лица—ни одного не было. Видно было, что мы не сидѣли въ старомъ „дѣдовскомъ гнѣздѣ“, а что это было что-то молодое, недавнее (сравнительно), не насиженное и не засиженное, хотя необыкновенно прочно сколоченное. Возрастъ былъ среднихъ лѣтъ, болѣе склоняющійся къ молодому; 3—4 лица за сорокъ лѣтъ не дѣлали дисгармоніи. Но особенно много было подростковъ, пареньковъ и дѣвушекъ, даже дѣвочекъ, лѣтъ около 13—16. Всѣ онѣ были въ глубоко-темныхъ платьицахъ, „черннчки“,—какъ такихъ называютъ въ быту, когда онѣ и

не монашенки,--за исключительную скромность наряда, поведенія, за миловидность обращенія. Ни одной цвѣтной ленточки на шеѣ или въ волосахъ, съ цвѣточками платка—на плечахъ. Мужики были одни въ кафтанахъ, другіе въ рубахахъ; и опять ничего яркаго, кричащаго, ничего—веселаго. За все время, какъ мы были „въ гостяхъ", я не слышалъ, чтобы кто-нибудь разсмѣялся, да не видѣлъ и ни одной улыбки. А было утро и праздникъ.

Не успѣли мы сѣсть за столъ, какъ начались гадливые разсказы о томъ, какъ „публика" держала себя за обѣдней, и особенно--сейчасъ послѣ обѣдни. Разсказы—не длинные, не съ цѣлью даже пожалуй посмѣяться, но вотъ что „прошелъ мимо такого—и осквернился". Я уже говорилъ, что всѣ и гурьбой почти они вернулись отъ только-что окончившейся нашей православной обѣдни, изъ той самой церкви, которую мы видѣли, подъѣзжая, издали, и откуда несся далекій благовѣстъ.—„Какъ же, вышли,—и сейчасъ папироску!"... Говорившій сплюнулъ.—„Хоть-бы отошелъ, чтобы храмъ Божій былъ невиденъ: и тамъ закурилъ. Такъ нѣтъ: наровитъ тутъ же, чуть не на паперти"... „И разговоры! И смѣшки! И барышни съ господами такъ и ужимаются, такъ и ужимаются. Бесѣду ведутъ, послѣ обѣдни-то!!!"... „И ни вѣсть, изъ трактира ли они идутъ, или изъ храма Божія: и точно пьяные, и ни пути имъ, ни дороги". Настаиваю и повторяю: длинной сплетни въ рѣчахъ ихъ не было, сложнаго разсказа, инквизиторскаго подглядыванья—не было. Не было и общаго огульнаго осужденія: говорилъ кой-кто. Но какъ грѣшный, и я закуриваю папироску скоро по выходѣ изъ храма, то осужденіе мнѣ запало въ душу. „Вотъ... а мнѣ казалось, что--ничего. А ихъ—такъ оскорбило"...

Дѣйствительно, пушинка, которая бы упала на меня и меня не отяготила, меня и всякаго „изъ насъ“,—этихъ людей почти заставила-бы вскрикнуть отъ боли: это есть главное ихъ отличіе, главная новизна, меня поразившая, и, можетъ быть, самая сущность „хлыстовщины“ и „хлыстовъ“, откуда все у нихъ и началось, и потекло, какъ у особой категоріи людей. Отъ того самаго друга своего или пріятеля, который сообщилъ мнѣ много любопытнаго, вообще о сектантахъ, я слышалъ отзывъ, какого нигдѣ не приходилось читать:

— Хлыстомъ *нужно родиться*. Кто не таковъ отъ рожденія, кто уже отъ самаго рожденія своего не есть въ сущности безсознательный хлыстъ, то хотя бы и вошелъ въ ихъ секту, или все объ нихъ узналъ,—отойдетъ отъ нихъ равнодушно въ сторону. Да и просто не пристанетъ, хотя-бы была полная возможность.

Онъ не договорилъ. Но, какъ я видѣлъ ихъ дѣйствительно особую духовную организацію, мнѣ кажется, что врожденный хлыстъ, если онъ случайно въ жизненныхъ странствованіяхъ не столкнется съ такою вотъ общиною, не найдетъ „круга“ по себѣ, своего „корабля“ (какъ удачно выбрали они имя!), то истомится глубочайшимъ томленіемъ, никуда не пристанетъ, ни съ чѣмъ не сольется, ни съ работой, ни съ окружающими людьми; вездѣ останется „исключеніемъ“, „страннымъ человѣкомъ“, „коровою не ко двору“,—и погибнетъ жалкою гибелью въ общественномъ и личномъ смыслѣ, приведя въ недоумѣніе о себѣ людей, часто раздраживъ и измучивъ ихъ, и напортивъ (если случится) много въ чужой коллективной работѣ. Такой если женится—разобьетъ чужую жизнь; броситъ дѣтей; пойдетъ странствовать; пойдетъ въ святыя мѣста и замучится; или станетъ (въ народѣ) „дурачкомъ“, „юро-

дивымъ“. Но едва ли можно представить, чтобы когонибудь намѣренно замучилъ и вообще далъ изъ себя „преступный типъ“: совершенно обратно теченіе всей психики!... Мнѣ кажется, этимъ можно отчасти объяснить быстрый ростъ у насъ „хлыстовщины“, и что она какъ-то „ползетъ“ по землѣ: истребятъ ее въ одномъ мѣстѣ— явится въ другомъ, является повсюду, захватываетъ (въ 40-хъ годахъ) и образованныхъ людей. Два-три не захваченныхъ „миссіею“ (миссіонерство) хлыста, съ догматами и обрядами и вообще уже „оформленные“, куда бы ни пришли, ни бѣжали,—находятъ всюду уже эту безформенную „хлыстовщину“: робкихъ, не умѣющихъ найти себѣ мѣста на землѣ людей, портящихъ чужую работу и точно ждущихъ: „гдѣ-то есть *градъ по насъ*“, „гдѣ-то есть люди *какъ мы?*“ Хлысты, уже оформленные, говорятъ: „да *вотъ*—ваше мѣсто!“ *Самовозгорается*, именно изъ психики народной (*нѣкоторыхъ* въ народѣ людей) загорается „корабль“!—„Тутъ ваша и *работа* будетъ *спора*. И никто васъ не обидитъ: найдете *родныхъ* себѣ, которые роднѣе отца-матери, сестрицъ и братьевъ“.

Поговорили въ осужденіе „православнымъ“ (за папироски и легкомысліе) немного. Подали колоссальный самоваръ. Всѣ быстро размѣстились по лавкамъ: женщины къ одной сторонѣ, ближе къ дверямъ, мужики— ближе „ко святымъ“ (иконамъ). Подали дымящійся бѣлый хлѣбъ, только-что изготовленный, лимонъ, хорошо нарѣзанный, предложили пить въ накладку, и сами стали пить. Посуда чистая. И все вообще было хорошо и чистоплотно. Выпили по стакану. „Надо помолиться“. Сейчасъ не помню: можетъ быть и садясь за чай молились. Только вообще скажетъ кто-то: „прочесть бы

Царю Небесный?"—„Да конечно—прочесть!" И все опять роемъ. Молитва такъ и подымаетъ ихъ: и вотъ верзилы-мужики, большіе, неуклюжіе, какъ и подростки несовершеннолѣтніе, всѣ стоятъ, валятся на полъ (земные поклоны), быстро опять встаютъ, читаютъ, повторяютъ слова, сладко, сочно,—молитва такъ и летитъ. И опять застучали чашки, блюдечки. Я забылъ сказать, что были поданы даже чайныя ложечки „все какъ и у насъ", подумалъ я.

— Вотъ, я привезъ къ вамъ пріятеля,—указалъ мой спутникъ на меня.—У насъ онъ все проповѣдуетъ брачную жизнь, очень твердъ въ этомъ: и захотѣлось ему увидѣть васъ, и поговорить съ вами о предметѣ, который онъ самъ такъ защищаетъ, а вы такъ осуждаете. Вѣдь между вами—ни одного семейнаго, и вы даже считаете за грѣхъ на чужую свадьбу хотя бы только гостемъ пойти.

Во мнѣ проснулся публицистическій огонекъ. Всего недавно я выдержалъ полемику съ исключительными защитниками дѣвства въ нашей литературѣ, С. Ѳ. Шараповымъ, Н. П. Аксаковымъ, г. Миряниномъ (псевдонимъ одного профессора). Аргументы „за" и „противъ" стояли у меня въ головѣ батареей, и я сейчасъ сталъ стрѣлять въ свою пользу,—на этотъ разъ въ лицо хлыстамъ.

Куда!... то чувство отвращенія, какое они инстинктивно и неодолимо имѣли къ легкомысленному отношенію „публики" къ храму, они имѣли и вообще ко всѣмъ брачнымъ людямъ, но только въ другой спеціальной линіи. Куренье сквернило храмъ, сквернило—близостью къ нему, видностью его. Хлысты, я сказалъ, безконечно впечатлительны: есть такія натуры, даже въ дѣтствѣ отличительныя. У меня одна дѣвочка въ семьѣ: избави

Богъ, если на воскресный бѣлый фартучекъ ляжетъ пятнышко, не чернильное, а напримѣръ отъ супа, варенья, и крошечное, почти не видное. Лежитъ мой малышъ въ постелѣ, рыдаетъ невыносимымъ рыданіемъ: „мама, перемѣни фартукъ, не могу видѣтъ эту гадость". Еще знавалъ я взрослыхъ, которые моются-моются по утру, точно кожу хотятъ снять съ себя. И опять это что-то въ натурѣ лежащее, отнюдь не воспитаніемъ привитое. У хлыстовъ есть такое-же въ натурѣ лежащее необоримое *отвращеніе къ оскверненію тѣла человѣческаго*, которое для нихъ представляется... не то̀ храмомъ [1]), а во всякомъ случаѣ чѣмъ-то необычайно чистымъ, *хрустальнымъ*, на что не должна *лечь ни одна пылинка*.

— Да не надо намъ его, вашего брака!—заговорили они гурьбою, заговорили громко.—Я имъ тексты привожу: „Плодитесь, множитесь — сказалъ Богъ".—„Кто сказалъ?"—„Богъ сказалъ"—„Гдѣ сказалъ?"—„Какъ же вы не помните: въ *Книгѣ бытія*,—первая глава"—„Да на что намъ *Книга бытія?*—у насъ Христосъ".—„Да вѣдь и *Книга бытія*—отъ Бога!"—„Ну, что̀ въ томъ: не хотимъ мы жениться". И, выйдя изъ-за стола, мужикъ указалъ на „черничекъ" дѣвочекъ-дѣвушекъ-женщинъ, и, *съ невыразимой нѣжностью глядя на нихъ*, проговорилъ:

— „Вотъ, глядите, *всѣ онѣ чистыя*!..." Буквально я не припомню словъ: но со святымъ, высокимъ порывомъ онъ заговорилъ, какъ мы говоримъ о дѣтяхъ 7—6 лѣтъ, о дочеряхъ своихъ въ младенческомъ возрастѣ: „Вотъ, не грѣхъ коснулся ихъ? И душеньки ихъ, и тѣльца ихъ: это только Богу, а не человѣку!" Глаза его загорѣлись негодованіемъ: „А вы хотѣли-бы эти-то невинные и чи-

---

[1]) Мысль—позволительная, ибо у ап. Павла есть знаменитое выраженіе: „*тѣла* ваши суть *храмы Божіи*".

стые сосуды, когда они сами горятъ любовью только къ Единому Христу — осквернить плотскими отношеніями“.

V.

Онъ весь горѣлъ. Да что̀ за тайна? Да то̀ и тайна что вы съ глубокимъ бы оскорбленіемъ почувствовали, если бы вашъ другъ, хорошій богословъ, напоминая „плодитесь! множитесь!“ посмотрѣлъ „брачно“ на вашу 8-лѣтнюю дочь, учащую таблицу умноженія; или какъ бы Лиза Калитина, въ минуту, когда она уже рѣшила монастырь для себя и вся загорѣлась новымъ чувствомъ къ Небесному Жениху, выслушала предложеніе браваго майора: „сударыня, бракъ вашъ съ Лаврецкимъ не удался, то выйдете за меня,—я все равно мужчина“. Какое негодованіе! Какое расхожденіе натуръ, всего пониманія вещей! Океаны расхлынулись: а между тѣмъ тексты „плодитесь, множитесь“ — *на сторонѣ майора* и *на сторонѣ сластолюбиваго* вашего друга-богослова. Двѣ натуры, отцовская въ отношеніи дитяти-дочери, и Лизы Калитиной,—не разсуждая, не держа памяти, вышибли-бы изъ рукъ вашихъ тексты, растоптали бы васъ самаго, со всѣмъ богословіемъ. А каждый, смотря со стороны, сказалъ бы: „Да, у него *богословіе*, но какъ *самъ* онъ *гадокъ!* Да, эти дѣвы *поступили противъ Писанія*: но мы *готовы молиться на нихъ! Мадонны!*“

Я произнесъ католическій терминъ, увѣренный, что и у католиковъ,—коихъ „Мадонна“ имѣетъ только вербальное отношеніе къ исторической и живой Божіей Матери, а на самомъ дѣлѣ есть совершенно другое и самостоятельное существо, ими почти заново сотворен-

ное,--что и у нихъ суть этой „Мадонны“, заливающей все количество, гнѣздится въ не опознанномъ „хлыстовствѣ“ же, въ хлыстовствѣ конечно безъ обрядовъ, безъ догматовъ, ни мало на наше не похожемъ; въ хлыстовствѣ, какъ принципѣ и явленіи въ своемъ родѣ *всемірномъ*, можетъ быть *объемлющемъ и языческій и христіанскій міръ*. Просто — *такая психика!* Просто духовный феноменъ, *странствующій въ человѣчествѣ*, можетъ быть ему *врожденный*, по крайней мѣрѣ какъ патологическій, болѣзненный, *уклончивый отъ нормы*, но *всегда бывшій* и *не имѣющій когда-нибудь пройти*. Ибо разъ человѣческая природа теперь смертна, то и нѣкоторыя болѣзни, отклоненія отъ нормы, сіи дроби смерти и смертнаго—очевидно извѣчно будутъ и останутся присущи человѣчеству. Передо мною сидѣвшіе люди, можетъ быть имѣющіе патологическое уклоненіе отъ нормы, были во всякомъ случаѣ безусловно и абсолютно--какъ Лиза уже въ монастырѣ или какъ 7-лѣтняя дѣвочка—*не способны, не воспріимчивы, глубоко антагонистичны браку*. Конечно, и между хлыстами есть „не настоящіе“ хлысты. Вспомнимъ глубокомысленное слово моего пріятеля, что хлыстомъ „нужно родиться“. Какъ вѣдь и у насъ въ монашество не всѣ идутъ „съ призваніемъ“. Но здѣсь и тамъ несомнѣнно есть основной станъ людей довольно особливой отъ насъ природы, для которыхъ божественное заповѣданіе (вѣдь, однако, божественное?) ничѣмъ не звучитъ, просто—не слышно. И они до того увѣрены въ своей природѣ, да и міръ, глядя на нихъ со стороны, до того-же увѣренъ въ ихъ *духовной красотѣ, прелести, героизмѣ, высотѣ*, что говоритъ о нихъ, а они сами о себѣ: „хоть и *противъ Бога*, а *—святы!*“

Я говорю о *монахахъ* съ одной стороны; и о *самочувствіи хлыстовъ*—съ другой.

Страшно. Если сопоставить съ текстами, которые вѣдь только бисеръ съ разорванной жемчужной нити цѣльной духовной системы,—то страшно. Такъ, само по себѣ, если только поглядѣть со стороны,—то какъ будто хорошо. Я знаю, всѣ скажутъ (и вѣчно говорятъ) „однако, въ Новомъ Завѣтѣ сказано, что — *лучше не жениться*". Съ этого-то и начинается все страшное. Въ Ветхомъ Завѣтѣ, который тоже *божественъ*, сказано *вообще и безъ всякаго исключенія*: „плодитесь, множитесь". Назорейство, за которое иногда цѣпляются дѣвственники, въ Ветхомъ Завѣтѣ дѣвствомъ никогда не было: примѣръ—Самсонъ-назорей и Далила, открытая и не запрещенная его жена или возлюбленная. Нѣтъ, въ Ветхомъ Завѣтѣ *ничего монашескаго* не было; въ Новомъ—явилось и даже явно *превознеслось!* И наступаетъ, для вдумчивыхъ и грустныхъ натуръ, для натуръ, въ совѣсти отвѣтственныхъ, такой „разломъ", „распадъ" Завѣтовъ, ихъ „расхожденіе" *въ идеалѣ, объемлющемъ корни натуры человѣческой и всю міровую жизнь* (біологія, бытъ народовъ), изъ котораго и выхода нѣтъ и береговъ не видно. Передаю это, ибо объ этомъ уже теперь записали, заговорили, это уже поставлено тезисами двухъ борющихся міросозерцаній. Добавлю для выясненія опасности: что вѣдь если согласиться съ хлыстомъ, который прямо въ лицо отвергъ мнѣ „Книгу бытія", сказавъ: „у насъ—Христосъ, зачѣмъ намъ Книга бытія" (онъ точно летѣлъ, когда сказалъ это, точно перелетѣлъ черезъ Ветхій Завѣтъ, не столько порицая его, сколько выразивъ: „это—позади и не надо"),—то вѣдь однако и Христа мы *узнали*, какъ Мессію, лишь по предсказаніямъ о немъ въ ветхозавѣтныхъ же книгахъ. И „не надо" въ отношеніи всего этого Завѣта—отдается какъ эхо и *на предсказательныхъ этихъ мѣстахъ*: и па-

даетъ вся достовѣрность и неоспоримость евангельской исторіи. Все темно. И все страшно опасно. Глупые не тревожатся. Но умные, понявъ глубину вопроса, очень затревожились.

И вглянулъ я на этихъ „мадоннъ“: хоть бы одно хорошенькое личико! Курю я, по несчастью, папиросы, и красивыя лица люблю же. Сидятъ мои „чернички“ одна некрасивѣе другой. Въ темныхъ платочкахъ. Скромныя платьица. Молчаливы, страшно молчаливы. Но вотъ еще особенность, никогда мною не видѣнная въ большомъ собраніи людей. Всѣ дѣвичьи лица были до того неестественно блѣдны, какъ бы изъ нихъ кто выжалъ кровь или кровь вся куда-то ушла, въ сердце, въ пятки—не знаю: въ лицѣ не осталось никакого цвѣта, яркости, краски. Не говоря объ улыбкѣ: этого и подумать здѣсь нельзя было! До того серьезно и трогательно все было здѣсь настроено. Кстати о настроеніи.

Когда мы входимъ *въ домъ*, когда раздумываемъ, *куда* намъ пойти, —то собственно *выбираемъ настроеніе дома*, и идемъ *въ гости къ семейному настроенію*. Вотъ вы ходите, годъ-два-десять лѣтъ туда-то; обѣдаете, закусываете въ немъ; философствуете съ хозяиномъ, балагурите съ хозяйкой. Ласкаете дѣтей. И вдругъ бы хозяинъ умеръ; или дифтеритъ срѣзалъ и унесъ бы всѣхъ дѣтей. Страшное сиротство! Глубокая меланхолія! Входите въ тотъ же домъ, гдѣ всегда бывали: *не тѣ* лица и *не тотъ* весь домъ! Но, кромѣ того, и вы и всѣ входящіе въ домъ *ведутъ себя совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде*: открылось у васъ какое-то глубокое дружелюбіе къ этому дому, готовность все сдѣлать для этихъ осиротѣвшихъ людей. А сами эти осиротѣвшіе старики ко всѣмъ людямъ и вещамъ относятся какъ *къ своимъ* и *не своимъ*. Все стало

и *ближе* и *дальше* къ нимъ. Всѣ люди—точно *немножко родные*, друзья. Возможно, что скажутъ сосѣду: „поди, купи мнѣ крепъ“; незнакомаго попросятъ: „голубчикъ—подай ту вещь, принеси—другую“. Это возможно. *Чопорность исчезла.* Деликатность, *нѣжность* безпредѣльно *выросла.* Но и всѣ *вещи* также стали ужасно *далеки: не хочется беречь.* О томъ и о другомъ скажутъ сосѣду: „возьми это! На что мнѣ это—возьми!“ Меланхолія все растворила и все преобразила: все—*мое*, и все—*не мое*, всѣ—*родные*, и *никого—родныхъ.* „Вы идете, не накинувъ шубу: простудитесь, захвораете!“—говорятъ сиротѣ-старику.—„Умереть? о, съ какой-бы радостью!“

Вотъ такое отсутствіе *крѣпости землѣ, связанности съ землею,* есть въ высочайшей степени и у хлыстовъ. Все у нихъ прибрано—да. Чистоплотно все, не пахнетъ съѣстнымъ, водкой, мясомъ — *какъ* и *въ домѣ, гдѣ за стѣной подъ бѣлой простыней лежитъ дорогой покойникъ.* Всѣ возбуждены. Скорѣй даже всѣ потрясены, — такова именно вся психологія; и ихъ ужасаетъ вашъ не прибранный видъ, какъ видъ пьянаго и даже просто человѣка „на-веселѣ“ кроваво царапнулъ бы такого сироту - меланхолика. Если они глубоко занегодовали на закуривающихъ папиросы при выходѣ изъ храма, то не потому, что это „нарушало такой-то текстъ“, и не по „византійскому стилю“, который выдерживаютъ старообрядцы: но потому, что этихъ впечатлительныхъ и вмѣстѣ кроткихъ, нѣжныхъ людей, ударило это точно плетью, и они выкрикнули, кратко и нервно, отъ боли. Я заговорилъ о кротости, о нѣжности. „Васенька“, „Матренушка“—всѣ имена зо̀ва и обращенія были нѣжныя; но именно не плотской нѣжностью, а вотъ такой особой нѣжностью, гдѣ стоитъ покойникъ. Вы замѣчаете,—въ такомъ домѣ никто не распорядится, не за-

кричитъ, даже не назоветъ полнымъ именемъ... „Вася“ или „батюшка Василій“, когда прежде слышалось оборванное „Василій“. Меланхолія — да, но только—не бездѣятельная. Психологія дома была такая, какъ бы всѣ испуганы, потрясены или неизлечимой болѣзнью ближняго, или похоронами; но только никто не увялъ отъ этого, не упалъ, не лежитъ, не опустилъ руки. Напротивъ, быстро встаютъ, почти вскакиваютъ. И вообще *оживленность собственно движеній, рѣчей, вниманія,* особенно *мысли* и *воображенія* — у нихъ *разительны сравнительно съ деревенскимъ нашимъ людомъ,* гдѣ все движется какъ „черезъ пень колода“.

VI.

— Ну, а не споете ли вы канту изъ любимыхъ вашихъ стиховъ,—предложилъ мой спутникъ, и толкнулъ меня, чтобы я насторожился.

И вотъ никогда я не забуду этой канты, въ которой вдругъ выразилось, что они—„не то̀, что мы“. Всякій знаетъ, до чего наше погребальное пѣніе превосходитъ музыкальностью, мыслью, поэзіей, *святостью* — пѣніе свадебное. Да и всякое другое превосходитъ! Увы, опять мировая тайна, что вѣдь *все трагическое, рѣшительно все—выше, изящнѣе, глубокомысленнѣе комическаго.* То-есть при равной степени таланта и, слѣдовательно, по существу именно сюжета. Великая тайна мировая скрыта въ томъ, что вообще скорбь *священнѣе* радости: не отсюда ли Молохъ, этотъ священный ужасъ древнихъ? Бросаю исторію и говорю о томъ, что видѣлъ: вдругъ понеслись звуки благородные, грустные, деликатные; музыка словъ была такъ хороша, что собственно слова я не особенно разбиралъ, тѣмъ болѣе, что они

были вовсе для меня незнакомы. Вдругъ раздался плачъ; я испуганно посмотрѣлъ вправо; не плакала, но залилась слезами 14-лѣтняя черная (смуглая), ужасно некрасивая, дѣвочка. Всѣ пѣли, и она пѣла. А рыданія, начавшія ее душить, прерывали пѣніе. Но и у всѣхъ почти были слезы. Плачъ всѣ только сдерживали.

— Слушайте, слушайте,—шепнулъ мнѣ сосѣдъ-спутникъ,—они поютъ о соединеніи съ Христомъ.

Я сталъ внимательнѣе къ словамъ. Изображалась въ пѣснѣ душа человѣческая, потерявшая Христа или которая вовсе и не знала никогда Христа; и какъ она тоскуетъ въ мірѣ и ничто ее не можетъ утѣшить, ничто не можетъ удовлетворить ея голодъ, пока въ странствіяхъ своихъ она не найдетъ „своего Спасителя и Избавителя“. Было что-то *не общее*, а *личное*. Вообще-то и мы такъ поемъ, или думаемъ. Но здѣсь былъ какъ бы туманъ какой-то, туманъ духовный, и каждая изъ чернявокъ-мадоннъ, да и мужчины-то всѣ тоже, точно распростеревъ въ туманѣ руки, искали *своего* Христа, *себѣ лично* Христа, но еще не нашли Его, еще нѣтъ Его, и душа ихъ безмѣрно тоскуетъ, что Его нѣтъ. Не забуду, въ комментарій къ этой пѣснѣ, одной (обрывистой) тирады, услышанной мною отъ слишкомъ православной женщины: „да, но вѣдь *отъ чего-нибудь* Христосъ именуется *Женихомъ*?! объ умершей молодой дѣвушкѣ говорятъ: вотъ, *она стала Христовой невѣстой!* Вѣдь не говорятъ: сестрой, ученицей, дочерью, а — *невѣстой*; *отчего* же это?“ Дѣйствительно, какая-то смутная или недоговоренная идея „Жениха“ конечно присуща Христу, и Церковь сама такъ нарекаетъ Его въ умилительномъ пѣніи на страстной седмицѣ: „се, Женихъ грядетъ въ полунощи“. Но мы музыку слушаемъ, а въ слова не вникаемъ. Слышимъ звонъ, а „не знаемъ,

гдѣ онъ“. Хлысты, со всею чуткостью и нервностью, можетъ быть были поражены этими словами; вдумались въ реальный этого смыслъ, рѣшили, что „не по-пусту слово молвится“, а первоначально оно *сказано было съ жизнью и реально.* И — отнеслись къ Христу, какъ Живому и Вѣчному Жениху; не какъ къ брату, отцу или учителю, но именно и спеціально какъ къ Жениху — и полюбили Его *душою* своею какъ женщиною, какъ *Дѣвою.* „Ψυχή“, „Психея“ — вѣдь и у грековъ представляема была не мужчиною. Здѣсь же, въ этомъ собраніи хлыстовъ, съ ихнимъ „Васенька“, „Матренушка“, „сестрица“, „братецъ“ — всѣ были какъ на подборъ другъ къ другу съ душами дѣйствительно усиленно женственными. Вотъ этими своими ярко не мужскими душами, умягченными особымъ умягченіемъ, они искали Христа: чтобы не только выслушать Его слово (какъ всѣ мы), но и слиться съ нимъ въ порывѣ восторга, покорности, повиновенія; слиться существомъ своимъ и съ существомъ Его: отношеніе не ученическое къ Учителю, а болѣе глубокое.

VII.

Мы сѣли. Поѣхали обратно. Мой спутникъ быстро заговорилъ:

— О Христѣ-то они пѣли? Это намеки. И какъ томятся. Это ихъ Иванъ Семенычъ (можетъ быть я ошибаюсь въ имени). Уѣхалъ, сказали, по дѣламъ въ Новгородъ. Ихнее „соединеніе со Христомъ“ и означаетъ плотское соединеніе съ этимъ Иваномъ Семенычемъ; а онѣ дуры, малолѣтнія, этого не разумѣютъ, а старшіе ихъ подводятъ черезъ это пѣніе къ этой догадкѣ. Красавецъ изъ себя. Онъ тутъ съ семью женами живетъ, а

эти всѣ дѣвочки, что вы видѣли—предназначены къ соблазну имъ. Ну, да до этого я не допущу. — Онъ назвалъ нѣсколько именъ знатныхъ покровительницъ, начальницъ пріютовъ. — „Вотъ онѣ мнѣ обѣщали взять всѣхъ этихъ сиротъ на воспитаніе. Его вышлемъ. Корабль разгонимъ. А невинныхъ спасемъ“.

— Если соблазнъ: то конечно такъ! Но что̀ же я видѣлъ? Фата-моргану? Они сейчасъ притворились? для нашего пріѣзда? А эти блѣдныя, безкровныя лица? Эти слезы? энтузіазмъ къ молитвѣ!... И—какая-то туретчина, гаремъ!! Такъ вѣдь турки—тѣ толстые, хохочутъ, плоть отъ плоти: а эти—такъ очевидно духъ отъ духа! Кто-то чего-то не понимаетъ: или—мой спутникъ, или—я!

„Христа“ хлыстовскаго я все-таки увидѣлъ, но только не въ „кораблѣ“ ихъ, а какъ совершенно частнаго человѣка. Прослышалъ я, что на Стремянной улицѣ, въ залѣ „Общества распространенія просвѣщенія въ духѣ православія“, происходятъ какія-то „собесѣдованія съ раскольниками“. И какъ нѣсколько скучалъ послѣ прекращенія Религіозно-философскихъ собраній, то и рѣшился посѣтить ихъ. Нужно замѣтить, что для всякаго человѣка, хотя краешкомъ души коснувшагося религіозныхъ вопросовъ, и притомъ коснувшагося ихъ не оффиціально и не по указкѣ, а своею душою и свободно, становится уже чрезвычайно трудно всецѣло предаться чему-нибудь другому. Ни одна наука и даже всѣ онѣ не соприкасаются такъ съ самыми границами исторіи, съ первымъ началомъ ея и правдоподобнымъ будущимъ концомъ (Страшный Судъ), какъ религія. Далѣе, возьмемъ-ли мы „ассоціацію идей“ или „законъ Фехнера“ въ психологіи: все это покажется какою-то игрою въ

куклы сравнительно съ богатствомъ психологическаго наблюденія и психологическихъ законовъ, открывающихся въ писаніяхъ великихъ подвижниковъ пустыни и вообще „нашихъ отцовъ“. Психологія Вундта куда бѣднѣе изреченій Антонія Великаго или Макарія Египетскаго. Наконецъ, языкъ ихъ, этотъ и спокойный и порывистый языкъ, такъ исполненный паѳоса и величія, недаромъ же еще *въ рукописную эпоху имѣлъ милліоны слушателей - читателей*. Ей-ей, ни въ какую эпоху Вундта или Милля *не стали бы переписывать въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ*. Скучно показалось бы бумагѣ, перу, не вытерпѣли бы читатели и переписчики. Таинственная рѣчь и Библіи и Евангелія вѣчно, при углубленіяхъ въ религію—передъ глазами, на языкѣ; наконецъ, вопросы о жизни совѣсти, загадки покаянія и возрожденія души человѣческой—все это куда занимательнѣе костей мамонта и даже радіоактивнаго свѣта. Ну, не занимательнѣе послѣдняго, то все-таки и не уступаетъ ему. Отъ этого вся область религіи, будетъ ли она служить предметомъ для мысли или для безъискусственной жизни сердца, богаче, глубже и просвѣтительнѣе, нежели міръ наукъ, нежели философія. „Philosophia est ancilla theologiae“, „философія есть служанка богословія“, эта поговорка, сложившаяся въ средніе вѣка, могла бы остаться навсегда справедливою, если бы сама „теологія“ не попала неосторожно въ рабство, въ неволю передъ самою собою,—своими суевѣріями, своимъ преждевременнымъ страхомъ. Извѣстно, что послѣдніе Меровинги (первая династія французскихъ королей) были уничтожены, попавъ въ руки своихъ майордомовъ, т.-е. домоправителей, экономовъ, попросту — слугъ, первоначально во всемъ повиновавшихся королямъ. Вотъ роль такихъ „майордомовъ“ около религіи

стали играть не по разуму усердные служители ея. Заблужденія „вѣка сего“ и въ концѣ концовъ вѣка каждаго они стали возводить въ какіе-то ненарушимые тезисы. Выросъ чудовищный заборъ схоластическихъ построеній, искусственныхъ и зыбкихъ, но относительно которыхъ всѣ притворялись, будто вѣрятъ, что онъ стоитъ чуть ли не отъ потопа и простоитъ до Страшнаго Суда. Выросъ коралловой рифъ теологіи, въ которомъ живучее, живущее — только на поверхности, а внутри онъ уже весь окостенѣлъ, окаменѣлъ, и о него только разбиваются корабли свободнаго человѣческаго и мірового плаванія. Нѣкогда питавшее человѣческую душу—стало притуплять ее; окрылявшее — стало усыплять; освобождавшее — стало порабощать ее. Нѣкогда исторгавшее у человѣка слезы стало возбуждать негодованіе. Повторяемъ, это вовсе не существо религіи, а безчеловѣчное отношеніе историческихъ людей къ религіи. И вотъ, какъ ни тяжелъ этотъ каменный рифъ давно не живыхъ мыслей, давно перегорѣвшихъ и ставшихъ трупомъ чувствъ,—все же этотъ старый рифъ, съ осколками разбившихся около него кораблей, тянетъ къ себѣ душу. И, строй его, и fatum его, и погребенныя здѣсь надежды и чаянія человѣчества, — все снова и снова притягиваетъ сюда. И, даже безъ особенной любви къ нему, все ходишь-ходишь мимо—и вотъ завернешь опять утлую лодочку личной біографіи „къ давно забытымъ берегамъ“, какъ поетъ князь въ „Русалкѣ“.

Словомъ, я заскучалъ по попамъ. Да не обидятся священники на меня за употребленіе этого народнаго имени, которое въ устахъ моихъ не уничижительно, а есть только движеніе лишній разъ обняться съ народомъ.—Зала на Стремянной была уже полна людомъ

Я вошелъ обычнымъ ходомъ: куда! просунуть руки было нельзя, не то что пройти впередъ. А отсюда, отъ дверей, ничего не было слышно, ибо зала необъятно-велика, да и говорили что-то впереди на эстрадѣ совершенно тихо. До чего-же велика любознательность народа и жажда у него какого-нибудь свѣта, науки, поученія, если эти сотни человѣкъ, составлявшіе задніе ряды присутствовавшихъ, четыре часа стояли неподвижно, какъ часовые на часахъ, только съ надеждой что-нибудь услышать и буквально ничего не слыша: ибо я, даже оттѣнкомъ глухоты не страдая, ни одного членораздѣльнаго звука не уловилъ. Съ отчаяніемъ я вышелъ на дворъ, и — разругался. — „Господинъ, да вы пожалуйте сюда“, обратился ко мнѣ не то̀ дворникъ, не то̀ „свой человѣкъ“ для собранія: и провелъ меня къ мале̇нькой дверцѣ почти противъ эстрады, на которой читали, говорили, и вообще гдѣ былъ центръ даннаго собранія и льющагося отсюда „просвѣщенія въ духѣ православія“ (названіе общества, которому принадлежитъ зала). И тутъ было тѣсно, но уже не такъ. Я протискался впередъ и сѣлъ на какую-то ступеньку, среди народа, но такъ, что все было видно и слышно. Чтеніе тянулось очень долго, чрезвычайно долго.

— „Несчастно вы, господинъ, попали“,—замѣтила мнѣ полная и миловидная женщина въ платкѣ, скучливо уткнувшая голову въ руки. — „Ерунда какая-то происходитъ. Вы бы приходили вчера или приходите завтра. Вчера пѣли, всѣмъ народомъ, Царю Небесный. Акаѳистъ съ колѣнопреклоненіемъ читали. Еще разныя молитвы пѣли и читали Евангеліе. А теперь и не вѣсть что̀ говорятъ, и какъ отсюда выбраться—не знаю, а только потеряла я свое время, да и народъ напрасно стоитъ, потому что ерунда одна. И слушать нечего“.

„Ерундою“ вѣрующая баба назвала пренія съ сектантами, на которыя я именно и пришелъ, выбравъ этотъ день недѣли. И съ какой твердостью она это сказала!—кажется, архіерей ее не передубѣдилъ бы. „Ну, и теменъ же народъ“, подумалъ я. А лицо у бабы скорѣй было умное, чуть-чуть интеллигентное. Была это мѣщанка, не работница и не прислуга; вѣрнѣй всего—грамотная. И вотъ—„ерунда“ о всякомъ движеніи мысли, кромѣ прямой и простой молитвы, прямого линейнаго поклоненія. „А еще боятся сектантства“, подумалъ я: „поди-ка вотъ такую завлеки въ секту“. И такихъ сотни, пожалуй тысячи были въ залѣ, обширной какъ манежъ.

Пренія мнѣ очень нравились свободой, непринужденностью. Замѣчу вообще о свободѣ въ духовенствѣ: вопросъ не маловажный для будущаго. Нѣтъ состава людей, въ одной половинѣ которыхъ было бы столько глухого и какого-то добровольнаго, любовнаго рабства, а въ другой половинѣ столько внутренней, изысканной и деликатной свободы. Какъ это сочетается—не постигаю. На вѣчно памятныхъ „Религіозно-философскихъ собраніяхъ“ сотни постороннихъ людей были свидѣтелями, до чего здѣсь былъ соблюденъ принципъ свободы исключительно благодаря отношенію къ ней духовенства, и какъ свобода эта ни мало не перешла у „г.г. литераторовъ“ во что-то несимпатичное и нечистоплотное, благодаря опять же присутствію духовенства, которое самою манерою говорить, возражать, сомнѣваться, философствовать преобразовало „буйный“ духъ свободы во что-то кроткое, безбитвенное, въ какое-то искреннее желаніе придти къ соглашенію и понять другъ друга. Читавшіе только протоколы этихъ собраній, печатавшіеся

въ „Новомъ пути“ за 1903 и 1904 г.г., не имѣютъ настоящаго представленія о происходившихъ тамъ преніяхъ, на которыя духовенство являлось чуть ли не съ большею еще готовностью и жаромъ, чѣмъ свѣтскіе Духовенство терпѣливо, вдумчиво; оно способно глубоко искать. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно стояло выше свѣтскихъ по самой интеллигентности: и если бы не каменный рифъ схоластики, спутавшій несчастнымъ образомъ умъ этого духовенства, то сколько возможно было бы съ нимъ соглашеній, признаніе великихъ качествъ, въ немъ содержащихся, и безспорно великихъ истинъ, имъ исторически хранимыхъ. Но о „каменный рифъ“ ихъ школьнаго образованія разбивалась мысль свѣтскихъ: самое трудное было—заставить духовныхъ просто *понять, о чемъ говорятъ и плачутся свѣтскіе.* И здѣсь выступали великія преимущества свѣтскихъ: вѣчно свободные и подвижные, они вносили въ собранія *лицо* свое, *имя* свое, *біографію* свою, *сердце* свое. Все—категоріи, вовсе неизвѣстныя въ духовенствѣ: послѣднее—*стояло сословіемъ.* Говорило каждое лицо отъ имени той семинаріи, гдѣ оно выучилось. Говорилось „отъ Златоуста“, „отъ Василія Великаго“: и ничего — *отъ себя*! ничегохонько!! Свѣтскіе прямо ненавидѣли это „общее“, эту „схему“, этотъ трафаретъ и благочестія и мысли. „Не отрицаемъ Василія Великаго: но скажите что-нибудь отъ себя!“—„Отъ себя?“... „Но я умеръ въ Василіи Великомъ, умеръ еще въ VII вѣкѣ послѣ Р. Х.: и съ тѣхъ поръ и по сіе время я только тѣнь, ходящая по землѣ, и изъ-за которой глаголютъ слова Василія Великаго“. Свѣтскіе прямо это ненавидѣли. Ненавидѣли, что имъ приходится говорить со схемою, которая въ себѣ ничего не чувствуетъ, не мыслитъ, не сострадаетъ ничему, ни о чемъ не скорбитъ, но остает-

ся тѣмъ „кимваломъ звенящимъ и мѣдью бряцающей", о которой ихъ же авторитетъ выразился, что это— „ничто, если въ немъ не содержится любви". Явно, что глухота духовенства есть въ основаніи умственная и уже потомъ сердечная. Но я возвращаюсь къ свободѣ. Каменный рифъ духовенства лежитъ на днѣ глубокаго моря. Возможная (и тогда сущая) въ немъ свобода до того превосходитъ культурностью своею, деликатностью своею, утонченностью своею, ну, хоть типъ адвокатской или писательской свободы, что, кажется, они являются выразителями разныхъ категорій. Эта свобода духовнаго лица о всемъ васъ разспроситъ, во все вдумается, подастъ руку въ трудности; свобода эта неизмѣримо активнѣе свободы общегражданской, которая только пассивна,—все выноситъ, все допускаетъ, но ничему не сочувствуетъ. Новая европейская свобода есть каменная свобода: ужъ поверну полемику на этотъ разъ противъ просвѣщенія и въ защиту духовныхъ или вообще въ защиту всѣхъ религіозныхъ людей. Свобода зиждущая, цѣлящая,—не разрушающая, а спасающая,—свобода какъ теплота около сердца, какъ привѣтъ уму вашему и вмѣстѣ споръ противъ него—и, словомъ, жизненная, живая, „животная" (допустите терминъ для яркости), эта свобода есть вовсе не одно съ политическою, ученою или юридическою свободою, которую культивируетъ свѣтское общество. Но этотъ великій даръ присущъ бываетъ духовнымъ лицамъ лишь въ томъ случаѣ, когда они сами свободны, независимы, не подавлены; когда они хоть чуточку *лично* вдохновенны; когда проявленіе свободы не грозитъ ущербомъ никакому ихъ интересу. Напротивъ, если духовному лицу случится быть природно недобрымъ или грубымъ, или придется стоять самому въ жёсткихъ условіяхъ, то всѣ эти недостатки

положенія или личности помножаются на всю толщину рифа, на которомъ стоитъ духовное лицо. И тогда является что-то чудовищное, отъ чего бѣгутъ народы и закрываетъ лицо свое цивилизація. Такъ вѣдь и совершилось во Франціи, въ Италіи. Произошло такъ передъ Лютеромъ. Можетъ повториться у насъ. Отъ религіи ли, отъ небеснаго ли бѣгутъ народы? Развѣ кому-нибудь не мило солнце, небо? Кому-нибудь противенъ Богъ? Но вотъ необузданный папа говоритъ: „я—Богъ“. Да и отъ нашихъ духовныхъ развѣ не раздавались рѣчи: „этотъ дуракъ Дарвинъ“, „невѣжественные тюбингенцы“, „Фарраръ—дрянь дрянью“ *) и т. п., — вездѣ только не доростая до папы, а въ сущности нося уже зародышъ этого папскаго: „я — Богъ“, „во мнѣ божественный авторитетъ“; и, словомъ—„слушайте и повинуйтесь“. Вотъ это „вице-божество“ духовенства, въ сущности нарушающее первую и вторую заповѣди, какія были сказаны человѣку: „да не будутъ тебѣ бози *иніи, развѣ Мене*“, „не сотвори себѣ *кумира*“, — вотъ это-то и возмутило народы священнымъ негодованіемъ во Франціи и въ Италіи; плоды чего, грубые, но невольные, мы наблюдаемъ тамъ. Безъ Бога человѣкъ никогда не захочетъ остаться. Къ Богу всегда вернутся. Но возможно, что къ духовенству тамъ уже никогда не вернутся.

VIII.

На очень высокой эстрадѣ читалъ, положивъ передъ собою тетрадочку, молодой человѣкъ въ сюртукѣ. „Позвольте, я говорю во-первыхъ—Преданіе, а во-вторыхъ —

*) Памятная брань, помѣщенная въ объявленіи газетномъ о какой-то тщедушной книжкѣ русскаго полемиста.

Писаніе, два единственные источника и одинаковые авторитета всякаго нашего разсужденія". И онъ поднималъ палецъ кверху для убѣдительности: ибо не цивилизованная толпа пыталась возражать иногда во время самаго чтенія. Чтецъ же хотѣлъ дочитать сперва до конца тетрадочку, какъ закругленный литературный трудъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ имѣлъ слушателями не одинъ этотъ простой народъ, но и интеллигентныхъ людей. Сзади чтеца, въ полукругѣ на стульяхъ (или креслахъ), сидѣло нѣсколько совершенно недвижныхъ и не моргнувшихъ, не высморкавшихся ни разу въ теченіе четырехъ часовъ старыхъ протоіереевъ, и по крайней мѣрѣ одинъ мнѣ знакомый преподаватель семинаріи. Этотъ былъ очень уменъ, но и онъ, подобно прочимъ, былъ недвиженъ какъ статуя Будды на Цейлонѣ. И вообще статуеобразность слушателей, „за чтеца" стоявшихъ и за чтецомъ сидѣвшихъ, была поразительна. Дремали ли они? Были ли очень убѣждены во всемъ? Но только слова бабы, сосѣдки моей: „все это ерунда, а надо молиться",—какъ будто стояли вытисненными и на лицахъ этихъ почти не живыхъ фигуръ. Распоряжался всѣмъ еще не старый священникъ, лѣтъ 40—50, очень извѣстный въ Петербургѣ. И видно было, какъ онъ уменъ и дѣловито уменъ, краснорѣчивъ безъ напыщенности, простымъ владиміро-московскимъ краснорѣчіемъ. Оговорюсь для поясненія, что у насъ есть два типа духовныхъ—кіевскаго и московскаго склада. Первые имѣютъ въ характерѣ своемъ что-то не стѣсненное, вольнолюбивое, поэтическое, въ обращеніи съ людьми—мягкое. Въ рѣчи ихъ много воображенія, сердца; а при недостаткѣ этого — усладительной реторики. Второй типъ духовенства зачался во Владимірѣ на Клязьмѣ и Москвѣ. Онъ—жёстокъ, дѣловитъ, имѣетъ крѣпкую ло-

гику и крѣпкій хозяйственный умъ. Иногда, присматриваясь, начинаешь думать, что въ настоящемъ и сердечномъ смыслѣ онъ не имѣетъ вовсе понятія о религіи, никакого чувства ея; никакого „этого тумана мистическаго“, изъ коего въ концѣ концовъ рождались въ исторіи и „боги“ и „вѣры“. Кажется, даже къ Христу и апостоламъ онъ относится приблизительно какъ учитель греческаго языка въ гимназіи къ словамъ „Jupiter“, „Mars“, т.-е. что „конечно они были и римляне въ нихъ вѣрили, но для насъ съ вами страшенъ только окружной инспекторъ“. Этотъ типъ суздальско-московской вѣры совершенно безстрашенъ въ отношеніи Бога или совѣсти, ломаетъ рѣчь такъ и этакъ, все соотвѣтственно желанію „его превосходительства“. Но онъ уменъ, этотъ типъ людей, любитъ порядокъ, страшно послѣдователенъ и незыблимо упоренъ въ трудѣ. Можетъ онъ построить 20 томовъ сочиненій, можетъ добраться до высоты Сперанскаго. И когда я смотрѣлъ на гибкую, сильную фигуру священника-распорядителя, стоявшаго на эстрадѣ, и слушалъ его не масленую, но умную рѣчь, то думалъ: „ну, такого не сломишь“. И вспомнилъ вырвавшееся у Ильи Муромца причитанье о татаринѣ, которымъ онъ побивалъ татаръ же: „а и жиловатъ, собака, не оборвется“. Именно... Ничто, казалось, не могло бы этого священника переутомить, переломить, побороть. Во всякомъ столкновеніи онъ оказался бы на верху положенія.

— Что̀ же вы это за безобразіе дѣлаете? Дохнуть негдѣ! Три часа стоимъ. Хоть-бы лавки поставили. Вишь, сами-то всѣ сидите, вѣдь.

Рѣзкій голосъ говорилъ изъ середины народной тучи. Такъ и прозвенѣлъ, прервавъ лектора. Такъ какъ на народъ дѣйствительно было жалко и почти страшно

глядѣть (три часа абсолютной недвижности и ничего въ сущности не слыша!), то я съ нѣкоторой недоброй радостью посмотрѣлъ на „господъ сидѣвшихъ“. Было похоже на трехъ фарисеевъ и сто мытарей. „Не по Евангелію“ стояли тутъ. „Ну-ка, какъ они найдутся“. Но я былъ сконфуженъ.

Распорядитель („жиловатый“) моментально нашелся. Упрекъ себѣ онъ обратилъ въ похвалу себѣ. Выступивъ впередъ и поведя рукою, онъ обратился къ народу: „Вотъ какая тьма, вотъ какая жажда слушать вразумительное слово! Стѣной стоятъ, человѣкъ къ человѣку! Тутъ подвинуться нельзя: гдѣ же тутъ поставить скамьи? Вѣдь тогда пришлось бы половину впустить, а остальные?! Лишились бы духовной пищи, которой жаждетъ этотъ благочестивый и темный людъ. И намъ самимъ жаль стоящихъ, прискорбно видѣть страданіе ихъ, но сдѣлать иначе нельзя, и было бы хуже—къ ущербу самихъ слушателей“. И т. д., и т. д. И хорошо. И возразить нечего. А усталость, хорошо оговоренная, такъ и осталась усталостью. Маслеца на ноженьки дали, а скамеечки усталому все же не дали. Потомъ только я догадался, что конечно не надо было пускать столько народа, ибо всѣ задніе ряды все равно ничего совершенно не слышали!

Изъ густой толпы народа продолжали слышаться возраженія, и было любопытно наблюдать, „по какихъ поръ“ додумалась или дочиталась рабочая и мелко-торговая столичная толпа.

—„Позвольте, „Преданіе“, „Писаніе“... Да одначе же ученые сомнѣваются и въ самомъ „Писаніи“. Вотъ я читалъ „исторію“ такой-то „эволюціи“: и сказано, что такія „преданія“ и „писанія“ у всѣхъ народовъ суще-

ствовали. Значитъ, что̀ же тутъ особеннаго? Библія -- такая же книга, какъ и остальныя".––Задумался говорившій—„Извините, господа священники и ораторы, но я ни во что не вѣрю—ни въ Библію, ни въ Писаніе, и не знаю, вѣрю ли въ самого Бога".

Я опять опѣшилъ. Говорилъ, въ манжетахъ и галстукѣ, приказчикъ изъ магазина или „малый" изъ книжной лавки. „Ну-ка, какъ теперь они найдутся? Вѣрно сейчасъ закричатъ на него". И вотъ я былъ удивленъ и тронутъ необыкновенно мягкимъ отвѣтомъ, нехитро и не придуманно-мягкимъ, а отъ души и настоящимъ. Сказалъ что-то и миссіонеръ (читавшій по тетрадкѣ), и который-то священникъ, въ томъ смыслѣ, что „у кого нѣтъ вѣры, тому и не дано; можетъ вѣра со временемъ придетъ" и т. д. Словомъ, мягко, деликатно, умно.

— Позвольте,—еще заговорилъ изъ середины тучи: —на страницѣ (такой-то) Фаррара сказано, что „Божія Матерь имѣла еще дѣтей, кромѣ Іисуса Христа". Выраженіе евангелиста о „братьяхъ Господнихъ" онъ такъ истолковываетъ. Между тѣмъ какъ въ „Руководствѣ священной исторіи" (опять имя автора и вообще все точно, въ цитатахъ) разъяснено весьма естественно и духовно, что „братья Господни" суть не плотскіе братья Христа, а братья ему по духу, и конечно Божія Матерь не могла имѣть еще дѣтей. Мысль Фаррара явно богохульная. Между тѣмъ духовный цензоръ пропустилъ книгу, не исправивъ это выраженіе, да еще она дана въ видѣ приложенія къ духовному журналу (такому-то: я забылъ имя, но журналъ распространенный, въ родѣ „Душеполезнаго чтенія") и вотъ я получилъ ее вмѣстѣ съ духовнымъ журналомъ. Что̀ же это такое? Зачѣмъ въ народѣ смуту сѣять? Подрывать основы православной вѣры? Я вижу, что заблужденіе, а другой печатному,

да еще одобренному духовнымъ цензоромъ, не можетъ не вѣрить. Соблазнъ.

Торжество распорядителя собранія было полное.

— Прекрасно. Вотъ и плодъ! Вы ошибку замѣтили и сказали намъ. Мы здѣсь озабочены миссіонерствомъ, въ цѣляхъ миссіонерства существуетъ и самое это собраніе; а оказывается, среди слушателей, съ которыми мы приготовились бороться, есть такіе, которые могли бы даже сами встать въ ряды миссіонеровъ. И дѣлайте такъ и проповѣдуйте!! Помогайте труду нашему, апостольскому, тяжелому, и вырывайте вездѣ, гдѣ можете, плевелы заблужденія. Отмѣченное вами утвержденіе Фаррара есть конечно ложное, и цензоръ поступилъ неосторожно, по крайней мѣрѣ не оговоривъ этого въ примѣчаніи.

И опять хорошо. Никто не обиженъ, даже и цензоръ, т.-е. все же „власть предержащая“.

IX.

Нѣсколько переднихъ рядовъ стульевъ (они все же занимали переднюю часть залы, можетъ быть до половины) было занято интеллигентными людьми „такъ-себѣ“, изъ семей духовныхъ, хозяева лавокъ, кой-кто изъ учительницъ, и т. д. Прямо противъ эстрады въ первомъ ряду сидѣлъ господинъ—темный-темный брюнетъ, на котораго я обратилъ вниманіе, когда онъ всталъ и началъ возражать кончившему читать миссіонеру. Нужно замѣтить, что во время разныхъ преній распорядитель собранія, резюмируя чтеніе миссіонера и защищая его тезисы, нѣсколько разъ почему-то съ глубокимъ негодованіемъ упомянулъ о такихъ нелѣпыхъ сектахъ, къ которымъ принадлежащіе „запер-

шись наглухо ночью,—танцуютъ". А это могло быть сказано только о хлыстахъ: и я не понималъ, почему такъ горячится онъ? Но когда сидѣвшій противъ эстрады всталъ и повелъ длинную рѣчь, то я спросилъ сосѣдей по ступенькѣ: „кто это?" Мнѣ назвали фамилію, и я узналъ, что это—тотъ самый хлыстовскій „христосъ", къ которому мы ѣздили и не застали его дома. Ну, тутъ я впился глазами.

И возившій меня къ хлыстамъ высокій авторитетъ по миссіонерству не одинъ разъ повторялъ мнѣ, что этотъ „христосъ" ихъ—необыкновенный человѣкъ какъ по страшной силѣ пропаганды и фанатизма, такъ и по красотѣ. „Онъ-бы васъ въ окно выбросилъ за вашу защиту брака", сказалъ онъ убѣжденно. Однако о красотѣ его я думалъ, что это обыкновенная, аполлоновскаго типа, красота, къ какой мы привыкли. Но было вовсе другое.

Ни на кого онъ такъ не похожъ былъ, какъ на Владиміра Соловьева, котораго я видалъ, и послѣдній бывалъ необыкновенно красивъ, когда „держалъ себя". Дома и въ блузѣ онъ былъ запущенъ, но когда появлялся впервые среди незнакомыхъ людей и бывалъ молчаливъ или придумчиво-разговорчивъ, бывалъ обаятеленъ,—и вовсе типомъ не аполлоновской красоты, довольно пошловатой, à la кокотка, а вотъ этимъ типомъ суроваго библейскаго пророка. Но, нисколько не преувеличивая, поднявшійся мѣщанинъ былъ несравненно красивѣе Соловьева, именно—какъ-то сжатѣе и сильнѣе его въ фигурѣ. На немъ былъ длинный сюртукъ, и вообще европейскій костюмъ, съ торговымъ пошибомъ. Волосы длинные, почти до плечъ, волнистые. Ростомъ чуть-чуть пониже Соловьева. Голосъ скорѣе глухой, грудной, спокойный и твердый. Вся

рѣчь запутанная, безграмотная. Видно, что до всего „самъ умомъ доходилъ“. И въ рѣчи его не было тѣхъ „семи классовъ пройденной семинаріи“, которые блестѣли какъ сапогъ въ читаемой тетрадкѣ миссіонера, правильной, по рубрикамъ, по параграфамъ. Говоря спокойно, онъ тутъ же творилъ мыслью, и отъ этого была нѣкоторая запутанность въ рѣчи, она была безъ глянца, но, какъ я скажу ниже, говорившееся было цѣнно. Дополню сперва однако о фигурѣ хлыста: она была, я упомянулъ, вся сжата, но безъ соловьевской страшной и болѣзненной худобы, а сжата точно какимъ-то внутреннимъ стѣсненіемъ, внутренней крѣпостью... „Точно изъ Аравіи, а ужъ во всякомъ случаѣ чудно встрѣтить въ Петербургѣ“: послѣднюю мысль навѣвала его смуглость, совершенно мною никогда не видѣнная (даже въ Италіи) у людей арійской крови. Возможно, что онъ былъ метисъ, съ цыганской кровью въ жилахъ, о чемъ могъ и не догадываться, ибо матушки дѣтямъ не все о себѣ разсказываютъ. Тонкое, худое, какъ точеное лицо его было по цвѣту таково, какъ если бы кто смѣшалъ 1/4 бѣлой краски и 3/4 черной, или уже самое большее половина на половину. Это было самое въ немъ поразительное, кидающееся въ глаза; и отъ этого я такъ подробно передаю видѣнное. Во всякомъ случаѣ его невозможно не замѣтить въ многотысячной толпѣ, не отличить, не запомнить. Встрѣтясь съ нимъ на площади, на улицѣ, всякій бы оглянулся на него и опять же запомнилъ бы. „Таланты, дьяволы! вся секта основана на талантливости, на признаніи таланта и поклоненіи ему!... Нѣтъ, вѣдь это мысль—Карлейлевская, а она—у нашихъ хлыстовъ!“ И пытался разобраться въ рѣчи хлыстовскаго „христа“.

Сперва ничего не понималъ, почти ничего. Отсутство-

вали наши формы „вводныхъ словъ“, „главной мысли“, „второстепенныхъ мыслей“, „заключенія“. Но когда я пренебрегъ этимъ, я увидѣлъ, что рѣчь была конечно содержательнѣе всего, что говорилъ изъ семинарскаго курса миссіонеръ. Судите сами. „И къ Преданію, и къ Писанію“ говорилъ хлыстъ, „надо умѣть правильно отнестись. Безъ руководства они могутъ только ввести въ заблужденіе. Гдѣ же этотъ правильный путь? Вы подбираете тексты, и подпираете толкованіе толкованіемъ, отъ книги къ книгѣ, и все уходитъ въ бездонную глубь исключительно книжной и часто произвольно наклоняемой мудрости. Раньше, чѣмъ толковать Писаніе, *надо полюбить Христа.* И въ жизни мы видимъ, что только любящій человѣкъ, любящій своего наставника, учителя, руководителя, можетъ *постигнуть* настоящимъ, не ложнымъ образомъ—и *слово его.* Тѣмъ болѣе о Богѣ: какъ толковать Божіе слово, не любя Бога, и какъ браться за евангельское слово, такъ сказать, не вселя въ себя *самого Христа?* не умалясь въ человѣчествѣ своемъ, не подавя всего, что̀ мы имѣемъ отъ рожденія грѣховнаго и слабаго, чтобы на это чистое мѣсто Христосъ поставилъ престолъ Свой (я передаю мысль безъ буквальности). И вотъ тогда-то, когда внутреннею трудной и можетъ быть для многихъ неудачной, невозможной работою надъ собой, мы этого достигнемъ, тогда у насъ есть чѣмъ судить и Слово, и Преданіе. Не судить, чтобы отвергнуть, а судить, чтобы въ полнотѣ и всей жизни его принять. Пока я какъ бы не вижу лица Христа, ничего о Немъ не думаю, да и думой такой не задавался: что̀ же я буду вязать пучки изъ строкъ евангелія? Мертвая, безжизненная, возможно ошибочная работа. Но когда постигъ *лицо Христа, душу Его,*—если хотя приблизился къ этому, тогда

видишь, что̀ Онъ хотѣлъ сказать, тогда разумѣешь слово Его раньше, чѣмъ оно донеслось до уха. Такъ вѣдь мытарь не всѣ слова Христовы зналъ, а былъ христіанинъ. Есть многіе, которые помнятъ наизусть Евангеліе, но что̀ въ томъ? И есть безграмотные, но которые творятъ волю Христа, потому что знаютъ, чего Онъ хотѣлъ, для чего сошелъ на землю; видятъ какъ бы лицо Христа. А безъ этого предварительнаго пути, безъ усилія надъ собою, безъ побѣды надъ страстями и немощами, и наклонностями, отъ рода идущими, невозможно ничего сдѣлать. И люди, имѣя одно Преданіе и Писаніе, учатъ разному, и разошлись, и возненавидѣли другъ друга. А въ *лицѣ* Христа—*единство* и *любовь* и *миръ*".

Я такъ запомнилъ, потому что это было для меня ново. Рѣчь хлыста текла, какъ рѣка черезъ пороги,—съ запинками, извилинами, неудачными выраженіями и безъ литературнаго плана. Она не была заготовлена, но не была и импровизаціей. Онъ искалъ и затруднялся въ выраженіяхъ, очевидно, глубокаго и давняго убѣжденія. Но я обращаюсь къ читателю: развѣ тутъ нѣтъ въ самомъ дѣлѣ метода, оригинальности и новизны? Помню, споря въ религіозно-философскихъ собраніяхъ, мы, интеллигенты, все тоже цитировали Евангеліе, т.-е. держались метода своихъ оппонентовъ, какъ бы миссіонеровъ среди насъ. И, пожалуй, получались два словесныя вервія, одинаково немощныя. Хлыстъ, можно сказать, совершилъ работу болѣе оригинальную, чѣмъ интеллигенты на этихъ собраніяхъ, изъ которыхъ нѣкоторые (Д. С. Мережковскій) имѣли европейскую извѣстность... Онъ не принялъ оружія миссіонеровъ; уронилъ свою шпагу, послѣ чего имъ осталось бросить и свою. „Чего *хотѣлъ* Христосъ,—вотъ что̀ нужно узнать: все

остальное будетъ тогда *ясно*". Въ самомъ дѣлѣ, евангелисты, какъ это и оговорено у нихъ, записали лишь *часть словъ* Спасителя. И, можетъ быть, у нихъ не записано многаго очень важнаго. Подбирать слова евангелистовъ—значитъ совершать очевидно мертвое дѣло. Тутъ—одна глина, гдѣ еще „духъ Божій" не задышалъ. Вы, положимъ, знаете человѣка: ну, если вы *хорошо постигли его личность*, — вамъ не для чего помнить всѣхъ его словъ; вы даже скажете нѣчто новое какъ бы отъ его имени, его манерою, его духомъ: и онъ васъ обниметъ, *одобривъ* все даже и *сотворенное, не вторящее* ему. Не такъ ли? На чемъ же основана посылка вмѣсто себя другого „довѣреннаго лица?" посылка другомъ—друга? „поди, сдѣлай то̀-то; сотвори это; достигни того; переговори съ тѣмъ". И вовсе *безъ передачи точныхъ словъ*. Посылка *друга* для переговоровъ надежнѣе посылки *письма*. Такъ въ жизни. Такъ въ бѣдномъ человѣческомъ житіи. Не такъ же ли, однако, и въ небесныхъ отношеніяхъ? Въ прощальной длинной бесѣдѣ съ учениками Христосъ такъ и выразился: „вы уже *други* Мои, а не рабы", „Я знаю васъ и вы знаете Меня". *Приближеніе къ Христу* — вотъ методъ!... Пожалуй, я продолжу мысль хлыста, если скажу, что методъ этотъ заключается въ томъ, чтобы приблизиться къ Христу и, какъ бы погасая въ Его лучахъ, начать свѣтиться уже не собою, а заимствованными отъ Него лучами,—какъ луна свѣтитъ не сама, а отраженными лучами солнца. Христосъ вѣдь и называется самою церковью „Солнцемъ" и „Солнцемъ правды" (рождественскія пѣснопѣнія). Въ гигантскихъ усиліяхъ, въ большой работѣ сердца и ума, въ ломкѣ всей своей біографіи, да и благодаря личнымъ талантамъ и предрасположеніямъ, хлыстъ погасаетъ въ своемъ темномъ

„я“, въ землистомъ „я“,—и возродясь въ лучахъ „вѣчной правды“, „вѣчно Правдиваго Лица“, становится какъ бы луною Христа: и не здѣсь ли, не въ этомъ ли изгибѣ мысли, и лежитъ настоящій секретъ ихъ „богородицъ“ и „христовъ“, этой самой дикой и поражающей насъ удивленіемъ части ихъ ученія? Вотъ такіе-то „уподобившіеся Христу“ (Единому Подлинному: ссылаясь на Его слова, вѣдь—они и сами это знаютъ), „луны Христа“, принявшіе однако частицу подлиннаго Его существа въ себя, какъ и луна на себѣ несетъ тоже подлинные солнечные лучи,—и именуются „христами“ и „богородицами“, или „лжехристами“ и „лжебогородицами“ миссіонерскихъ книжекъ. Приблизиться, *ассимилироваться*—это, въ самомъ дѣлѣ, методъ! Не въ этомъ ли состоитъ вообще даже и всякое усиліе, религіозный подвигъ—въ отличіе отъ религіозной *учености?*

Миссіонеръ, читавшій по тетрадкѣ и чрезвычайно превосходившій хлыста закругленностью литературной рѣчи,—ничего даже не понялъ въ мысли хлыста. Они были какъ бы два гладкихъ колеса, вертѣвшіяся въ противоположныя стороны безъ соединительныхъ зубцовъ. Миссіонеръ говорилъ все по-семинарски и отъ семинаріи; хлыстъ все по-мужицки и отъ „чрева“. Первый на память говорилъ, чему его выучили въ семинаріи, какъ бы разсказывалъ урокъ ученикамъ младшаго класса. Для громадной толпы народной это было вразумительно, но въ миссіонерскомъ смыслѣ это слѣдовало все замѣнить просто открытіемъ школъ, для безграмотныхъ или малограмотныхъ. Изъ тысячной толпы выдѣлился одинъ со своей работой мысли. И передъ нимъ по духовному опыту, по силѣ таланта миссіонеръ оказался ученикомъ. Въ хлыстовствѣ есть

несомнѣнно присутствіе фаустовщины, запросовъ глубокихъ, порывовъ страстныхъ, рѣшеній оригинальныхъ. Вѣдь и Ломоносовъ былъ вначалѣ только талантливый деревенскій паренекъ; и вотъ зрѣлище, какъ передъ нимъ сталъ бы куражиться бездарный нѣмецкій преподаватель, въ Москвѣ или Берлинѣ, походило бы на это собесѣдованіе образованнаго миссіонера съ „необразованнымъ сектантомъ". Натурою сектанты несомнѣнно чувствуютъ превосходство свое надъ миссіонерами,—натурою фаустовскою, уступая послѣднимъ въ школьной выправкѣ, методѣ, „образованности" рѣчи и аргументаціи. Миссіонеры, побѣждая ихъ въ словопреніяхъ, не могутъ оказать на нихъ умственнаго обаянія; обаянія вообще душевнаго, генія своего что̀ ли. А вѣдь религія—вѣяніе, т.-е. именно въ обаяніяхъ-то, въ обаятельности—и лежитъ ключъ возможной и убѣгающей отъ миссіонеровъ побѣды.

X.

Передамъ одну удивительную мысль, которая у меня явилась въ слѣдующіе дни, когда я переживалъ про себя и обдумывалъ зрѣлище, которое видѣлъ въ „кораблѣ"-общинѣ. Хлыстовство, по моему мнѣнію, есть въ *самой натурѣ вещей нашедшійся отвѣтъ на законъ Мальтуса*,—о которомъ тревогою полна западно-европейская мысль, и, зависимо отъ нея, хотя и въ слабѣйшей степени, мысль русская. Законъ этотъ, опуская подробности, состоитъ въ доказательствѣ, что средства пропитанія въ данной странѣ, народѣ и, наконецъ, въ цѣломъ человѣчествѣ возрастаютъ въ ариѳметической прогрессіи, члены которой слѣдуютъ правилу сложенія, тогда какъ численность народонаселенія возрастаетъ въ геометри-

ческой прогрессіи, члены которой слѣдуютъ правилу умноженія. Словомъ, населеніе, при нормальномъ размноженіи, всегда перегоняетъ трудоспособность и продукты, добываемые ею. „По одёжкѣ протягивай ножки“, учитъ народная мудрость. Но какъ бы человѣчество не подбирало подъ себя „ножки“, тѣмъ не менѣе этой „одёжки“ или,—возвращаясь отъ иллюстраціи къ иллюстрируемому,—средствъ къ существованію, не хватаетъ и не можетъ хватить на всѣхъ. Съ краю „ножки“ остаются совсѣмъ не покрытыя. Всѣ ужасы пауперизма, нищета, голодъ, алкоголизмъ отъ отчаянія, преступленія, переполненныя тюрьмы—все это есть почти математическое послѣдствіе того, что вообще ариѳметическая прогрессія не можетъ угнаться за геометрической. Растутъ люди быстрѣе, чѣмъ хлѣбъ: вотъ основной ужасъ самого *бытія* человѣческаго. Проклятіе, легшее на человѣка какъ родъ, какъ на человѣчество.

Наука точна. Съ наукой что̀ же подѣлать? Наука „поверхъ добра и зла“ въ томъ смыслѣ, что она въ первой же своей стадіи устанавливаетъ факты, обрисовываетъ дѣйствительность, и тутъ она должна быть или, точнѣе, невольно бываетъ точна и неподкупна, какъ желатиновая пластинка въ фотографіи. Законъ Мальтуса у многихъ, любящихъ человѣчество, надолго отнялъ сонъ. Легко произнести: „пауперизмъ“. А разверните-ко картину его *въ каждой хижинѣ*. Войдите *въ отдѣльную семью*. Прослѣдите ужасъ этой семьи: любящіе родители, уже обезсиленные, больные; и вотъ ихъ дѣти, отъ невоспитанія, заброшенности—уже уличные воришки въ мужской половинѣ, проститутки [1])—въ женской. Все вѣдь

[1]) Не могу не передать одного разительнаго случая: закинувъ руки за голову, 22-хлѣтняя красивая дѣвушка-работница-проститутка проговорила: „И-и-ихъ! Кабы не нужда, пошла-ли бы я на такую жизнь!

день за днемъ... На глазахъ родителей, дѣдовъ. Съ ужасающей послѣдовательностью, неумолимостью. Чудовищно! „Нѣтъ, только чудовище могло создать человѣка не только такимъ уродцемъ, но и такимъ несчастнымъ"—это и срывалось, а во всякомъ случаѣ въ правѣ было сорваться съ устъ филантропа.

Между европейскими мыслителями 2-й половины XIX вѣка немного можно найти равныхъ по величію ума, необозримой учености и по благородству души—Джону Стюарту Миллю. Авторъ „Утилитаріанизма", „Системы логики", „Политической экономіи" и еще цѣлаго ряда разсужденій и изслѣдованій историческихъ и философскихъ, онъ можетъ считаться благороднѣйшимъ продуктомъ и вмѣстѣ двигателемъ вообще западно-европейской духовной культуры. И вотъ, при обсужденіи положенія рабочихъ классовъ, онъ, перебравъ всевозможныя мѣры, предложенныя для улучшенія этого положенія, опредѣляетъ всѣ ихъ какъ *палліативы*, и находитъ *радикальное средство только въ одномъ*: перестать съ *такою быстротою множиться*. „*Сами* рабочіе держатъ узелъ рабочаго вопроса въ рукахъ своихъ: это — *прекратить*

Вотъ ваши два рубля отдамъ хозяйкѣ за квартиру, останется еще за мной четыре. А ужинать—нечего, лягу такъ. Мы за квартиру 6 рублей платимъ, да ѣда, да нужно одеженки, а я на фабрикѣ всѣхъ получаю 14 рублей". (На вопросы):—„Нѣтъ, я не русская, мы изъ старовѣровъ".—„Мать, четверо маленькихъ, а большая—я одна".—„Мать говоритъ мнѣ только: — Не води знакомства ни съ кѣмъ (хулиганы, проститутки): *а пройдешь сторонкой—и никто тебя не осудитъ*". Т. е. это *о способѣ проституціи, о выходѣ на улицу*. Эти слова матери своей дочери, какъ она должна исполнять свое ужасное дѣло,—ужасное *для семьи нисколько не разрушенной*, съ твердымъ православнымъ укладомъ,—показались мнѣ настолько ужасны, а сама дѣвушка, въ русской простотѣ и правдѣ своей, показалась до того прекрасною... что, я думаю, это полезно узнать читателю.

дальнѣйшій выбросъ рабочихъ рукъ на рынокъ соперничающаго труда". „Рабочіе,благоразумно сознавъ соотношеніе между спросомъ на трудъ и предложеніемъ его, и *не довѣряя всѣмъ безсильнымъ обнадеживаніямъ филантроповъ*, должны *по мѣрѣ возможности воздерживаться отъ вступленія въ бракъ*". Такъ это и прописано у Милля. Да и у одного-ли Милля? Всѣ, посвящавшіе мысль свою рабочему вопросу, т. е. глубочайшіе и человѣколюбивѣйшіе мыслители, не находили иного средства, какъ этого жестокаго, и... палліативнаго!!

„Не вступайте въ бракъ!". Хорошо. Но *какъ*-же *иначе*? Милль и другіе, разрабатывая лишь *соціальную* сторону вопроса, не касались *біологической, физіологической*. Это—западное „раздѣленіе труда", раздѣленіе его даже *въ сферѣ мысли*, при *обсужденіи* какой-нибудь *одной* конкретной жизненной *темы*. Пожалуй, „не вступайте въ бракъ". Но вѣдь это значило только—„не вѣнчайтесь"! а не то̀ что-бы—вовсе *не имѣть дѣтей*! Пожалуй, парни и мужики фабричные жёнъ имѣть не будутъ: за то ровно въ этой же пропорціи *увеличится число дѣтей у незамужнихъ дѣвушекъ на фабрикахъ*, и на рынокъ все равно будетъ выброшено то же количество *„рабочихъ рукъ*, размножившихся въ геометрической прогрессіи." *Нужно—не рождать*!! А,—это другое дѣло, и гораздо труднѣе, чѣмъ „не вступать въ бракъ". *Остается проституція*. Да,—это исходъ. „Физіологія" дѣйствуетъ, а дѣтей не бываетъ. Никакого уродливаго самоискаженія, но только — несчастіе. Несчастіе ужаснѣйшее тысячъ, а въ будущемъ —милліоновъ дѣвушекъ, которыя потенціально могли бы быть матерями, женами! Нѣтъ, ей-ей, что̀ вы ни говорите, какъ ни жеманьтесь, а будутъ созваны, и очень скоро, цѣлые международные конгрессы, не изъ „спеціалистовъ" только (которые часто

дальше своего носа ничего не видятъ), а изъ принцевъ, поэтовъ, мудрецовъ, священниковъ, епископовъ, съ цѣлью не „бороться со зломъ проституціи“ (куда ужъ!), а вотъ только чтобы урегулировать ее, оформить и *сдѣлать менѣе страдальческою.*

Законъ Мальтуса и одинъ изъ двухъ выходовъ: или—*убивать* нарождающихся *дѣтей*, или—не имѣть отношенія къ женщинѣ иначе чѣмъ *къ проституткѣ*, т.-е. *безплодно.*

Когда я былъ у хлыстовъ, то по памяти стародавнихъ занятій политическою экономіею и тоже въ своемъ родѣ слезъ надъ закономъ Мальтуса,—у меня и мелькнула мысль: „вотъ *еще исходъ, кромѣ дѣтоубійства и проституціи*“. Милль говоритъ: „рабочіе должны *сами* удерживаться вступать въ бракъ“. *Которые,* однако, рабочіе? здоровые, нормальные, уравновѣшенные? Возможные *лучшіе* отцы будущаго поколѣнія? Ужъ не предоставить-ли имѣть дѣтей только старенькимъ богачамъ, такъ какъ избытокъ средствъ пріобрѣтается только къ старости?! Да къ этому, т. е. въ сущности къ національному вырожденію, повидимому, все и клонится теперь. Милль, въ силу западнаго „раздѣленія труда“ (въ мысли), не занимался этими дальнѣйшими выводами изъ своего рѣшенія, которые ужъ намѣчены самою жизнью. Высокая его нравственность просто запретила бы ему сказать, посовѣтовать: 1) бракъ старичковъ, 2) запрещеніе молодежи жениться, 3) проституція и дѣтоубійство для случайнаго продукта молодыхъ. Чудовищно. Занимаясь лишь ¼ своей проблемы, Милль и былъ нравственъ и спокоенъ. Но у русскихъ нѣтъ еще „раздѣленія труда“ для мысли, и мы слишкомъ видимъ прямо наивность совѣтовъ Милля.

Хлысты, какъ я видѣлъ, представляли собою общину

въ 50—60 человѣкъ, *абсолютно не множащуюся.* Основной канонъ секты: „не женатый—не женись, а женатый—разженись!“ Но если для зрѣлаго, здороваго, уравновѣшеннаго рабочаго „не женись“ есть: 1) душевное томленіе, 2) кутежъ и безобразіе холостого быта, 3) соблазнъ дѣвушекъ и дѣтоубійство или 4) обращеніе къ проституткѣ и гніеніе въ извѣстной болѣзни,—то для хлыста *исключены всѣ эти четыре данныя!* Гробъ безъ гроба, погребеніе безъ смерти! Для меня поразительно, какимъ образомъ изслѣдователи этой секты, съ одной стороны быстро и неудержимо распространяющейся, а съ другой — *численно навсегда ограниченной присутствіемъ исключительныхъ, можетъ быть психо-патологическихъ, а можетъ быть геніальныхъ особенностей,*—не догадались, не увидѣли того, что̀ само собою кидается въ глаза: именно, что хлыстовство представляетъ *единственную* переносимую, моральную и чистую *форму борьбы съ закономъ Мальтуса.* Что̀ же стоять съ кнутомъ надъ рабочимъ, говоря „не женись“, когда рядомъ нервно-патологическій субъектъ говоритъ: „ни за что̀ *я не хочу жениться,* а дайте мнѣ порадѣть“, и его тащатъ въ тюрьму или вообще гонятъ, преслѣдуютъ. Ну, и дайте имъ порадѣть. Говорятъ, послѣ радѣнья бываетъ такъ называемый „свальный грѣхъ“. Категорически могу отвергнуть это на томъ простомъ основаніи, подтверждаемомъ всѣми безъ исключенія наблюдателями хлыстовъ, всѣми безъ исключенія миссіонерами, что *у хлыстовокъ никогда не рождается дѣтей,* что́ было бы абсолютно невозможно, если бы фабула о свальномъ грѣхѣ была истинною. Въ послѣднемъ случаѣ дѣтей рождалось бы не только много, но они рождались бы постоянно и у всѣхъ хлыстовокъ, только отъ разныхъ отцовъ. Но сказать это о хлыстахъ (т. е. что̀ у нихъ рождаются дѣти), значитъ стать въ

противорѣчіе со всѣмъ о нихъ извѣстномъ, засвидѣтельствованнымъ, удостовѣреннымъ. Въ рѣдчайшемъ-рѣдчайшемъ случаѣ бываетъ такое рожденіе (дитя всегда убивается, какъ и въ случаяхъ рожденія „около монастыря"), очевидно отъ индивидуальнаго романа, притомъ не отъ настоящихъ хлыстовъ, а отъ людей, случайно попавшихъ въ эту секту безъ врожденнаго призванія. Отвращеніе ихъ къ плотскому общенію до такой степени ярко написано, нервно выражено, до такой степени проникаетъ всѣ подробности ихъ ученія, ихъ обильную поэзію (пѣсни), и, словомъ, составляетъ такую сущность и зерно ихъ ученія, что самое возникновеніе сплетни о свальномъ грѣхѣ нужно отнести къ дѣйствію испорченнаго воображенія изслѣдователей (любители „анекдотовъ" извѣстной окраски). Вѣдь вся церковная полемика противъ хлыстовъ заключается не во многихъ, а только въ одномъ тезисѣ, выражаемомъ въ заглавіи полемическихъ брошюръ: „*Въ защиту брака*—противъ хлыстовъ", „Въ защиту плотскаго общенія—противъ хлыстовъ", „О позволительности и должности по Слову Божію плотскаго брака—противъ хлыстовъ"! Нѣтъ тезиса—не было-бы полемики, а если есть полемика—тò очевидно есть и тезисъ! Полемисты отстаиваютъ вовсе *не вѣнчаніе*, они даже не упоминаютъ о немъ, а именно только отстаиваютъ *реальное плотское супружество*. Они какъ-бы говорятъ, хотя это и странно для христіанскихъ богослововъ:—„Зачѣмъ вы не совокупляетесь? Совокупляйтесь! Это—не грѣхъ, это—*по слову Божію*!" Въ этомъ—текстъ всѣхъ миссіонерскихъ книжекъ.

Словомъ, не будь у хлыстовъ ученія (точнѣе—необузданнаго порыва) объ абсолютномъ, обожествленномъ, не нарушимомъ, не загрязняемомъ дѣвствѣ—нѣтъ самой секты, не съ чѣмъ полемизировать, нѣтъ хлыстовъ! Н

этомъ противорѣчіи двухъ тезисовъ, исповѣдуемыхъ согласно миссіонерами: 1) у хлыстовъ есть свальный грѣхъ, 2) хлысты абсолютно дѣвственны,—лучше всего можно видѣть, до чего младенческа полемика ихъ, до чего не установленъ самый „азъ“ какъ постиженія ими нашихъ сектъ, такъ и борьбы съ ними. Слѣдуетъ добавить для незнакомыхъ съ темою, что на радѣнія не попадалъ никто изъ внѣшнихъ, ибо за таковое проникновеніе смѣльчаку грозитъ смерть. И мы имѣемъ о нихъ буквально сплетни, приносимыя разными показаніями „покаявшихся“, вѣроятно слѣдовавшихъ въ этихъ показаніяхъ „сладкому любопытству“ разспрашивавшихъ. Изъ страшной *затаенности радѣній* и изъ всемірной *связанности застѣнчивости и пола*, стыдливости и чувственнаго возбужденія, вѣроятнѣе всего предположить, что на радѣніяхъ происходятъ, начинаясь танцами, какіе-нибудь обряды поклоненія, почитанія, умиленія въ отношеніи ихъ „христовъ“,—но какъ именно *дѣвственниковъ*, и „богородицъ“ — но какъ именно *дѣвственницъ*-же. Какъ-то мнѣ приходилось слышать отъ одного священника, что вотъ у нихъ, въ одномъ уѣздѣ Орловской губерніи, „появились хлысты“,—и что они „цѣлуютъ колѣнко у своей богородицы“. Вотъ что-нибудь подобное, тò больше, тò меньше, можно предположить. Наклонъ къ этому, къ поклоненію „пречистому и непорочному тѣлу“, сказывается при первомъ же знакомствѣ, не скрытъ, явенъ; есть у всѣхъ и въ отношеніи ко всѣмъ членамъ общины. А море находится тамъ, куда текутъ ручейки. Не можетъ же въ *центрѣ* явленія заключаться что-нибудь, абсолютно *противорѣчащее краевымъ очертаніямъ того же явленія*. Свальнаго грѣха, какъ безпорядочной формы, но *обычнаго человѣческаго общенія, дающаго въ результатѣ ребенка* — абсолютно *не можетъ быть*

у хлыстовъ. Нужно замѣтить, говоря такъ — я не защищаю ихъ. У массы нашей проституціи, совершенно открытой, позволенной, не запрещенной ни единому гражданину Россійской имперіи, и вмѣстѣ превосходящей всяческій свальный грѣхъ (во всякомъ случаѣ не частый у хлыстовъ),—исключаетъ всякую брезгливость въ отношеніи послѣдняго, всякую возможность уголовно, государственно или церковно, преслѣдовать секту именно и исключительно за „свальный грѣхъ какъ безнравственность“. Тогда возбудите уголовное преслѣдованіе противъ всѣхъ, посѣщающихъ дома терпимости! Сибирь бы населилась, Россія опустѣла бы.

Но результаты, достигнутые хлыстами, огромны:

1) трудъ,

2) братство,

3) порядокъ,

4) полное счастье членовъ, какое-то „блаженство“, „упоеніе“ *), безъ всякаго вреда, ущерба для внѣшнихъ: безъ всякой муки рабства, приниженія и вообще безъ всякой „подневольности“ для членовъ.

Нѣтъ еще рабочей организаціи, да и вообще не открыто системы человѣческихъ отношеній, гдѣ добровольно люди такъ снимали бы свое „я“, чтобы вырости въ огромное коллективное „Я“ общины, „корабля“. Братство ихъ, нѣжность ихъ, ласка ихъ, родственность ихъ *не* въ линіи вертикальной (предки и потомки), а *въ линіи горизонтальной* (товарищи, „братья“)—есть „эврика“, въ исторіи еще не найденная. У *нихъ же это на-*

---

*) Еще возраженіе противъ предполагаемаго разврата хлыстовъ: кто же не знаетъ, что развратный *бытъ* сопровождается *тоскливымъ*, *скучающимъ* настроеніемъ души (въ силу потери энергіи, силъ).

лицо. Отчего въ самомъ дѣлѣ не постигнуть, что человѣчеству, поставленному подъ проклятіе Мальтусова закона, не дано таинственное „искупленіе“, возможность снять съ себя печать каинства и убійства (проституція, дѣтоубійство) черезъ эту именно таинственную вкрапленность въ corpus человѣчества индивидуумовъ странныхъ, экзальтированныхъ, въ исторіи то̀ менѣе, то̀ болѣе численныхъ, которые живутъ, молятся, трудятся, счастливы, блаженны, но — *никогда не плодятся*! Это явленіе *біологіи и исторіи,* вдругъ *получающее свое мѣсто и смыслъ.* Не трудно видѣть, что эти до извѣстной степени апокалипсическіе человѣки какъ бы приняли на себя, но фактомъ, а не идеаломъ только, *предсказаніе Апокалипсиса:* „тогда—*рождать* больше *не будутъ*“. Я вполнѣ увѣренъ, что изумительная высота въ нихъ горизонтальныхъ чувствъ, *товарищества, братства, содружества* — достигнута именно черезъ *таинственное угашеніе* въ себѣ *инстинкта* и всей *поэзіи* и *теплоты рожденія.* Размноженія не происходитъ: зато община,—огромная, человѣкъ въ 60, и изъ людей, кровно между собою не связанныхъ,—горитъ, сочится жизнью, тепломъ, поэзіей, счастьемъ, *какъ-бы трепетное существо младенца потекло по нитямъ связи чужихъ между собою членовъ...* „Корабль“ — они называютъ — эту теплую, даже пламенную общину; я бы, по закону очевидно дѣйствующей здѣсь эквивалентности, назвалъ ее *социальною утробою,* не рождающею и вѣчно *возбужденною*: а хлысты — какъ бы кровинки этой утробы, безпокойные, взволнованные, счастливые, неустанные; глубоко въ себѣ замкнутые и никому не мѣшающіе. Вѣдь самый ихъ прозелитизмъ, пропаганда—что̀ такое? Не станутъ они меня соблазнять. Ни кого-нибудь изъ членовъ доброй журнальной редакціи, людей разсудительныхъ и спокойныхъ. Они ищутъ „своихъ“; „спасаютъ“ ихъ. И

есть отъ чего: я сказалъ, что „хлыстъ“ есть врожденное явленіе, и если не попасть ему въ корабль, то онъ протомится всю жизнь свою, и куда ни войдетъ, въ работу, на службу, къ чужому хозяину, женится—вездѣ *разобьетъ чужую жизнь* и *испортитъ чужое дѣло.* Хорошъ же, *умѣстенъ* онъ только *въ „кораблѣ“.* „Корабль“ есть собственно *единственное мѣсто естественной изоляціи врожденнаго „хлыста“ отъ инородной среды,* которой онъ сталъ бы вредить, *отъ несродныхъ ему иныхъ соціальныхъ связей,* которыя онъ сталъ бы расшатывать. Выньте его изъ корабля, перенесите въ общину здоровыхъ (обыкновенныхъ) людей, „насъ“—и онъ сейчасъ начнетъ, невольно и самымъ бытомъ своимъ, неумѣніемъ ни съ кѣмъ слиться и совмѣстно работать, дезорганизовать нашу общину.

И пусть они имѣютъ „христовъ“ и „богородицъ“. Вѣдь кому это изъ постороннихъ вредитъ? Иллюзія, великій призракъ. Развѣ мы не имѣемъ „Тысячи и одной ночи“ и кому-нибудь запрещено читать ее? Если позволительны книги въ чтеніи, дозвольте внести книгу и „романъ“ книги въ жизнь. Богъ съ ними. И еще, послѣднее еще: все работное, все соціальное, строительное, секретъ великой дисциплины и любовной дисциплины, наконецъ талантъ и повиновеніе таланту, восторженное, съ упоеніемъ,—наконецъ, эта жизнь цѣлой общины не пьяными и дебошными вопросами, но величайшими религіозными вопросами—все это содѣлываетъ принадлежащихъ къ этой сектѣ яркимъ цвѣтнымъ пятномъ на монотонномъ коврѣ народной нашей жизни. Грозить она, по естественной ограниченности ея членовъ (естественное предрасположеніе),—ничему не грозитъ; а въ силу закона Мальтуса—положительно обѣщаетъ многое, обѣщаетъ безчисленное и ничѣмъ,

помимо ея, не устранимое. Будущіе государственные русскіе люди раньше или позже схватятъ этотъ комплексъ мыслей и помѣстятъ потерянную секту въ ту ячейку обще-соціальнаго бытія, гдѣ ей слѣдуетъ быть.

Вышенаписанное я изложилъ по личнымъ впечатлѣніямъ. Вотъ одна пѣсенка, записанная у г. Добротворскаго („Люди Божіи", Казань, 1869 г. —одинъ изъ капитальныхъ трудовъ о хлыстахъ), какъ томятся хлысты, если ихъ что задержитъ придти на таинственное ихъ „радѣнье":

Тошнымъ было мнѣ тошнёхонько,
Грустнымъ было мнѣ грустнёшенько;
Мое сердце растоскуется,

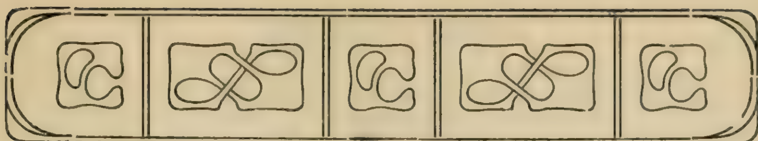
Мнѣ къ батюшкѣ (ихъ „христосъ") въ гости хочется.
Пойду млада: рѣки текутъ быстрыя,
Мосты всѣ размостилися,
Перевощики всѣ отлучилися;
Пришло младой хоть въ бродъ брести,
Въ бродъ брести, омочитися,
У батюшки осушитися.

Мое сердце растоскуется,
Сердечный ключъ поднимается:
Мнѣ къ матушкѣ (ихъ „богородица") въ гости хочется,
Съ любезною повидѣться,
Съ любезною побесѣдовать.

Мнѣ къ вѣрнымъ (хлысты въ собраніи) въ гости хочется.
Съ вѣрными повидатися,
Съ любезными побесѣдовать.

Довольно выразительно. Ну, что̀ такую держать? или *какъ* удержать? Огромное число хлыстовскихъ „духовныхъ" стиховъ, коренного народнаго пошиба, свидѣтельствуетъ опять о талантѣ, воображеніи и сердечности, которыя разлиты въ сектѣ. Не требуется благословлять ее. Но для чего же ее проклинать?

1904 и 1905 г.г.

МАТЕРІАЛЫ О ХЛЫСТАХЪ.

Предыдущія статьи мои, напечатанныя въ 1904 и 1905 г. подъ заглавіемъ: „Въ мірѣ нашего сектантства“ и „Законъ Мальтуса и его естественныя ограничители“, вызвали слѣдующія письма ко мнѣ, которыя, съ точки зрѣнія справедливости и любопытства, я считаю необходимымъ напечатать.

Мног. В. В. Въ одномъ изъ послѣднихъ фельетоновъ, вы затронули одинъ изъ безусловно проклятыхъ вопросовъ,—вопросъ о перенаселеніи земнаго шара вообще и о законѣ Мальтуса въ частности. Не только здравый смыслъ, но и сама природа, сама безпощадная дѣйствительность на каждомъ шагу подтверждаетъ справедливость этой теоріи. Не желаютъ видѣть очевидности этого закона только „вожди слѣпіи“, ведущіе человѣчество „по своему усмотрѣнію“,—и до тѣхъ поръ, разумѣется, пока и ведущій и ведомый не свалятся въ яму анархіи. Эти господа консерваторы оберегаютъ совсѣмъ не культуру и не природу,—они въ душѣ не прочь возвратиться къ тѣмъ „блаженнымъ временамъ“,—культура служитъ имъ только одеждой, прикрывающей ихъ *волчью натуру*: на этомъ основана и вся ихъ узкая, лживая и корыстолюбивая мораль. Пользуясь тѣмъ, что вся остальная стихія человѣческаго мяса, — бѣжитъ-ли она сломя голову въ Тиверіадское озеро, или топчетъ самое себя на французскомъ базарѣ или на Ходынскомъ полѣ, или покорно прыгаетъ черезъ воображаемую палку,— они поэтому сравнительно легко справляются со своей нелѣпой и преступной зада-

чей: „поддерживать незыблемые законы природы“(!!!). Какъ будто природа въ самомъ дѣлѣ наканунѣ анархіи!..

Законъ Мальтуса, мнѣ кажется, знакомъ былъ и древнимъ мыслителямъ. Надо радоваться только, что Мальтусъ не погибъ на плахѣ или на крестѣ. За то ученикамъ его приходится уже туго. Не перевелись, значитъ, и въ наше время: Домиціаны, Калигулы и Нероны—перемѣнили только тогу на мундиръ.—Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это же ученіе легло и въ основаніе ученія Христа: Его тайнаго ученія, конечно, за которое Онъ главнымъ образомъ и былъ казненъ, а вовсе не за тѣ невинныя притчи-аллегоріи, которыя безъ объясненія непонятны были даже ученикамъ, и говорились только „для могущихъ вмѣстить“.

Вдумайтесь въ евангеліе; не по указкѣ, конечно, спеціалистовъ: по ихъ толкованію вся эта исторія получаетъ характеръ какого-то сплошного абсурда.

Фарисеи и архіереи—видите-ли—не смотря на то, что присутствовали на всѣхъ публичныхъ поученіяхъ Христа и даже спорили съ Нимъ, не рѣшались, однако, взять Его до тѣхъ поръ, пока не подкупили Іуду (?). И тотчасъ-же арестовали Христа, какъ только Іуда далъ имъ какое-то цѣнное показаніе—*предалъ* (?!); а когда Іуда увидѣлъ, что онъ *обманутъ* ими—удавился. На допросѣ, они предлагаютъ Ему разсказать имъ свое ученіе (?!). Дальше: имъ нужно, чтобы *весь* народъ требовалъ казни Христа, ибо они самовольно не имѣли права казнить; Пилату они по секрету сообщаютъ, что Онъ *развращаетъ* (!?) народъ: а для народа, чтобы объяснить мотивы казни Христа—ищутъ лжесвидѣтелей (?!). (Отъ Л. гл. 23).

Тогда Пилатъ сказалъ имъ: „вотъ—я избилъ Его до полусмерти, послѣ этого Онъ не осмѣлится, вѣроятно, учить людей любить другъ друга, но казнить Его не за-что“.

Но архіереи дали ему понять, что, если онъ не убьетъ Христа, то этимъ самымъ будетъ *недругъ Кесарю* (?!?). Послѣ такой угрозы, Пилатъ исполнилъ ихъ требованіе.

Но послѣ Христа остались еще ученики. Ученіе привилось; перекинулось въ Грецію, Римъ. Римляне, владѣвшіе Греціей, Египтомъ, Карѳагеномъ, той-же Іудеей, и никого не преслѣдовавшіе раньше за религію, вдругъ начинаютъ травить христіанъ, и съ такой жестокостью, какая не извѣстна даже въ аду. А христіане проявили такой героизмъ и благородство души, что это привело въ смущеніе Сатану, но онъ, впрочемъ, быстро овладѣлъ собою.

Я совсѣмъ не знаю сущности ученія хлыстовъ, но, судя по на-

шимъ описаніяъ, ихъ общины-корабли (церкви), отношеніе другъ къ другу, и, наконецъ, тѣ же преслѣдованія, - не напоминаетъ-ли все это эпоху первыхъ христіанъ?

Вѣдь, сознаваясь откровенно—къ чему морочить!—и мы не христіане; вѣдь мы только носимъ ризы христіанскія, но одежда не измѣнитъ сущности, а если такъ, то и хлысты могутъ по существу оказаться болѣе христіанами, чѣмъ мы. Если хлысты центромъ всякаго разумнаго существа считаютъ *душу*, а не тѣло (тѣло-же, какъ частное, второстепенное, естественно и подчиняется ими—главному, цѣлому), то трудно сказать, кто ближе къ истинѣ. „Душа больше тѣла, а тѣло больше одежды"—ученіе Христа. А у насъ: „андреевская лента важнѣе мундира, мундиръ—тѣла, а существо души—на задворкахъ, а имущество или собственность ея—и совсѣмъ не признается". Кто-же правъ? Гдѣ истина?. „Азъ свидѣтельствую о истинѣ"—сказалъ Христосъ, а свидѣтельство его—Любовь. Ergo—истина есть любовь. Познать Бога-истину- человѣкъ не въ состояніи иначе, какъ только въ видѣ Любви...

„Нѣтъ Бога, кромѣ любви!"... Любовь—свободная, безкорыстная жертва, принесеніе своего *я* на алтарь Божеству,—общеніе съ Божествомъ, счастье, блаженство, рай, свобода.—Допустимъ. Но вотъ вопросъ: какъ и кого любить?—„Ищите прежде Царствія Божія, а объ остальномъ не заботьтесь: оно *само* приложится вамъ",—таковъ совѣтъ Христа. Человѣкъ есть истинный Образъ Божій,—развѣ не все равно „гдѣ", „какъ" и „въ комъ" увидѣлъ ты этотъ образъ?—Люби его: форма или одежда не измѣнитъ сущности, а одежда (если только объ этомъ стоитъ говорить)—лучше та, которая удобнѣе и пріятнѣе. Собака любитъ своего хозяина. Запахъ пота его доставляетъ ей болѣе наслажденія, чѣмъ vera-violette княгинѣ М. А. Прикосновеніе слизистой оболочкой своего носа (тонкая кожица, масса нервовъ) къ рукѣ своего хозяина, загорѣлой и не совсѣмъ чистой, опять таки она считаетъ за блаженство, а на мраморныя плечи, покрытыя пудрой и обнаженныя, графини *Z*—ой и смотрѣть не хочетъ. Вѣдь были случаи, что собака или лошадь умирали голодной смертью (не желая пережить любимое существо) на трупѣ или могилѣ своего хозяина. Если собака отлично понимаетъ, что грязь, приставшая къ тѣлу хозяина, есть только грязь приставшая къ тѣлу хозяина, которую можно сбросить лапой, то—достойно удивленія, какъ иногда мудрые люди не могутъ понять этого. Тѣло—одежда души, если оно грязно—вымойте. А если другъ считаетъ куски во рту у друга, или не желаетъ сдѣлать другу какое-либо одолженіе, такъ это ужъ что̀ хотите—только не дружба.

Поэтому и вопросъ о чистотѣ или благородствѣ тѣла—пустой и мѣшающій сути.

Я понимаю, конечно,что задача публициста неблагодарна: требуется вбить въ голову элементарное понятіе... Въ свѣжую и, если хотите, пустую голову, оно входитъ легко, а въ профессорскую да еще спеціальную по духовнымъ вопросамъ—это не всегда легко:—туго набита. О генеральскихъ головахъ—я и не заикаюсь.

Человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей. Душой человѣка какъ призмой—преломляется лучъ Божества, и все освѣщается свойственнымъ ей одной свѣтомъ. А мы хотимъ, чтобы каждая душа преломляла только красные лучи, какъ—„наиболѣе раціональные". Отсюда и страданіе. Вся исторія служитъ нагляднымъ доказательствомъ. Цѣлыя культуры довольствовались унисонной музыкой, а всякую гармонію считали не только абсурдомъ, но и преступленіемъ, и тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе раньше почувствовать присутствіе Божества въ гармоніи—жгли на кострахъ, казнили на плахѣ и т. д., точно такъ же какъ и тѣхъ, которые почувствовали все тотъ же перстъ Божества въ движеніи земли.

А какъ же—„полный порядокъ?" что есть истина?—Полный порядокъ? Мы принимаемъ за истину какой-то неясный призракъ, именно химеру, который все время хватаемъ за хвостъ и никакъ не можемъ поймать его: мы—за нимъ, онъ—отъ насъ... Вѣдь, право, безъ натяжки можно сказать, что мы ужъ высунули языкъ отъ этой погони, а конецъ?... Несомнѣнно одно: чѣмъ дальше—тѣмъ хуже. „Прогрессъ! Прогрессъ!". Но „прогрессъ" страданія и *міровой* уже скорби?...

Культура за каждую крупицу сомнительнаго блага пожираетъ уже несомнѣннаго вола. Приходъ не соотвѣтствуетъ расходу! Десятокъ, другой годовъ назадъ, только такіе люди, какъ Достоевскій, видѣли новое дитя „полнаго порядка", анархію,—еще во чревѣ матери ея, а теперь? Мы, кажется, зашли въ тупикъ. Не пора ли пощупать дорогу?...

Въ заключеніе—нѣсколько словъ о проституціи. Несомнѣнно и ясно какъ день,—если человѣчество не одумается, оно превратится въ сплошную язву. Но не можетъ быть, чтобы мудрая природа-мать не дала человѣку какого-нибудь регулятора или лѣкарства отъ этой казни египетской! Посмотрите, какъ она заботится о растеніяхъ; какъ улучшается *качество* злаковъ, когда плодоносящая почва постоитъ подъ паромъ. Нѣтъ, она не допуститъ гибели человѣчества,—я глубоко вѣрю въ это!—оно возродится, если, конечно, не идти наперекоръ природѣ! Не нужно только глумленія надъ божественнымъ естествомъ и свободой человѣка.

Ужъ признаюсь вамъ—развѣ мало мудрецовъ бѣгаетъ на кордѣ у своей „половины“, а она—у начальства? Вонъ Т.—великій мыслитель, а того и гляди окажется на одинъ шагъ отъ смѣшного, а если заупрямится такъ.... нѣтъ помой, которыя не вылились бы на его мудрую голову.

Нѣтъ, ужъ видно правду сказано, что женщина—смертельный врагъ генія.

А. Купріянова.

Милостивый Государь

Господинъ Розановъ.

Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ по поводу вашихъ статей касательно хлыстовъ. Ваша статья о нихъ есть печальное знаменіе времени,—времени декаденщины, когда все уродливое, но пестрое, привлекаетъ вниманіе. Не знаю, что̀ заставило васъ такъ сочувственно отнестись къ ученію хлыстовъ? Вы видѣли ихъ наружно, и не познали ихъ грязной внутренности; мысли у васъ—совершенно хлыстовскія; змія бить—такъ бить. Вы говорите, что для рабочаго „не женись“ есть душевное томленіе, кутежъ и безобразіе холостаго быта, и т. п. Но вѣдь это не всегда бываетъ, и такой человѣкъ въ *хлысты* можетъ пойдетъ; но нужно помнить и знать, что у насъ два рода хлыстовъ: хлысты и скопцы. Не знаю, почему вамъ нравится ихъ полуязыческое ученіе съ живыми богами, съ радѣніями и свальнымъ грѣхомъ? Я не знаю, какъ съ вами говоритъ—какъ съ вѣрующимъ или невѣрующимъ? Эта ужасная, страшная изувѣрная секта давно признана опасной для Церкви и Общества, такъ какъ эта секта, какъ и другія секты, склонна къ распространенію среди простаго народа... То̀ неужели не нужно принять мѣры для огражденія православныхъ отъ заразы этимъ нелѣпымъ ученіемъ?! Господа Ученые, дайте сперва образованіе народу, чтобъ онъ могъ отличить истину отъ лжи,—тогда пускайте въ среду его свободно разгуливать сектантскимъ волкамъ. И такъ теперь всѣмъ желательно дать свободу всякимъ раскольникамъ и сектантамъ, только пусть господа радѣтели русскаго народа,—только не истинно русскаго православнаго,—пусть они хорошенько сосчитаютъ число сектъ и толковъ раскольничьихъ: пусть признаютъ ихъ право на существованіе, пусть будетъ отданъ русскій православный народъ на новое татарское иго во власть раскольниковъ, сектантовъ и жидовъ.

Но вѣрится, что Русь святая будетъ спасена; нужно вамъ будетъ, господинъ Розановъ, изучить хорошенько исторію раскола и сектантства, а потомъ писать въ защиту его; изучить его не по физіономіямъ сектантовъ, а по внутреннему ученію ихъ. Вспомнили бы вы хотя тираспольскихъ самоубійцъ, и убійцъ замуравившихъ ихъ въ стѣну, вспомнили бы вы духоборческое царство, вспомнили бы штундистовъ, отказывающихся защищать отечество: могутъ ли быть полезными, преданными отечеству гражданами, раскольники, хлысты, духоборцы, штундисты, евреи, татары и язычники? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Всякій, думающій дать свободу иновѣрнымъ распространять свое лжеученіе, есть врагъ земли русской, ибо въ этой свободѣ есть гибель Россіи. Какъ чистая вода пока не взбаломучена—грязь лежитъ на днѣ; но лишь воду взболтнули—вся грязь поднялась, и стала грязнить воду. Земля русская была спокойна, грязь лежала на днѣ; началась война, встревожился народъ, со дна поднялись разныя секты, стали мутить русскій народъ. Измѣнникъ вѣрѣ православной—не есть русскій; о настоящемъ русскомъ народѣ забыли, его мѣсто заняли раскольники и сектанты, и, пожалуй, евреи.

Въ газетахъ заботятся о подъемѣ духа у старообрядцевъ, а что этотъ подъемъ вызоветъ угнетеніе духа милліоновъ русскихъ православныхъ—никому дѣла нѣтъ. Напрасно вы пишете про физическое преслѣдованіе штундистовъ,—они свободно ведутъ пропаганду, собираются на моленія, на собраніяхъ иногда бываетъ миссіонеръ от. Петръ Звѣревъ. Онъ старается дѣйствовать на нихъ словомъ Божіемъ, а не полиціей; лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, подобныхъ суздальскимъ сидѣльцамъ, церковь по „власти вязать и рѣшить" страхомъ спасаетъ, принимаетъ мѣры для исправленія ихъ. И такія рѣдкія случаи не рѣшаются такъ сразу любителями лампадъ и Фомы Кельпійскаго, а разсматриваются собраніемъ служителей церкви, и такихъ случаевъ бываетъ очень мало, такъ что въ укоръ церкви ставить нельзя. Почему, когда русскимъ людямъ особенно тяжело, понадобилось усугублять эту тяжесть разными разновѣрцами? Пусть бы они впередъ показали свою преданность отечеству, а уже потомъ, указывая на свою преданность отечеству, на жертвы,—они могли бы просить равноправія; а то выходитъ, что они въ мутной водицѣ хотятъ рыбу ловить.

Очень и очень грустно, что намъ, русскимъ православнымъ людямъ, отводится все меньше и меньше вниманія въ газетахъ; первое мѣсто—„истинно русскимъ людямъ старообрядцамъ"... Только какимъ, Австрійскимъ поповцамъ, бѣглопоповцамъ, или безпоповцамъ? и какому изъ безчисленныхъ толковъ раскола? Всѣ эти общества, проклинающія и не-

навидящія другъ друга, составляютъ ненадежный оплотъ государства. Простите ради Бога, что затрудняю васъ. Что-то грустно стало отъ того, что пишутъ и что говорятъ. Остаюсь уважающій васъ

Москва февраля 15 дня. *Павелъ Малышевъ.*

Прелестное письмо! *В. Р-въ.*

Богъ съ вами, г-нъ Розановъ, что̀ вы такое придумали въ вашей послѣдней статьѣ о хлыстахъ! Будто-бы хлыстовство есть поклоненіе чистому незагрязненному дѣвству, и, какъ таковое, представляетъ собою путь, какъ воздержаться отъ дѣторожденія, не прибѣгая къ проституціи!! Хорошо, кабы такъ! Но сами посудите: вѣдь это во всякомъ случаѣ есть уклоненіе отъ природы, стало быть нѣчто неестественное; о отъ неестественнаго—одинъ шагъ до противоестественнаго. „Гони природу въ дверь,—она влетитъ въ окно“, да еще такое, что и назвать совѣстно. И какъ это вы легкомысленно говорите, что отсутствіе дѣторожденій указываетъ на отсутствіе разврата? А какъ же, напр., les demi-vierges Прево? Онѣ несомнѣнно были дѣвственны въ физіологическомъ смыслѣ, и дѣтей не имѣли, но вѣдь есть же вещи и похуже совокупленія: напр. многіе мужья, по словамъ одной женщины-врача, предпочитаютъ онанизировать своихъ женъ вмѣсто того, чтобы жить съ ними, вдобавокъ—не для ихъ удовольствія, а—своего собственнаго. Вѣроятно есть и еще какія-нибудь штучки (мнѣ очень жаль васъ портить, но такая невинность публицисту не къ лицу). Вотъ, вамъ говорили что на радѣніяхъ хлысты „цѣлуютъ колѣнку своей богородицы“, а мнѣ—что совсѣмъ не колѣнку, а самое неприличное мѣсто, для чего она, становится на двухъ стульяхъ, образуя арку, подъ которую вѣрующіе подходятъ какъ подъ икону, и--прикладываются [1]). Вы скажете: „это сплетни“,—но вѣдь нѣтъ дыму безъ огня, да и, кромѣ того, эта версія гораздо послѣдовательнѣе и ярче выражаетъ поклоненіе „пречистому и непорочному тѣлу“.

---

[1]) Позволяемъ себѣ оставить это показаніе въ его грубой неприкосновенности (оригиналъ письма сохраняется у меня), такъ какъ оно *буквально совпадаетъ съ сообщеніемъ объ элевзинскихъ таинствахъ древнихъ грѣковъ:* именно, что „участники ихъ adoraient et besaient l'organe sexuel feminin“ (приведено у епископа Хрисанѳа въ 3-мъ томѣ „Исторіи религій древняго міра“, см. ниже). И этому соотвѣтствуетъ глубокая *затаенность* какъ мистерій древности, такъ и „радѣній“ у хлыстовъ. См. далѣе цитаты.

Ваше возраженіе противъ предполагаемаго разврата, опирающееся на свѣтломъ, совсѣмъ не тоскливомъ настроеніи хлыстовъ, также не выдерживаетъ критики: развѣ проститутки въ общемъ такъ ужъ одержимы меланхоліей? Не много бы онѣ заработали въ такомъ случаѣ. А литературные типы вродѣ Стивы Облонскаго? А примѣръ Жоржъ Зандъ, которая мѣняла до старости любовниковъ какъ башмаки, и всегда пребывала въ самомъ ясномъ, всепрощающемъ и даже высокомъ настроеніи духа?

Помнится, въ своей статьѣ вы сравнивали хлыстовъ съ турками-полигамистами, и находили у однихъ пышный расцвѣтъ плоти, веселье, смѣхъ, у другихъ—испитыя тѣла, темную одежду, болѣзненную брезгливость, отсутствіе всякой жизнерадостности. Все это говоритъ не *за*, а *противъ* нравственной чистоты, и ведетъ прямо къ безумію, которое фактически столь распространено среди сектантовъ. Право, прежде чѣмъ объявлять хлыстовство *„единственно переносимой моральной и чистой формой борьбы съ закономъ Мальтуса“*,—вы бы лучше узнали хорошенько, въ чемъ дѣло. (Неужели, въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ живой человѣкъ не видалъ, что̀ у нихъ происходитъ на радѣніяхъ?). Одинъ маленькій фактъ важнѣе тысячи гипотезъ.

Ваши читатели.

Какъ я уже замѣтилъ, въ хлыстовствѣ есть нѣчто, напоминающее язычество. Соглашаясь съ авторомъ послѣдняго письма, что у хлыстовъ на радѣніяхъ происходятъ эти *цѣлованія*, я приведу изъ III-го тома „Религій древняго міра“ епископа Хрисанѳа слѣдующія выдержки.

„Въ Елевзинскихъ и Діонисовыхъ мистеріяхъ, говоритъ съ негодованіемъ блаженный Ѳеодоритъ, τὸν τοῦ Διονύσου φαλλόν ἴσμεν προσκυνούμενον καὶ τον κτένά τὸν γυναικᾶιον παρὰ γυναικῶν τιμῆς ἀξιούμενον“ (стр. 550).

„Греко-римскіе писатели не отвѣчаютъ на это удовлетворительно, а церковные учители *объясняли таинственность мистерій изъ стыда*, какой необходимо возбуждали эти *обряды* и употреблявшіеся въ нихъ *символическіе предметы*“ (стр. 560).

„Св. Григорій Богословъ объ извѣстныхъ ему Елевзинскихъ мистеріяхъ не считалъ возможнымъ сказать что-либо кромѣ того, что *„стыда ради о нихъ нельзя и говорить“*, и что *„лучше не выводить на свѣтъ то, что совершается во мракѣ“* („тушатъ свѣчи“ у хлыстовъ. *В. Р—въ*). Эпопты (учителя и руководители таинствъ), по его словамъ, сами молчали о томъ, что „дѣйствительно *достойно умолчанія*“. Всѣ учители церковные *отзывались подобнымъ-же образомъ о мистеріяхъ*. Нѣсколько благопріятнѣе относился къ нимъ только Климентъ Александрійскій, самъ *державшійся мистическаго направленія*“ (стр. 564).

И, наконецъ, послѣдняя и самая важная цитата, разъясняющая всѣ эти глухія негодованія отцовъ церкви:

„Къ прежде сказанному объ этомъ прибавимъ, что въ фаллогогіяхъ Діонисіевыхъ и Элевзинскихъ мистерій *всѣ*, участвовавшіе въ этой церемоніи, *adoraient et baisaient cette image obscène* (носильмый *fallum*). *Тоже дѣлали и съ* κτεῖς (*l'organe sexuel féminin*), который игралъ главную роль въ ѳесмофоріяхъ. Подробнѣе смотри у Maury, t. II, 366“ (стр. 562 арх. Хрисанѳа).

Приведенныя цитаты *не оставляютъ и малѣйшаго сомнѣнія* о тожествѣ въ существенномъ, во вдохновеніи и вдохновляющихъ возбудителяхъ, *у грековъ въ* Элевзинскихъ и др. *таинствахъ*, и *у русскихъ хлыстовъ въ* ихъ *радѣніяхъ*. Кромѣ частностей, обстановки, словъ и проч. Это какъ грибы, *бѣлые* и *боровики*:—одна *порода*, одинъ genus ихъ, при разномъ видѣ, species. Тайна Элевзиса, Самоѳракіи и проч. разгадывается. *В. Розановъ*.

Роковая филологическая ошибка.

„Серисъ биди Шамаимъ
—скопецъ волею Божiею".

I.

25-го октября, т.-е. съ небольшимъ мѣсяцъ назадъ, присяжные Рязанскаго окружнаго суда вынесли обвинительный приговоръ надъ 83 мужчинами и женщинами, „принадлежащими къ изувѣрной мистической сектѣ скопцовъ", основанной въ 60-хъ годахъ XVIII-го вѣка Кондратiемъ Селивановымъ. Въ архивѣ Министерства внутреннихъ дѣлъ лежатъ груды „дѣлъ" по поводу этой секты, а медицинскiй департаментъ того же министерства предпринималъ спецiальныя анатомическiя, физiологическiя и психо-патологическiя изслѣдованiя этого опаснаго сектанства (напр. академика Пеликана). Менѣе обширны и научны, но зато гораздо болѣе многочисленны, попытки богословскаго ея опроверженiя. Между тѣмъ, такъ какъ секта представляетъ собою церковно-религiозное увлеченiе, ошибку котораго предстояло бы показать, то-чевидно, центръ дѣла заключается именно здѣсь.

Духъ секты подготовлялся и слагался съ первыхъ вѣковъ христiанства. Въ обширномъ изслѣдованiи академика Пеликана собраны всѣ факты еще древняго самооскопленiя, которому подвергали себя не только простые вѣрующiе, но даже священники, въ III и IV вѣкахъ;

и тамъ же приведены постановленія вселенскихъ соборовъ, запрещающія это уродованіе себя, съ всегдашнею ссылкою на божественное заповѣданіе: „плодитесь, множитесь, наполните землю". Самооскопленію подвергъ себя даже великій, хотя не во всѣхъ частяхъ ученія признанный, учитель церкви,—Оригенъ. Однако это были разрозненные и частные случаи личнаго увлеченія. Секта скопчества, какъ опредѣленное ученіе и опредѣленное, связанное между собою, скопище людей, существуетъ единственно въ Россіи. И въ этомъ видѣ это наше русское скопчество возникло и держится на *буквальномъ пониманіи и буквальномъ слѣдованіи* словамъ Спасителя, записаннымъ въ 19-ой главѣ евангелиста Матѳея. Вотъ это мѣсто:

„Говорятъ Ему (Іисусу) ученики Его: если такова обязанность человѣка къ женѣ, то лучше не жениться.

„Онъ сказалъ имъ: не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано.

„Ибо есть скопцы (въ греческомъ текстѣ Евангелія εὔνουχοι). которые изъ чрева матерняго родились такъ.

„И есть скопцы, которые оскоплены отъ людей.

„И есть скопцы, которые *сдѣлали сами себя скопцами для Царства Небеснаго.*

„Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ".

Секта основана на предпослѣднемъ стихѣ. Приведемъ его по-славянски, гречески и латыни (оффиціальная католическая вульгата): „И суть скопцы, иже исказиша сами себе, Царствія ради Небеснаго"; „Καί εἰσὶν εὔνουχοι, οἵτινες εὐνούχισαν ἑαυτοὺς διὰ τὴν Βασιλείαν τοῦ Οὐρανοῦ"; „Et sunt eunuchi, qui se ipsos castraverunt propter Regnum Caelorum".

Всѣ попытки богослововъ истолковать этотъ стихъ, обѣгая скопчество, не привели ни къ чему и полны безсильныхъ натяжекъ. Онѣ сводятся къ тремъ категоріямъ:

1) Стихъ этотъ *„нужно понимать духовно"*. Спаситель говорилъ „не объ анатомическомъ и физіологическомъ оскопленіи, а о духовномъ". Оно „и выражено Церковью *въ институтѣ монашества*",—далѣе котораго, въ послѣдованіи словамъ Іисуса Христа, никто не долженъ и не въ правѣ итти. Послѣдователи Селиванова пошли *далѣе*,—и за это *судятся* и *осуждены*.

2) Есть Божественная заповѣдь: „плодитесь, множитесь", и человѣкъ сотворенъ „по образу, по подобію Божію". Человѣческое тѣло ни въ цѣломъ, ни въ части не подлежитъ, поэтому, ни уничтоженію, ни калѣченію: это есть грѣхъ религіозный и общественное преступленіе.

3) Въ Ветхомъ Завѣтѣ, въ Синайскомъ законодательствѣ, содержится прямое запрещеніе скопчества въ словахъ: „скопецъ и каженникъ (полу-скопецъ) въ сонмъ Господень да не входитъ". Такъ какъ Ветхій и Новый Завѣты единомысленны, то и въ Новомъ Завѣтѣ ничего подобнаго *настоящему скопчеству* не можетъ содержаться.

Натянутость и прямо невѣрность объясненій этихъ усматривается сразу:

1) Слово „εὔνουχος", какъ и латинское „castraverunt", не оставляютъ сомнѣнія, что говорится о чемъ-то *именно анатомическомъ*. Говорится о тѣлесномъ, о хирургическомъ или, по крайней мѣрѣ, ломкомъ. Не могъ Христосъ, говоря нѣчто *понятное ученикамъ* Своимъ (они Ему *не возражаютъ*, не недоумѣваютъ, выслушавъ Его), говорить объ институтѣ монашества и объ обѣтахъ монашескихъ, *возникшихъ нѣсколько вѣковъ спустя*. Предыдущій стихъ: „оскоплены отъ людей", и вслѣдъ за нимъ сейчасъ: „оскопили сами себя для Царства Небеснаго", не оставляетъ сомнѣнія о *тожествѣ терминовъ въ обоихъ*

предложеніяхъ; а въ первомъ случаѣ („оскоплены отъ людей") онъ *неоспоримо имѣетъ смыслъ оперативный*, хирургическій (евнухи при дворахъ восточныхъ деспотовъ).

2) Институтъ монашескій требуетъ обѣта *вѣчнаго* воздержанія отъ „плодитесь, множитесь", т.-е. все равно имъ требуется „искаженіе, искалѣченіе" физіологическое. Но что̀ за органъ безъ функціи? Съ упраздненіемъ функціи, долженъ упраздниться и онъ—какъ источникъ безсильнаго и запрещеннаго раздраженія, раздраженія грѣховнаго. „Если соблазняетъ тебя око твое—вырви его, если соблазняетъ тебя рука твоя—отсѣки ее": это также заповѣданія божественныя. Душа выше тѣла; религія—выше соціальнаго порядка; церковь — сверхъ-натуральна; и не апостолъ-ли Павелъ, лучшій истолкователь Христа и христіанства, опредѣлилъ все ученіе Бога-Слова, какъ „юродство міру", которое представляется „для эллиновъ безуміемъ и для іудеевъ соблазномъ".

3) Въ Ветхомъ Завѣтѣ предписано и обрѣзаніе, а въ Новомъ—оно отмѣнено. Тѣмъ болѣе могли „прейти" слова: „скопецъ и каженникъ въ сонмъ Господень да не входятъ".

Остается, повидимому, только четвертое объясненіе—самихъ скопцовъ

II.

Оно и возникло.

Но потому, что данное мѣсто не было правильно филологически объяснено, и переводомъ какъ на славянскій, такъ и на русскій языкъ греческаго текста: „διὰ τὴν Βασιλείαν τῶν οὐρανῶν", ему было придано назначеніе *цѣли*: „*для* Царства Небеснаго", „Царства *ради* Небеснаго". *Цѣль* предполагаетъ *усиліе*, *импульсъ*, *влече-*

ніе, идеалъ: и черезъ таковой переводъ всѣмъ, читающимъ этотъ текстъ, была сообщена увѣренность, что Сынъ Божій, „пришедшій грѣшныя спасти", положилъ скопчество (εὔνοχοι) гранью этого „спасенія"; указалъ на него какъ на средство избѣжать физіологическаго отправленія,—которое, по качеству этой *избѣгаемости*, уже само собою почувствовалось и назвалось „грѣхомъ". По *новизнѣ* этой заповѣди и нѣкоторыхъ другихъ еще, сравнительно съ Ветхимъ Завѣтомъ, все ученіе І. Христа и именуется самою церковью—„Завѣтомъ *Новымъ*".

Поразительна небрежность ученыхъ, или какой-то умственный самогипнозъ ихъ, по которому они не обратили вниманія, что греческій предлогъ διά, когда онъ употребляется *съ винительнымъ падежомъ* какъ въ данномъ случаѣ (διὰ τὴν Βασιλεἰαν), указываетъ *не цѣль*, а *обстоятельство причины*. Читаемъ въ общеупотребительномъ „Греко-русскомъ словарѣ" проф. Вейсмана: „διά, предлогъ, съ винительнымъ падежомъ означаетъ причину: *черезъ, вслѣдствіе, по причинѣ, по, отъ*". Разница не только огромная, но для истолкованія даннаго мѣста—колоссальная! І. Христосъ указываетъ *не* идеалъ, *не* стремленіе, а дѣлаетъ *третье объясненіе бывающихъ въ мірѣ случаевъ скопчества*, помимо двухъ первыхъ: 1) „отъ рожденія", 2) „отъ людей". Не съ инымъ значеніемъ предлогъ этотъ, при винительномъ падежѣ, употребляется и у евангелиста Матѳея, въ мѣстахъ, которыя не оставляютъ сомнѣнія, что тутъ говорится не о цѣли, а объ обстоятельствѣ причины:

Въ главѣ 17-й, стихъ 20: „по невѣрію вашему", „διὰ τὴν ἀπιοστἰαν ὑμῶν".

Въ главѣ 24-й, стихъ 12: „по причинѣ умноженія беззаконія (διὰ τό πληθυνθῆναί τὴν ἀνομίαν) во многихъ охладѣетъ любовь".

Такимъ образомъ, слова о скопчествѣ, смутившія Селиванова и послѣдователей его, смутили ихъ невѣрною тенденціей въ передачѣ (цѣль, идеалъ), и не могутъ никого смущать, если ихъ передать соотвѣтственно значенію предлога „διὰ“: *при винительномъ падежѣ*:

„И суть скопцы, которые сами себя сдѣлали скопцами... *вслѣдствіе* (*по причинѣ, отъ*)... Царства Небеснаго“.

Можно сдѣлать, въ нѣкоторое извиненіе переводчикамъ, предположеніе, что они уклонились отъ точнаго, по буквѣ и грамматикѣ, перевода даннаго мѣста вслѣдствіе того, что въ *причинномъ смыслѣ* оно представляло для нихъ неразрѣшимую темноту. Уму ихъ не вырисовывалось никакого нагляднаго *случая* или *обстоятельства*, въ реализмѣ котораго реченіе: „сдѣлали сами себя скопцами *отъ* Царства Небеснаго“—получало бы на себя свѣтъ и для себя смыслъ. Между тѣмъ, оставить читателя при чтеніи такой книги, какъ Евангеліе, передъ наборомъ словъ, для самихъ переводчиковъ не заключающихъ никакого смысла—они смущались. И они дали *цѣль*, перевели „для“—собственно, чтобы дать какую-нибудь мысль вообще.

Предлежало обратиться къ тщательнымъ историческимъ изысканіямъ. Въ ту древнюю эпоху, когда слова были произнесены и ученикамъ Христа, очевидно, были понятны, не существовало-ли какихъ-нибудь особенныхъ и почти техническихъ понятій, намъ уже теперь чуждыхъ, а въ то время ходячихъ, которыя связывались бы съ выраженіемъ „δία τήν Βασιλείαν τῶν ὀυρανῶν“, и съ частями этого выраженія. Что̀ такое „Βασιλεια?“ что̀ такое „Οὖρανος“ до Коперника, съ дней котораго такъ опустѣло и обездушилось все въ звѣздахъ?

„Термины *Царство Небесное* и *Царство Божіе*“,—говоритъ проф. кн. С. Н. Трубецкой въ книгѣ „Ученіе о Ло-

госѣ",—„имѣетъ безусловно одинаковый смыслъ, такъ какъ на языкѣ того времени постоянно говорили *Небо* вмѣсто *Богъ*, точно также какъ и употребляли другія выраженія, чтобы избѣжать произнесенія Святого Имени. Напр. „я согрѣшилъ на Небо и передъ тобою" (Луки, 15 гл., стихъ 18); книжники обычно клялись „Небомъ", говорили „Небесное Имя" вмѣсто „Божіе Имя", „небесный страхъ" вмѣсто „страхъ Божій". Такимъ образомъ, въ выраженіи „Царство Небесное" разумѣется не сфера, въ которой пребываетъ Богъ, не Престолъ Божій, а „Сидящій на немъ" (Матѳея, гл. 23, ст. 22). Далѣе, въ еврейской литературѣ того времени „царство" означаетъ не страну, а—*правленіе*, *власть*, *владычество*. Такъ, напр., одинъ изъ сефиритовъ Каббалы, т.-е. одна изъ *силъ Божіихъ*, называется *Малкутъ*—„царство" („Βασιλική" Филона). Въ еврейской литературѣ можно найти цѣлый рядъ подобныхъ примѣровъ: „Господь подчиняетъ Израиля Своей *власти* („*царству*") противъ воли его"; „кто читаетъ ритуальную утреннюю молитву, *шема*, тотъ принимаетъ на себя *иго царствія* Божія".

Такъ говоритъ знатокъ еврейской литературы именно этой эпохи, когда слагалось ученіе о Логосѣ въ средѣ палестинскихъ и александрійскихъ іудеевъ, и въ тотъ самый вѣкъ, когда Іисусъ Христосъ произнесъ не поддающіяся нашей угадкѣ слова о скопчествѣ: „διὰ τὴν Βασιλειαν τῶν Οὐρανῶν". Если же выраженіе „Царство *Небесное*" употреблялось взамѣнъ „Царство *Божіе*" (чтобы не произносить Священное Имя), и самое слово „царство" имѣетъ значеніе не пространственное, а—*волевое*, властительное,—то и текстъ: „и суть скопцы, которые сдѣлали сами себя скопцами... *по причинѣ*, *по обстоятельствамъ*, *отъ*... Царства Небеснаго", прочтется такъ: „и суть скопцы, которые сдѣлали сами себя скопцами *отъ воли*

Божіей" или „*по причинѣ* воли Божіей" или „*по обстоятельствамъ* воли Божіей", „по Божьей волѣ".

III.

Чтобы понять, каковыми могли быть эти скопцы, о которыхъ говоритъ І. Христосъ ученикамъ Своимъ такъ просто, какъ-бы это было что-то наглядное и общеизвѣстное въ то время, нужно обратиться къ величайшимъ подробностямъ еврейской бытовой, уличной жизни І-го вѣка до и послѣ Р. Х.—Необозримую и единственную сокровищницу въ этомъ отношеніи представляетъ собою Талмудъ. Въ немъ дѣйствительно мы находимъ (трактатъ „Іевамотъ") упоминаніе фактовъ и еврейскихъ понятій, дающихъ полное уразумѣніе даннаго темнаго мѣста въ Евангеліи отъ Матѳея. Не забудемъ, что, по свидѣтельству древнѣйшаго историка церкви, Евсевія (Eus, III, 39), евангеліе это было написано по-еврейски, хотя сохранился только его греческій переводъ: „Матѳей на еврейскомъ языкѣ *написалъ изреченія*, которыя каждый *истолковывалъ, какъ могъ*". Евреи различали три вида скопцовъ: 1) „*серисъ хамма*"—„*солнечный скопецъ*": это были люди, отъ рожденія страдающіе полнымъ и непоправимымъ мужскимъ безсиліемъ. Терминъ „солнечный", занесенный въ Талмудъ, необыкновенно любопытенъ своею чрезвычайною древностью: извѣстно, что еще египтяне поклонялись Солнцу (священный городъ—Геліополисъ), и параллельно въ то же время они поклонялись announced апісамъ (особеннымъ быкамъ), временнымъ и земнымъ воплощеніямъ не столько божественной въ нашемъ смыслѣ, сколько именно *солнечной силы*, силы *производительности*. „Солнечный скопецъ" былъ противоположный полюсъ такого аписа: онъ былъ

вовсе лишенъ производительной силы, не имѣлъ въ себѣ нисколько „солнца“, „искры Божіей“ (по нашему), „небеснаго луча“, „небеснаго огня“ (по египетски). Таковыхъ-то „солнечныхъ скопцовъ“ раввинистической литературы Христосъ и имѣлъ въ виду, поставивъ ихъ естественно на первомъ мѣстѣ, какъ исходную точку и основной природный фактъ вообще всего явленія скопчества: *„иже отъ чрева матерняго родишася тако“*. 2) Вторую категорію составляли *„серисъ адамъ“ — „скопецъ отъ* (руки) *людей“*. Таковы были несчастные еврейскіе плѣнники (или иначе попадавшіе въ рабство) у сирійскихъ, ассирійскихъ и египетскихъ владыкъ. Ихъ оскопляли для несенія дворцовой службы. Евнухи составляли такую же важную принадлежность туалета женщинъ древности, какъ это и до сихъ поръ мы видимъ на Востокѣ. Тамъ женщина не появлятся въ торжественныхъ случаяхъ иначе, какъ окруженная этими уродцами; и чѣмъ она *богаче и знатнѣе*—тѣмъ ихъ *больше*. Евнухъ не былъ вовсе только стражъ цѣломудрія: безобразіемъ и уродствомъ своимъ, и именно физическимъ и специально въ половомъ отношеніи, онъ *оттѣнялъ* и *усиливалъ блескъ* физической и даже спеціальной половой красоты дѣвственницъ и женъ. Отъ этого ихъ было вообще *много*, — хотя для охраненія цѣломудрія явно не нужно болѣе одного или двухъ; и особенно много ихъ бывало на свадебныхъ празднествахъ,—т.-е. на людныхъ, когда конечно нечего было беречься посягновенія на невинность!! Это былъ *уборъ* невѣсты; черный бархатъ, на который положена бѣлая жемчужина [1]. У евреевъ подобнаго явленія никогда не было, не только вслѣдствіе прямого запре-

---

[1]) Въ одной изъ сказокъ „Тысячи и одной ночи“ (къ сожалѣнію я не помню—которой) передается слѣдующій красивый эпизодъ. Евнухи окружаютъ верблюда, на которомъ ѣдетъ купленная на базарѣ краса-

щенія Моисея („скопецъ и каженникъ въ сонмъ Господень да не входитъ"), но и главнымъ образомъ вслѣдствіе общаго и непреклоннаго устремленія всей библейской жизни, законовъ, пророчествъ къ исполненію: „оплодотворяйтесь, размножайтесь, наполните землю". 3) Третья категорія: *„серисъ биди шамаимъ"*=„скопецъ волею небесъ"; эта именно послѣдняя категорія и составляетъ нашъ quaestio vexata. Но уже по упоминанію въ Талмудѣ, т.-е. въ школьной книгѣ, очевидно, что въ скопчествѣ „волею небесъ", „δια την Βασλεία̋ν τῶν Οὐρανῶν" не содержалось *никакого новаго понятія, вводимаго впервые Іисусомъ Христомъ* въ противоположность всему духу Ветхаго Завѣта, а упоминается какой-то бытовой фактъ ветхозавѣтной жизни. Какой?

Множество страницъ Талмуда посвящено разсмотрѣнію всяческихъ случаевъ „возможности" и „невозможности" брака между такими-то и такими-то лицами; и особенно они тщательно взвѣшиваются, когда дѣло идетъ о бракѣ священниковъ и первосвященника. Какъ извѣстно, священникъ и первосвященникъ не могли жениться: 1) на вдовѣ, 2) на разведенной и, наконецъ, 3) на „лишенной дѣвства". Описывая всевозможные случаи „препятствій къ браку" между первосвященникомъ и

вица,—для гарема ихъ господина. Скучая дорогою, она шутитъ съ ними, неизмѣнно въ презрительномъ, издѣвающемся тонѣ. Случилось имъ проѣзжать грязнымъ мѣстомъ; и вотъ красавица, быстро снявъ съ пальца брилліантовое кольцо, швырнула его въ самое грязное мѣсто грязи и крикнула евнуху: — „Подними!" Евнухъ повиновался. Тогда оно объяснила ему: „И вы всѣ тоже, что эта грязь; а я среди васъ—какъ эта брилліантовое кольцо. Какъ кольцо еще лучше сверкаетъ, когда мы его видимъ въ грязи: такъ я кажусь еще прекраснѣе и царственнѣе, когда нахожусь среди вашего безобразія". Сила—среди *безсилія*, дары плодородія—среди *безплодія*, оазисъ и вода—среди высохшей *пустыни*: вотъ въ чемъ лежитъ паѳосъ „восточныхъ евнуховъ".

израильтянкою-дѣвицею, талмудъ упоминаетъ „муккатъ-эцъ“—„раненая деревомъ“, каковою была дѣвушка, лишившаяся признаковъ дѣвства и не отъ насилія, и не по своей волѣ, а—*по несчастной случайности наткнувшись на сучекъ дерева.* Таковая теряла право на бракъ съ первосвященникомъ. Аналогичное несчастіе могло произойти и съ мужчиною, юношею, мальчикомъ; и, дѣйствительно, въ одномъ мѣстѣ Талмуда описанъ параллельный случай: „Рабби Іосе сказалъ: былъ случай съ однимъ израильтяниномъ изъ Кефаръ-Менори. Онъ взошелъ на вершину камня и поскользнувшись упалъ, причемъ раздавились его ядра (NB: случай абсолютно тожественный съ тѣмъ, что̀ дѣлаютъ надъ собою наши скопцы); сохраняется ли за нимъ обязанность по смерти бездѣтнаго брата вступать въ левиратный бракъ съ его вдовою, или онъ долженъ выдать ей халицу“ (нѣчто въ родѣ развода)?

Вотъ эти-то послѣдніе случаи *скопчества по несчастію,* извѣстные въ законнической литературѣ того времени и составлявшіе предметъ будничной судебной практики, и *разумѣлись І. Христомъ, когда онъ перешелъ къ третьему виду оскопленія.*

І. Христосъ, Который сказалъ: „волосъ съ головы человѣческой не падаетъ *безъ воли Божіей*“, вводилъ въ послѣднюю и всѣ категоріи кажущагося для насъ *случайнымъ.* Сюда входятъ не только случаи механическаго поврежденія, какъ при паденіи на острый камень, но и случаи *выбаливанія органовъ,* напр. ракъ соотвѣтственныхъ частей. Все это—„по волѣ Божіей“, а не „отъ чрева матери “ и не „отъ человѣкъ“. И въ нашемъ разговорномъ языкѣ при встрѣчѣ напр. съ человѣкомъ, который при одномъ здоровомъ глазѣ не имѣетъ вовсе другого (выткнутъ и вытекъ, а вѣки его закрылись), вполнѣ

возможенъ діалогъ, гдѣ будутъ упомянуты всѣ категоріи поврежденія дѣтородныхъ органовъ, исчисленныя І. Христомъ и исчислявшіяся въ Талмудѣ; будетъ употреблена та же манера рѣчи:—„Что̀ же у тебя это, *отъ роду*"? (=„суть бо скопцы *отъ чрева матерняго*"). — „Нѣтъ".—„Такъ, вѣрно, *кто-нибудь* тебѣ его *выткнулъ*?" (=„и есть скопцы, которые *оскоплены отъ людей*").— „Нѣтъ, и этого не было".—„Но какъ же это произошло? вѣдь не *самъ же ты его себѣ выткнулъ*?" (=„и суть скопцы, которыя *сами себя сдѣлали скопцами*").—„Самъ вы ткнулъ".—„Но какъ? какимъ образомъ? при какихъ обстоятельствахъ" (=διά)? — „Шелъ ночью, запнулся и упалъ въ полѣ: а тутъ коряга—и сучекъ прямо и прошелъ въ глазъ. Свѣта Божія не взвидѣлъ".—„Какое несчастіе!"—„Воля Божія..." (=„Власть небесъ", „Βασιλεία τῶν Οὐρανῶν"—по терминологіи древнихъ евреевъ).

Въ грубыя удѣльныя времена Руси, когда мстительные князья ослѣпляли одинъ другого (Василько Ростиславовичъ), при видѣ лишеннаго глаза слѣпца (аналогія скопчеству въ сферѣ зрѣнія), и возможенъ былъ именно трoякій вопросъ и отвѣтъ о слѣпотѣ (=скопчество):

1) слѣпорожденный,

2) ослѣпленный отъ руки людей,

3) ослѣпшій впослѣдствіи и самъ, по несчастію, по судьбѣ, роковымъ образомъ; какъ мы иногда говоримъ о смерти:—„*Волею Божіею* помре".

Христосъ, едва назвалъ два вида скопчества, „отъ чрева матери" и „отъ людей", даже не могъ не назвать непремѣнно и третьяго вида, ибо ученики Его поставили *общій* вопросъ о безбрачіи. Онъ же сказавъ, что остаются безбрачными только тѣ, „кому это дано", перечислилъ, „кому" именно „дано". Въ нашемъ переводѣ опять употреблено неосторожное слово: „вмѣ-

щаютъ", какъ бы указующее на идеалъ, на зовъ къ „вмѣщенію". И, вообще, въ переводѣ, черезъ оттѣнки выраженій, проведена дѣйствительно тенденція скопчества, евнушества (конечно—анатомическаго, ибо другого никакого не бываетъ, по крайней мѣрѣ при Іисусѣ Христѣ не было), отнюдь не бывшаго въ словахъ Спасителя, говорившаго о немъ въ изъявительномъ наклоненіи, а не черезъ conjunctivus, optativus или imperativus. Вѣдь не обвинятъ же Христа переводчики, что Онъ, не употребивъ повелительнаго наклоненія, скрылъ всю полную мысль Свою отъ учениковъ, дабы не испугать ихъ сразу; и однако оставилъ въ словахъ Своихъ нѣчто, что позднихъ послѣдователей Его, при естественно наростающемъ въ вѣкахъ фанатизмѣ, привело бы къ оскопленію.

„Διὰ τὴν Βασιλείαν Οὐρανῶν", „по власти Небесъ", „правленіемъ Небеснымъ"—особенно было почти уличнымъ, ходячимъ выраженіемъ, было молвою толпы въ ту эпоху, когда о каждомъ вновь родившемся спрашивали: „подъ какою *звѣздою* онъ родился? какова будетъ его *судьба*". „*Небеса*" опредѣляли судьбу человѣка, счастливую или несчастную, отъ рожденія и до могилы, включая и всѣ варіанты этой судьбы: преждевременную смерть, несчастное ослѣпленіе, или вотъ такое оскопленіе при паденіи на острый камень. Еще Валленштейнъ (самый уже поздній отзвукъ древней *всеобщей* вѣры), запираясь въ ночи съ телескопомъ и гороскопомъ, искалъ о себѣ τὴν Βασιλείαν τῶν Οὐρανῶν. „Правленіе Небесъ"—это буквально, какъ понимали „звѣзды" въ Сиріи, въ Вавилонѣ, въ Геліополисѣ и Мемфисѣ, и рѣшительно во всѣхъ промежуточныхъ меньшихъ странахъ зависимой культуры,—какова была и Галилея. Отъ того ученики, стоявшіе среди толпы „учителей закона", заговорившихъ

со Спасителемъ о разводѣ, выслушавъ о скопчествѣ съ прибавкою этого διά τὴν Βασιλεῖαν τῶν Οὐρανῶν—ни о чемъ не недоумѣваютъ; и не отъ того, какъ утверждаютъ „изъяснители", что они сразу же догадались, что дѣло идетъ о вожделѣнномъ (для изъяснителей) монашествѣ, или что они равнодушны были къ закону Моисееву и даже Божію („оплодотворяйтесь, множитесь"), но потому, что вездѣ, и на улицѣ и въ школахъ, слышали объ этомъ „серисъ биди шамаимъ"—„скопецъ по волѣ Небесъ", „по роковому случаю и несчастію".

Что касается послѣднихъ словъ Спасителя: „могій вмѣстити —да вмѣститъ", то вѣдь мы знаемъ сплошное письмо харатейныхъ и всякихъ другихъ древнихъ рукописей, гдѣ не было ни прописныхъ буквъ, ни такъ называемой „красной строки" нашихъ типографій; а у евреевъ слова даже не отдѣлялись одно отъ другого ни малѣйшимъ промежуткомъ. Писалось слово къ слову сплошь. Была не рѣчь, а масса буквъ, которую только читающій черезъ остановки голоса раздѣлялъ на слова. Если „могій вмѣстити—да вмѣститъ" слить только съ послѣднимъ стихомъ въ рѣчи Спасителя, гдѣ говорится о „скопцахъ, которые сами себя сдѣлали скопцами *для* (?!!) Царства Небеснаго",—то и получится буква въ букву наше Селивановское скопчество, отъ котораго некуда дѣваться и можно увильнуть только при крайней плутоватости души. Но *слова эти надо печатать съ новой строки,* дабы у читателя и мысли о подобномъ идеалѣ, какъ исшедшемъ изъ устъ Христа, не могло зародиться. Въ этомъ видѣ, какъ новый и самостоятельный стихъ, онъ будетъ естественно *заключать всю рѣчь Спасителя о разводѣ* (исходный пунктъ рѣчи), не относясь вовсе къ скопчеству. И въ самомъ дѣлѣ, ну какъ *начать* „вмѣщать" напр. „скопчество отъ чрева матери", или кто

захотѣлъ бы „отъ людей“ быть оскопленнымъ? („вмѣщать“ указываетъ на идеалъ, на возможное и даже должное „хотѣніе“)!? Явно, что „могій вмѣстити—да вмѣститъ“ не относится вовсе къ исчисленію видовъ скопчества, каковое исчисленіе и описаніе и сдѣлано все въ изъявительномъ наклоненіи, безъ малѣйшаго сообщенія ему *волевого, желательнаго* оттѣнка; а—относится къ словамъ о разводѣ, гдѣ прямо выражено Спасителемъ *желаніе* („нельзя разводиться иначе, какъ по винѣ прелюбодѣянія“). На смущеніе учениковъ, что при таковой новой и трудной обязанности мужа къ женѣ, лучше избѣгать брака, Христосъ, смягчая заповѣдь, и сказалъ: „могій вмѣстити—да вмѣститъ“. Т.-е. „Моя воля, чтобы по иной причинѣ не разводились; и кто ее можетъ исполнить—да исполнитъ“. Это—идеалъ, а не законъ, какъ и всюду въ ученіи Іисуса Христа.

Замѣчательное это объясненіе словъ Христа о скопчествѣ принадлежитъ не мнѣ, а было въ 1901-мъ году сообщено мнѣ, въ частной перепискѣ, мѣщаниномъ города Тулы Ив. Коноваловымъ.—Именно, въ книгѣ своей „Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго“ я указалъ, что Христосъ, говоря о скопцахъ: „иже исказиша себе Царствія ради Небеснаго“, говоритъ *явно о чемъ-то общеизвѣстномъ въ то время*, ибо не вызываетъ словами Своими ни волненія, ни новаго вопроса у учениковъ: когда столь страшное дѣло, какъ самооскопленіе, должно-бы было вызвать и страхъ, и смущеніе, почти отступничество отъ Христа (вѣдь евреи-ученики не такъ, какъ мы, помнили о заповѣди размноженія!). Фарисеи, „блюстители закона“, при таковомъ ученіи Христа, могли бы на немъ одномъ основать свои обвиненія Его: и если мы ссылаемъ въ Сибирь скопцовъ, если Селивановъ-немощный, безъ особыхъ протестовъ общества,

былъ у насъ заточенъ, то, очевидно, *первое* провозглашеніе самооскопленія „для достиженія Царства Небеснаго", и притомъ провозглашеніе его Тѣмъ, Кто нарекалъ Себя Сыномъ Божіимъ, „пришедшимъ исполнить волю Отца", „исполнить законъ, а не нарушить его"— должно было вызвать среди чадороднаго и чадолюбиваго израиля невообразимую бурю! Какъ бы то ни было, не видѣнный никогда мною этотъ Ив. Коноваловъ, исходя изъ *общеизвѣстности* и очевидной *нестрашности* для учениковъ словъ о скопцахъ, которые „сами себя сдѣлали скопцами для Царства Небеснаго", и сдѣлалъ почти всѣ тѣ разысканія, какія я изложилъ здѣсь, и разъяснилъ впервые это темное и опасное мѣсто. Разъясненіе такъ ясно, что не оставляетъ о себѣ ни малѣйшаго сомнѣнія. Вмѣстѣ съ мистическою и поистинѣ страшною сектою скопцовъ, этимъ, увы, другомъ и сосѣдомъ нашего монашества,—падаетъ, правда, и единственное въ Евангеліи мѣсто, на которое оно само опирается. Въ изслѣдованіи: „Догматическія основы христіанскаго аскетизма", П. Пономарева (Казань, 1899 г.), въ главѣ второй, гдѣ авторъ, послѣ разныхъ „введеній" и „предварительныхъ соображеній", переходитъ къ настоящему „догматическому основанію" этого почти универсальнаго въ историческомъ христіанствѣ духа, онъ указываетъ, что таковымъ служатъ слова, записанныя въ 19-ой главѣ у ев. Матѳея; „и суть скопцы, иже исказиша сами себе *Царствія ради Небеснаго*". Все великое отступленіе монашества отъ соціальной, родовой, племенной, народной жизни, и есть это „исказиша сами себе"; а высокое положеніе его въ іерархіи церковной, властительное и законодательное, основывается на томъ, что такое трудное „искаженіе" будто бы совершается „для Царства Небеснаго", т.-е. ради избавленія отъ „грѣха", для „спа-

сенія души“ и связаннаго съ этимъ „рая“, „райскаго блаженства“.

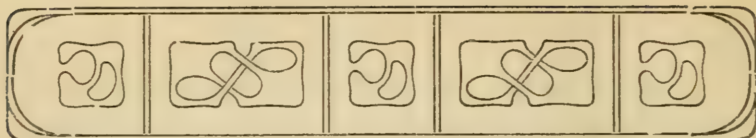
На это... идея гороскопа! страхъ евреевъ произносить „Священное Имя“! и несчастный переводъ предлога διὰ. „Ослѣпъ, наткнувшись на сукъ“! „сдѣлалъ самъ себя скопцомъ, упавъ на острый камень“! „воля Божія, православные“! И никакого „райскаго блаженства“,—какъ это очевидно и изъ самаго плана сотворенія человѣка Богомъ „по образу, по подобію Своему“,—не послѣдуетъ за умаленіе или лишеніе какой-нибудь части въ этомъ „подобіи“. Религія духа, нравственнаго подвига, состраданія къ ближнему, подъ вліяніемъ этого невѣрнаго перевода, не могла не свестись и дѣйствительно свелась къ усиліямъ тò тонкаго, тò грубаго, тò косвеннаго, тò прямого „искаженія“ себя: если не анатомическаго (Селивановъ), то физіологическаго, бытового, житейскаго (монашество). И покачнулся на сторону весь столпъ христіанства...

Конечно, скопцы ничего не узнаютъ объ этихъ моихъ строкахъ. Вѣдь это все темные мужики. Но если дѣло *настоящаго* и *успѣшнаго* „исправленія вѣры“, „приносящаго плодъ“ миссіонерства, драгоцѣнно нашей Церкви, да и государству, положившему неисчётныя усилія на одолѣніе секты скопцовъ (см. громадныя работы комиссіи, результатомъ которой было сочиненіе академика Пеликана)—важно радикальное ея искорененіе, то нужно непремѣнно поднять „дѣло о скопчествѣ“. И, чтобы оно стало общеизвѣстно именно среди самихъ несчастныхъ скопцовъ, введенныхъ въ заблужденіе несчастнымъ переводомъ предлога διὰ и полнымъ непониманіемъ даннаго мѣста самими переводчиками,—нужно, чтобы истинное пониманіе этого мѣста, теперь не опаснаго и не могущаго никого ввести въ заблужденіе, распространилось среди сектантовъ черезъ самихъ же

сектантовъ! Вѣдь кто лучшій распространитель избавленія отъ заблужденія, какъ не сами же столь фанатично заблудившіеся въ немъ! Вотъ почему, въ видахъ миссіи, я не могу не посовѣтовать вернуть изъ ссылки *невинно сосланныхъ* туда (кто же виноватъ? не они же? они только *читали* и *исполняли*! вина—въ переводившихъ безъ разумѣнія!) по приговору Рязанскаго суда; и „дѣло" это оффиціально слѣдовало бы поднять министерству внутреннихъ дѣлъ, потребовавъ вторичнаго разсмотрѣнія его передъ присяжными засѣдателями, чтобы все было громко, ясно (сектанты должны услышать всѣ!), и назначивъ отъ себя эксперта и защитника. Пусть государство защищаетъ государственное, а миссіонерство (если оно и въ этомъ случаѣ рѣшится настаивать на обвиненіи) пусть защищаетъ свое. Теперь война и всѣ глухи къ чему-нибудь, кромѣ ея. Но и „дѣло Христово" чего-нибудь стоитъ; чего-нибудь стоитъ судьба даже 80 сосланныхъ человѣкъ; и, наконецъ, пора избыть полутораста-лѣтнюю тревогу Россіи. Ибо раскольники, читая столь явное мѣсто, и вѣруя въ Христа не такъ, какъ мы, но съ рыданіемъ и біеніемъ кулакомъ въ перси... и не могли, не въ силахъ были остановиться передъ „искаженіемъ", которое *физіологически* и монашествомъ требуется; а они прибавили только *анатомическое* „искаженіе", какъ и мы всѣ ампутируемъ ставшіе безполезными и вредящіе органы, не подвергаясь за это ссылкѣ въ Сибирь, За что же *ихъ* преслѣдовать? И *кто* ихъ преслѣдуетъ? Тѣ именно, которые невѣрнымъ переводомъ „ввели ихъ во искушеніе"...

Назадъ! И—пересмотръ всего дѣла! Конечно, если ползаетъ хоть и полу-изуродованная, на четверенькахъ, какъ-нибудь, русская совѣсть по русской землѣ.

1905 г.

„СТРАДЫ" КОНДРАТІЯ СЕЛИВАНОВА.

„Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

„Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ!

„Начало страданія о возлюбленномъ нашемъ государѣ батюшкѣ, искупителѣ нашемъ, который пришелъ во вторы на землю души на путь спасенія забрать, а грѣхъ весь изодрать. И онъ своею волею къ намъ пришелъ, а кромѣ его— никому эту чашу пить, и этому дѣлу—такъ и быть.

„И я не самъ пришелъ. А прислалъ меня самъ Отецъ Небесный, и матушка Акулина Ивановна, пречистою утробою, которая грѣха тяжкаго недоточная грѣхамъ никакимъ, и была великая милліонщица; прикащики у ней были по всей вселенной, торговали, да ужъ жили не горевали, а только грѣхъ весь изъ себя выгоняли, и на крестъ свой люди отдали въ руки Іудеямъ.

„И на крестъ меня отдали Божьи-Люди [1]). А жилъ я въ городѣ Тулѣ, въ домѣ у жены мірской, у Федосьи Іевлевны грѣшницы, у ней въ подвалѣ тамъ и жилъ. Она меня приняла, а свои [2]) не приняли, и они же доказали и

---

[1]) Такъ себя нарекаютъ люди, въ простонародіи именуемые (насмѣшливо) „хлысты".—*В. Р.*

[2]) Т.-е. „хлысты".—*В. Р.*

привели къ ней въ домъ команду солдатъ; однако, она въ это время не оробѣла. И я въ это время былъ въ подпольѣ, и стали говорить и доказывать: „Ломайте полъ. Онъ тамъ, въ подпольѣ“. И стали ломать, и не нашли меня; такъ и въ два раза приходили—и не нашли. И сказали: „Пойдемъ-те въ третій разъ, и найдемъ-те его“. И стали ломать полъ, и—другой. „Ломайте полъ третій. Онъ—въ подпольѣ, и найдемъ-те и отдадимъ-те въ руки на муки“. И вытащили меня за святые волоса, и Бога не страшась. И тутъ всѣ били, кто чѣмъ попало, безъ всякой пощады; и поясокъ съ меня сняли, и крестъ, и ручки назадъ завязали, и назади гири привязали. И повели съ великимъ комбоемъ, и шпаги обнажили, и со всѣхъ сторонъ меня ружьемъ примкнули, однимъ ружьемъ въ грудь, а другимъ сзади, и по моимъ обѣимъ сторонамъ, только что меня не закололи.

„Привели меня въ Тулу, и посадили меня на крѣпкомъ стулѣ. И препоясали меня шелковымъ поясомъ желѣзнымъ, фунтовъ въ пятнадцать, и приковали меня къ обѣимъ стѣнамъ, и за шейку, и за ручки, и за ножки [1]), и хотѣли меня тутъ уморить. И было завсегда четыре драгуна на часахъ; и въ другой комнатѣ сидѣли мои дѣтушки трое, которые на меня доказали, и было сказано по утру сѣчь ихъ плетьми. Но мнѣ ихъ стало жаль, и я со креста сошелъ, и всѣ кандалы съ меня свалились, а драгуны въ это время всѣ задремали и меня не видѣли, какъ я прошелъ. И я своихъ дѣтушекъ нашелъ и говорилъ имъ: „Дѣтушки, не бойтесь. Ничего вамъ не бу-

---

[1]) „Поясокъ“, „ручки“, „головка“, „шейка“, „ножки“—все говоръ какой-то *институтки* о себѣ, *невольныя* выраженія изнѣженной пансіонерки... *Откуда* это?! Не изъ воспитанія,—*мужицкаго*. Это все изъ натуры: Селивановъ—*дѣвушка*! вотъ чего онъ не зналъ о себѣ; и сорвалъ съ себя мужскіе дѣтородные органы, не только ему *совершенно не нужныя, но и противорѣчившіе всему его само-ощущенію*, гадкіе, противные. См. о „галлахъ“ древности въ началѣ „Людей луннаго свѣта“.—*В. Р.*

детъ, и будете отпущены. А я ужъ одинъ пойду на страды за всѣхъ своихъ дѣтушекъ, прославить имя Христово и побѣдить Змія снова, чтобъ онъ на пути не стоялъ и моихъ людишекъ не поѣдалъ“. И тутъ меня хватились, и всѣ злые удивились, а иные устрашились, и по всѣмъ мѣстамъ бросились. И нашли меня на дворѣ; и я по двору гуляю: изъ желѣзъ я ушелъ, а со двора не пошелъ. Отецъ Небесный мнѣ не велѣлъ, и приказалъ мнѣ сію чашу пить: мимо меня оной нейтить.

„И тутъ мнѣ отъ нечистыхъ великъ былъ допросъ. И ротикъ (NB. *В. Р.*) мнѣ драли, и въ ушкахъ (NB. *В. Р.*) моихъ смотрѣли, и подъ носомъ глядѣли, говорятъ: „Глядите вездѣ. Есть у него гдѣ-нибудь отрава“. И тутъ мнѣ въ личико (NB. *В. Р.*) плевали, и всѣ тутъ меня били, кто чѣмъ попало, и тутъ мою головушку сургучемъ горячимъ обливали. И приказъ былъ отданъ, чтобы „близко къ нему не подходить, чтобы на кого-нибудь не дунулъ или не взглянулъ: вишь, онъ великій прелестникъ, и чтобы не приворотилъ“. И великимъ называли волхвою, такъ, какъ прежде Господа называли волхвою: „Онъ всякова можетъ прельстить, онъ и Царя прельститъ, недовольно что насъ. Ево-бы надо до смерти убить, да указъ не велитъ. Смотрите, кормите ево,—да бойтесь, и подавайте ему хлѣбъ на шестикѣ“. И хлѣбовье подавали, ложка была сдѣлана аршина полтора: „Подавайте ему, да прочь отворачивайтесь“.

„И повезли меня изъ Тулы въ Тамбовъ. И народу было несчисленно: кто бранитъ, кто плюетъ, а Господь это и любитъ; хошь не любишь, да такъ Отецъ Небесный все велѣлъ съ радостью принять, не для себя, а для всѣхъ дѣтушекъ. А мои дѣтушки стоятъ и провожаютъ, да плачутъ. И привезли меня въ Тамбовъ, и посадили въ тюрьму. И тутъ я содержался два мѣсяца.

„И опять повезли меня въ Сосновку, съ великимъ комбоемъ,—меня наказывать. Народъ за мной шелъ полки пол-

ками. И ружье и шпаги у солдатъ были на-голо, а у мужиковъ было у всякаго въ рукахъ по палкѣ. Тутъ меня Сосновскіе дѣтушки встрѣтили, и говорятъ: „Везутъ нашева роднова Батюшку“. И плакали всѣ слезно. И тутъ вдругъ поднялась великая буря и сдѣлался въ воздухѣ шумъ и пыль, что за тридцать саженъ никово не видать было; не довольно Батюшку, и народъ весь не разглядишь.

„И привезли меня въ Сосновку, и стали наказывать меня кнутомъ, и сѣкли долгое время, такъ что не родись человѣкъ на свѣтѣ. И мнѣ стало весьма тошно, и сталъ я просить всѣхъ своихъ вѣрныхъ и праведныхъ: „О, вѣрные и праведные! Помолитеся за меня, и помогите мнѣ вытерпѣть сіе тошное наказаніе. О, Отецъ мой небесный! Не оставь ты меня безъ своей помочи, и помоги мнѣ все опредѣленное отъ тебя вынести на моемъ тѣлѣ, и если да поможешь, то наступи на злова Змія и раззори всю лѣпость до конца“. Тогда мнѣ стало полегче, и тогдажъ указъ подоспѣлъ, чтобъ до смерти не засѣчь. И эти Іудеи по ненависти заставили моихъ дѣтушекъ меня держать: за мѣсто древа держалъ мой сынъ Іонушка, а Ульянъ за головушку держалъ.

„И тутъ мою рубашечку всю окровенили, съ головушки и до ножекъ: вся стала въ крови, какъ въ морсу. И тутъ мои дѣтушки мою рубашечку выпросили, а на меня свою бѣленькую надѣли. И тутъ я имъ сказалъ, что „я съ вами увижусь со всѣми“. И тутъ мнѣ стало очень тошно. И сказалъ я имъ: „Не можно ли мнѣ дать парного молочка“. Но злые сказали: „Вотъ еще, лечиться хочетъ“... Однако умилились, отыскали, и мнѣ дали. И какъ я напился—мнѣ стало полегче, и сказалъ: „благодарю Бога“. И теперече въ Сосновкѣ, на которомъ мѣстѣ меня сѣкли, по явности поставлена церковь; а тогда мои дѣтушки были люди бѣдные. И я имъ сказалъ: „Только храните чистоту, и всѣмъ будете довольны, тайнымъ и явнымъ. Всѣхъ васъ Отецъ мой Небесный

наградитъ, и оградой оградитъ, и Нечистый не будетъ къ вамъ ходить. А чужихъ пророковъ къ себѣ не принимайте“.

„И повезли меня изъ Сосновки въ Иркутской. И посадили меня въ повозку, и ножки мнѣ сковали, и ручки сковали по обѣимъ сторонамъ телѣги, а за шейку желѣзомъ къ подушкѣ приковали. „Смотрите, не упустите“,—приказывали. Злой нечистому приказывалъ: „такова еще не было и не будетъ: хошь кого обманетъ“. И повезли за строгимъ комбоемъ, на-голо шпаги: у мужиковъ у всякаго была палка въ рукахъ; а деревенскія бабы провожали отъ деревни до деревни.

„Въ ту пору, когда Пугачева везли, и онъ на дорогѣ мнѣ встрѣтился. И его провожали полки полками, и то-жъ подъ великимъ везли карауломъ его; а меня везли вдвое того больше, и весьма строго везли. И тутъ который народъ меня провожалъ—за нимъ пошли, а которые его провожали—за мной пошли.

„Ѣхавши я дорогой, и помыслилъ: „напрасно я людей скоплялъ, а скопилъ бы самъ себя, и спасалъ бы свою душу“. И гдѣ ни взялся Турка [1]), и схватилъ съ моей головушки престолъ и унесъ въ канаву. А я за нимъ: „отдай, Турка, да отдай-же! А не отдашь,—раззорю на землѣ всю лѣпость, и не дамъ ей нигдѣ мѣста на землѣ, такъ головушку и срублю“. И взялъ самъ Турка,—на головушку мнѣ и надѣлъ: „На вотъ, изволь. Только насъ не трогай“. И тутъ престолъ [2]) несъ до самаго Иркутска, и держалъ ручками на головушкѣ.

„И во время дороги нашли у меня данныя дѣтушками моими, зашитыя въ платье, деньги сорокъ рублей. И тутъ

---

[1]) Повидимому „туркою“ Селивановъ называетъ соблазнъ, грѣхъ, чувственность, помыселъ, вожделѣніе.—*В. Р.*

[2]) Престолъ—иносказательно или „воздержаніе“, или самое уже *оскопленіе*, отъятіе половыхъ органовъ.—*В. Р.*

меня офицеръ крѣпко билъ ефесомъ и палашомъ по всѣмъ моимъ составамъ, продолжая оное во всю даже дорогу, такъ что я во время наказанія кнутомъ не принялъ столько муки, какъ отъ него. Ибо онъ всѣ члены мои разбилъ, и при томъ говорилъ: „Ты—праведный, тебѣ не надо имѣть деньги, а ты имѣешь“; и взялъ оныя себѣ, и меня приказалъ каждый день бить, и хотѣлъ до смерти убить: отчего у меня и нынѣ правая рука и всѣ члены болятъ. Но Господь его наказалъ.

„И во всякомъ городѣ былъ мнѣ допросъ великой: никакому душегубцу и никакому разбойнику не было такова, какъ мнѣ; и везли меня полтора года, сухимъ путемъ и водою: шелъ съ прочими невольниками по канату.

„И прибывши въ Иркутской, жилъ не малое время, и увидѣлъ во снѣ про Сосновскихъ дѣтушекъ, будто хочетъ нечистый духъ мой корабль опровергнуть, а я кругъ своего корабля ходилъ и столбы становилъ, съ матушкой своей съ Акулиной Ивановной, и съ сыночкомъ своимъ съ Александромъ Ивановичемъ, и съ Романомъ Родивоновичемъ, и со всѣми своими дѣтушками. И мнѣ про своихъ дѣтушекъ появности слуху не было пять лѣтъ: ни мнѣ объ нихъ, ни имъ обо мнѣ.

„И нарядилъ Богъ дочку мою Анну Сафоновну, и стала пророчить. И сталъ изъ ней духъ выходить, какъ отца-искупителя находить и кого къ нему изъ дѣтушекъ отрядить. И нарядилъ Богъ судьбой своей Алексѣя Тарасьича и Марея Карповича. И говорилъ духъ мой, посланный Отца моего, чрезъ уста Анны Сафоновны: „Ступайте, дѣтушки, за своимъ Батюшкомъ“. И ей отвѣчали: „Куда мы, матушка, поѣдемъ, и гдѣ намъ ево найтить?“ Она вторично черезъ судьбу Божію прогласила: „Поѣзжайте. Окромѣ васъ некому ѣхать. Не вы будете его искать, онъ васъ искать будетъ“. И благословясь всею обителью, помолились Богу, и всею обителью

собрали на дорогу: тогда за суету не стояли. Такъ и поѣхали въ Иркутской городъ. И пріѣхали, и лошадей поставили на постоялой дворъ, и говорятъ между-собою: „Ну, вотъ, братъ. Что намъ дѣлать?“. И вздумали итти на базаръ. А я тогда ходилъ по городу съ блюдомъ, и собиралъ по-явности на церковное строеніе. И увидѣлъ ихъ, и говорю имъ: „—Здравствуйте. Никакъ вы Россійскіе?“. Они и признали меня, и залились горькими слезами. Я имъ говорю: „—Молчите, молчите. Подите на постоялой дворъ, гдѣ вы стоите. Я къ вамъ приду“. Такъ ночь пришла. Я къ нимъ и пошолъ, и пришолъ, отъ радости у нихъ и ночевалъ, обо всемъ переговорилъ. Они мнѣ говорили: „Мы за тобой, государь-батюшка, пріѣхали“. И я имъ сказалъ: „Нѣтъ. Я видѣлъ, будто у васъ на дорогѣ разослано веретье, и нѣтъ мнѣ дороги къ вамъ. Еще мнѣ Отецъ Небесный велѣлъ поплакать. Да и вы, когда наплачете чанъ воды, тогда Отецъ мой Небесный къ вамъ отпуститъ. И я вамъ еще скажу: какъ поѣдете къ себѣ въ домъ, то нападутъ на васъ разбойники; не знаю, какъ васъ Богъ помилуетъ. Только вы смотрите, ночью не спите и у Бога милости просите: такъ Отецъ мой заступитъ“. Поѣхали они отъ меня домой. И не доѣзжая верстъ пять до той деревни, гдѣ разбойники живутъ, такъ и ѣдутъ по дорогѣ. И лежитъ, которой на́большій ихъ атаманъ,—безъ ноги. И взмолился: „Господа купцы, не можно-ли меня довезти верстъ пять до моего двора. Я самъ васъ за это не оставлю, вы сами увидите, какую я вамъ сдѣлаю добродѣтель“. И они ево взяли и посадили въ повозку въ хорошее мѣсто. И привезли его къ нему въ домъ, такъ и братья ево выскочили на дворъ изъ горницы съ такою радостію: „экъ, нашъ братъ какихъ подхватилъ купцовъ!“ И какъ скоро увидѣли, что братъ безъ ноги, и припечалились. И дѣточкамъ моимъ пришлось у нихъ ночевать, и они серд-

цами своими почувствовали страхъ, что глаголъ батюшкинъ исполнился: „Что нашъ батюшка говорилъ, вотъ дѣло-то теперича и пришло такъ“. И они съ нимъ на дворъ не поѣхали, повозку поставили на улицѣ подъ окошкомъ; и говорятъ: „Ну, братъ! Смотри-же, чтобы намъ, по глаголу батюшкину, ночку не спать, а ляжемъ одинъ въ горницѣ, другой въ повозкѣ“. Такъ и ночь проходитъ. Это его прикащики сбираются и говорятъ промежъ собою: „Ну, братья, приготовляйтесь. Берите, кому что́ надо, и смотрите не плошайте и гостей не упущайте“. И услышалъ вдругъ ихъ на́большій, что они хотятъ дѣлать, и проѣзжихъ убить; то онъ имъ и сталъ говорить: „Нѣтъ, братья. Оставьте, не трогайте, и ничего этого не дѣлайте, и ничего имъ не говорите. А завтра ихъ по утру проводите честно черезъ ту деревню, гдѣ наши товарищи живутъ, и до той благочестивой деревни, гдѣ ихъ ничѣмъ не тронутъ“. Пріѣхали въ деревню и тутъ ихъ стали спрашивать: „Которой вы дорогой ѣхали и гдѣ ночевали?“. „Мы вотъ тутъ ѣхали и тутъ ночевали“.—И стали дивиться: „Какъ васъ Богъ пронесъ этой дорогой. Тутъ не довольно проѣзжимъ ѣхать, и мы, ближніе, боимся и пройти мимо этово мѣста“.

„Еще я вамъ скажу. Шелъ я одинъ разъ по дорогѣ на пустомъ мѣстѣ, и, гдѣ ни взялся блаженный, меня палкой по плечамъ ударилъ: „Что сталъ, глядишь? Ступай, куды посланъ. Ты назвался Отцемъ,—еще Учитель“.

„Еще-же я скажу. Когда я былъ въ Тулѣ, сидѣлъ на стулѣ, и тамъ есть монастырь Здвиженье. И я ходилъ на колокольню. И во всѣ колокола звонилъ, и всѣхъ дѣтушекъ манилъ, и въ трубу трубилъ: „Подите, мои дѣтушки, ко мнѣ на корабль, и я вамъ буду всѣмъ радъ“.

„Еще скажу. Пасъ я овецъ, и самъ влѣзъ на древо-кедръ. Волку сказалъ: стерези овецъ. И на древѣ сидѣлъ, крестомъ благословляя на всѣ четыре стороны.

„Еще я пишу вамъ. Когда я шелъ въ Иркутской, было у меня товару [1]) за одной печатью: изъ Иркутска пришелъ въ Россію,—вынесъ товару за тремя печатьми. И тутъ меня стали спрашивать Цари, и Короли, и Архіереи, и всякова чину: „Покажи намъ товаръ“. Я имъ отвѣчалъ: „Не покажу, сами догадайтесь. Я товаръ добывалъ все трудами своими; свѣчи мнѣ становили—по плечамъ и по бокамъ все дубинами, а свѣтильни были—воловыя жилы“.

„Еще. Когда я имѣлъ нужду по всѣмъ городамъ ходить, потому-что не могъ нигдѣ головушки своей преклонить: ходилъ я въ нищенскомъ образѣ и часто перемѣнялъ платье на себѣ. Однажды, не пивши, не ѣвши, сидѣлъ трое сутокъ въ ямѣ, гдѣ бросали всякую падаль. Да во ржи былъ я десять сутокъ, отчего очень утомившись—легъ и заснулъ; а когда проснулся, то увидѣлъ, что возлѣ меня лежитъ волкъ и на меня глядитъ. Но я сказалъ ему: „поди въ свое мѣсто“. И онъ послушался меня и пошелъ. А потомъ я проживалъ въ соломѣ двѣнадцать сутокъ, и пищи было со мною только одинъ маленькій кувшинчикъ водицы, которую употреблялъ я по ложечкѣ въ сутки. Послѣ онаго, перешелъ я къ Божьему Человѣку. Но и тутъ на меня доказали и пришли за мной съ обыскомъ. Меня-же тогда спрятали и завязали въ пеньковой снопъ. А которые искали, сказали хозяину: „что у тебя это какой большой снопъ?“ А я велѣлъ хозяину пробѣжать назадъ двора, въ полѣ лечь. Послѣ того и еще меня искали. А я былъ въ другомъ мѣстѣ, тожъ у божьяго-человѣка, и мнѣ дѣваться было некуда. Велѣлъ покрыть себя свинымъ корытомъ, и тутъ меня Отецъ мой покрылъ, и не нашли.

---

[1]) Оскопленія: „малая печать“—отрѣзаніе ядръ; „большая печать“—отрѣзаніе воспроизводительнаго органа; и, съ тѣмъ вмѣстѣ—*всей дѣтородной системы*, насколько она *наружно*, *органно* (въ органахъ) выражена.—*В. Р.*

„И еще. Когда я ходилъ въ Тулѣ въ нищенскомъ образѣ, и вздумалось мнѣ итти въ село Тифинъ на ярманку, и тамъ стихи пѣть. И братъ мой Мартынушка меня не пущалъ и говорилъ: „Государь-батюшка, не ходи туда, тебя тамъ поймаютъ“. Однако я пошелъ туда, и говорилъ Мартынушкѣ: „смотри-же братъ, встрѣчай меня“. И пришелъ я на ярманку, а на ней стоялъ полкъ солдатъ. И у меня было три сумки: двѣ я набралъ, да хотѣлъ набрать и третью, и самъ себѣ думаю: „тутъ-то меня братъ мой встрѣтитъ съ большою добычею“. И пошелъ къ солдатамъ просить милостыню [1]). И они меня схватили, и подъ палатку къ себѣ взяли, и за телѣгу меня привязали кушакомъ, и крѣпко караулили, а на́большій говорилъ имъ: „Не вѣрьте, онъ уйдетъ. Остригите ему половину головы“. Тутъ солдаты остригли мнѣ половину головки. И пришла ночь, и солдаты всѣ полегли вокругъ меня, а меня положили въ серединкахъ. И я шибко захрапѣлъ, будто-бы уснулъ, а солдаты промежду-себя и говорятъ: „этакъ старичекъ намаялся, тотчасъ и заснулъ“. Потомъ они всѣ заснули. Такъ я, взявши, головушку свою тряпочкой обвязалъ и, черезъ нихъ перепрыгнувши, ушелъ въ рожь. А они меня хватились и закричали: „Бѣжалъ! бѣжалъ!“... Да уже негдѣ взять: только видно было, гдѣ я бѣжалъ, тамъ рожь шаталась. И говорятъ: „если пѣшкомъ бѣжать, не догонишь, а на лошади ѣхать, то всю рожь поломаешь“. И бѣжалъ я двадцать-пять верстъ все рожью, да рѣчками; потому, ежели на большую дорогу вытти, нельзя: схватятъ и увидятъ, что полголовки [2]) острижено. И такъ я стороной бѣжалъ къ братцу своему Мартынушкѣ, и посту-

---

[1]) Очевидно, тутъ говорится о *предложеніи* оскопиться: „просилъ милости *себѣ*“; просилъ, чтобы „*для него, ради его*“ — оскопились“ „приняли малую *печать*“ (отсѣченіе ядеръ). *В. Р.*

[2]) Поразительно это „полъ-*головки*“: совершенная барышня! См. „Люди луннаго свѣта“, начало—*В. Р.*

чался подъ окномъ. И онъ выскочилъ и обнялъ меня крѣпко и сказалъ: „О, о, братецъ, братецъ! Говорилъ я тебѣ, чтобъ ты не ходилъ“.—„А что? Я—слава Богу!“—„А гдѣ же тебѣ полголовки остригли?“ А я ему отвѣчалъ: „Я тебѣ сказалъ, что я къ тебѣ приду; а волосы выростутъ, объ этомъ не тужи“. И онъ меня весьма крѣпко любилъ, и во всемъ берегъ. Я былъ молчаливъ и не смѣлъ: такъ куды мы съ нимъ пойдемъ и гдѣ намъ дадутъ блинковъ, то онъ меня все кормилъ, и подкладалъ [1]), и говорилъ: „На, ѣшь, да ѣшь-же“. А я молча кушалъ.

„И мы съ нимъ ходили по божьимъ-людямъ. И въ одно время были мы на бесѣдушкѣ, и одна дѣвица Пророчица, по ненависти, стала съ камнемъ у дверей, поднявши руку; и какъ подняла, такъ и окаменѣла у ней рука. А я пошелъ и легъ въ ясли, и лежалъ въ нихъ трое сутокъ, не пилъ и не ѣлъ, а крѣпко плакалъ. И просилъ Отца Небеснаго: „О, Отецъ мой Небесный! Заступи Ты за меня, сироту, и поддержи подъ своимъ покровомъ“. И Отецъ мой за меня вступился. И она видѣла во снѣ, что ее Ангелы наказывали жезлами, и всеё ее избили, и велѣли просить у меня прощенія и сказали: „Если онъ тебя не проститъ, то все будетъ тебѣ такое мученіе“. Тогда она у меня просила прощенія и говорила: „Прости меня, что я дерзнула на тебя поднять камень. Я не сама собою, а меня люди научили. И видѣла я во снѣ, что меня Ангелъ жезломъ наказывалъ, и всѣ кости во мнѣ изломаны и болятъ. И онъ велѣлъ мнѣ у тебя просить прощенія, и если тобою прощена не буду, то все такое мученіе принимать стану“. И тутъ я ее простилъ. А еще братъ ея хотѣлъ меня застрѣлить изъ ружья.

[1]) Замѣчательно, какъ „свои“ его любятъ, еще въ пору *формированія* секты, значитъ *не по авторитету*: любятъ *какъ дѣвушку*, *милуются* съ нимъ, онъ всѣмъ имъ *милъ*, по нѣжности, по мягкости (*дѣвообразность*).—*В. Р.*

Когда я ходилъ на праздники изъ села въ Тулу, то каждый праздникъ, когда я приду, то онъ выходилъ въ лѣсъ съ ружьемъ, и стрѣлялъ по мнѣ шесть разъ; но ружье, по промыслу Божьему, не выстрѣлило ни одного раза.

„И послѣ того, возстали на меня всѣ божьи-люди [1]), возненавидѣли чистоту мою, и жаловались Учителю своему, Пророку Филимону, который ходилъ въ словѣ бойко. И онъ про чистоту мою въ духѣ—пѣлъ, а такъ—ненавидѣлъ меня, и призвавши говорилъ: „На тебя всѣ жалуются, что ты людей отъ меня отвращаешь“. А я ничего не говорилъ и все молча былъ. И онъ сказалъ: „Вишь, какой ты: даромъ что молчишь,—смотри, опасайся“. И мнѣ въ то время пристать было негдѣ, потому что всѣ меня погнали. Тогда я пошелъ сторонòю, лѣсомъ, къ божьему-человѣку Аверьяну, и пришедши къ нему говорилъ: „Любезный Аверьянушка! Не оставь ты меня, сироту, призри и утаи отъ семейства и отъ посестріи своей, чтобъ никто не зналъ. Пусти меня въ житницу, за что тебя Богъ не оставитъ“. И онъ меня призрѣлъ, и ходилъ ко мнѣ тихонько отъ своихъ. И я ему объявилъ о чистотѣ, но онъ сказалъ: „Боюсь, чтобъ не умереть“. И я ему говорилъ: „Не бойся, не умрешь, а паче воскресишь душу свою, и будетъ тебѣ легко и радостно [2]), и

---

[1]) Именуемые „хлысты“. *В. Р.*

[2]) Очевидно, въ оскопленіи содержится *какъ продуктъ*—радость, спокойствіе, *полнота природы*: ибо, вѣдь болѣе *сѣмени не выдѣляется!* Но—*должно-бы! Куда*-же оно дѣвается, т. е. *субстратъ* его, *сущность* его, жизненная сила и энергія? *Все растворяется въ крови* оскопленнаго; и эта кровь—играетъ, какъ-бы съ пузырьками въ себѣ кислорода. Такимъ образомъ скопцы не догадываются, что именно сѣмя-то, противъ коего они враждуютъ, остается *все цѣликомъ въ нихъ*, никуда *не расходуется*, и родитъ въ нихъ „даръ пророчества и восторга“ (радѣнія). Если принять, что нормально человѣкъ совокупляется черезъ 2 дня *въ третій*, то получается около 120 совокупленій въ годъ, которыя *у скопца остаются внутри*: и за много лѣтъ, за десять-двадцать, кровь

станешь, какъ на крыльяхъ, летать: духъ къ тебѣ переселится, и душа въ тебѣ обновится. Поди къ Учителю своему, Пророку Филимону, и онъ тебѣ то-же пропоетъ, и скажетъ, что „въ твоемъ домѣ самъ богъ втайнѣ живетъ, и никто объ ономъ не знаетъ, кромѣ тебя“.—И онъ пропѣлъ все тò самое, что я ему говорилъ. И тутъ онъ мнѣ повѣрилъ, пришелъ и поклонился, и принялъ мою чистоту. И, по приказанію моему, объявилъ посестріи своей, что я у нихъ живу, и сказалъ ей, какъ Учитель ихъ обо мнѣ въ словѣ провѣстилъ, что „самъ Господь живетъ у насъ въ домѣ тайно и я его принялъ“.

„И еще, въ одно время, былъ я въ кораблѣ у матушки своей Акулины Ивановны, у которой было божьихъ-людей тысяча человѣкъ. У ней была первая и главная Пророчица Анна Романовна. Она узнавала въ морѣ и рѣкахъ, когда будетъ рыбы ловъ и въ поляхъ хлѣба урожай; почему, и появности, она прославилась. И узнавши объ ономъ, многіе изъ міру къ ней приходили и спрашивали: „сѣять-ли нынѣшній годъ хлѣбъ“, а также и о рыбѣ: „ѣздить-ли ловить или нѣтъ“. И если она кому велитъ сѣять хлѣбъ или ловить рыбу, то много въ тотъ годъ уродится хлѣба и рыбы поймаютъ; а въ который годъ не прикажетъ, то ничего не поймаютъ и хлѣбъ не родится. И какъ я вступилъ въ Соборъ [1]), а она тогда ходила въ словѣ, и людей было съ семьдесятъ; вдругъ все встрепенулось. И оборотясь ко мнѣ говорила: „Самъ Богъ пришелъ! Теперь твой конь бѣлъ и смиренъ!“ И взявши крестъ, ходила по-порядку по всѣмъ въ Соборѣ

его оживится буквально рѣкою сѣмени. Тò-то „живоносныя ключи“, „ключи жизни“; можетъ быть—знаменитая „вода живая“, исцѣляющая и воскрешающая, миѳологовъ и сказаній. „Вещественнаго пива *не пьемъ а пьяны бываемъ*“, увѣреніе и хлыстовъ (тоже не совокупляющихся), и скопцовъ. *В. Р.*

[1]) Въ „собраніе“, въ „корабль“ на радѣніе. *В. Р.*

людямъ, давала каждому въ руки; дошла до меня послѣдняго, потому-что я садился всегда у самаго порога и за порогомъ, и былъ нѣмъ, и не слышалъ, и никогда не отверзалъ устъ своихъ [1]), и отдала мнѣ. И говорила потомъ Пророкамъ: „Ступайте по кругу, и угадайте: у кого богъ живетъ“. Тогда Пророки пошли, искали по себѣ, и по другимъ богатымъ, и у первыхъ людей: ни у кого не нашли, а на меня и не подумали. Тогда Анна Романовна сказала имъ: „Для чего-же вы меня бога не нашли, гдѣ я пребываю“. Взяла у меня крестъ и показала всѣмъ: „Вотъ *гдѣ* богъ живетъ“. И всѣмъ это сдѣлалось противно и злобно. Потомъ велѣла она выдвинуть на средину Собора сундукъ, и сѣла на ономъ крѣпко, и меня возлѣ себя посадила, и говорила: „Ты одинъ откупишь всѣхъ иностранныхъ земель товары. И будутъ у тебя оный спрашивать, то ты никому не давай, и не показывай, и сиди крѣпко на своемъ сундукѣ. А тебя хотятъ теперь-же всѣ продать. Но хотя ты и будешь сосланъ далеко, и наложатъ на тебя оковы на руки и ноги, но, по претерпѣніи великихъ нуждъ, возвратишься въ Россію, и потребуешь всѣхъ Пророковъ къ себѣ на лицо, и станешь судить ихъ своимъ судомъ. Тогда тебѣ всѣ Цари, и Короли, и Архіереи поклонятся, и отдадутъ великую честь, и пойдутъ къ тебѣ полки полками“. И, въ одно время, взявши она меня въ особую горницу, и сказала: „Я давно съ тобою хочу побесѣдовать. Садись возлѣ меня“. И посадя, схватила крестъ, и хотѣла привести меня, и говорила: „Приложись ко кресту“. А я взялъ отъ нее, и сказалъ: „Дай-ко я тебя

[1]) Поразительный образъ!! И сколько въ немъ чувствуется *силы*, тайной *власти*, магіи. Селивановъ самъ-себя чувствовалъ *магомъ*, и онъ въ точности былъ *магъ*, въ уровень съ халдейскими звѣздочетами. Въ немъ ходили моря сѣмени (никуда *не перешедшаго*), и вотъ они-то подняли не малыя корабли. Вѣдь и самъ онъ жилъ сверхъ ста лѣтъ (ум. въ 1823 г.). *В. Р.*

приведу самоё снова“. И она, не слыхавши отъ меня никогда словъ, удивясь оному, сказала: „Ахъ! И ты говоришь! Что́ ты, съ кѣмъ говорилъ?“... И тутъ накатилъ на нее мой духъ, и она сдѣлалась безъ чувствъ, упала на полъ. А я испугался, будто-бы богъ мой ничего не знаетъ: взялъ, подулъ на нее своимъ духомъ. И она, какъ отъ сна пробудилась [1]), встала и перекрестилась, сказала: „О, Господи! Что такое со мною? О! куда твой богъ великъ. Прости меня“. Взяла и приложилась ко кресту и говорила: „Ахъ! Какъ что́ я про тебѣ видѣла“. А я сказалъ: „А что̀ такое видѣла? Скажи, такъ и я тебѣ скажу“. И тогда она стала мнѣ сказывать, что отъ меня птица полетѣла по всей вселенной всѣмъ возвѣстить, что я богъ надъ богами, и царь надъ царями, и пророкъ надъ пророками. Тутъ я ей сказалъ: „Это правда. Смотри-же, никому объ этомъ не говори, а то плоть тебя убьетъ“.

„Но всего моего похожденія и страдовъ не можно перомъ описать, и человѣческій умъ не постигнетъ, а скажу вамъ только вкратцѣ о возлюбленномъ моемъ сыночкѣ Александрѣ Ивановичѣ [2]), который былъ мнѣ другъ и наперсникъ. Родился онъ съ благодатію, и еще въ мірѣ Бога узналъ. Произошелъ всѣ вѣры, и былъ перекрещенецъ, и во всѣхъ вѣрахъ былъ учителемъ, а самъ говорилъ всѣмъ: „Не истинна наша вѣра, и постоять не за что. О, если-бы нашелъ я истинную вѣру Христову, то-бы не пощадилъ своей плоти. Радъ бы головушку за оную сложить, и отдалъ бы плоть свою на мелкія части раздробить“. Господь, услы-

---

[1]) Судя по глубоко простому тону всего вообще разсказа, нельзя сомнѣваться, что *такъ точно все это и было!!* Но что-же это такое?!! Феноменъ, абсолютно неизвѣстный для психологіи и естествовѣдѣнія, поставившій-бы въ глубокій тупикъ Бэна, Милля, Тэна... Но—*было!!* Было—чудо Востока и древности! *В. Р.*

[2]) Шиповъ. *В. Р.*

шавши сіе его обѣщаніе, избралъ его мнѣ въ помощники. И потому я говорилъ, чрезъ искупительскія уста свои, сыночку Романушкѣ: „Поди, любезный, къ одному человѣку, зовутъ его Александромъ Ивановичемъ, и объяви ему объ моемъ спасеніи и истинной вѣрѣ; а онъ давно ищетъ оной, и желаетъ на путь истинный прійтить“. Романушка послушалъ, пошелъ къ нему и сталъ говорить: „Александрушка! Не можно ли какъ получше пожить“? А онъ ему въ отвѣтъ: „Нѣтъ! Если-бъ ты самого того прислалъ, отъ кого ты самъ посланъ, то бы я съ нимъ поговорилъ, а съ тобою мнѣ говорить нечего. Я знаю, что его нѣтъ больше на свѣтѣ, и онъ одинъ только можетъ нашъ грѣховный узелъ развязать“. И пришедши отъ него ко мнѣ, Романушка говорилъ: „Ну, государь! Да вѣдь онъ никакъ приведенъ! Недовольно намъ его учить, но онъ и насъ научитъ.—„Пришли, говоритъ, того, отъ кого ты посланъ, и онъ одинъ только можетъ грѣховный узелъ развязать“. И пошелъ я къ нему самъ, и только подхожу къ его дому, а онъ меня и встрѣтилъ. И говоритъ: „Вотъ,—кого̀ надо и кого̀ я ждалъ сорокъ лѣтъ, то̀тъ и идетъ. Ты-то нашъ истинный свѣтъ, и просвѣтилъ всю тьму, освѣтилъ всю Вселенную, и тобою всѣ грѣшныя души просвѣтятся, и отъ грѣховныхъ узловъ развяжутся; и тебѣ я съ крестомъ поклоняюсь. Ты одинъ, а насъ много, и радъ я за тебя головушку сложить, и на мелкія части плоть свою раздробить. Кто какъ хочетъ, а я тебя почитаю за Сына Божьева. И ты поживи на землѣ, а я прежде тебя сойду. Тебѣ много еще дѣлъ надо на землѣ сдѣлать: свою чистоту утвердить, и всю лѣпость истребить, всѣхъ Пророковъ сократить, и всю гордость и грѣхъ искоренить“. Тутъ я его благословилъ крестомъ, и далъ ему крестъ, свѣчу и мечъ [1]),

[1]) Все и—символы, и—реальность: мечь—для отсѣканія, свѣча—для прижиганія, для остановки крови; крестъ—то́, *для* чего и для кого все это, по чьему все это заповѣданію. *В. Р.*

и сказалъ: „Вотъ тебѣ мой мечъ. Ты будешь у многихъ древъ сучья и грѣхи сѣчь“. И много съ нимъ побесѣдовалъ, и ни съ кѣмъ такъ много не бесѣдовалъ, какъ съ нимъ. И послалъ его на первую бесѣду къ матушкѣ своей Акулинѣ Ивановнѣ, и велѣлъ поклониться со крестомъ; а тогда еще съ крестомъ не кланялись. И сказалъ ему: „Что̀ мы теперь съ тобой бесѣдовали, то̀ и Пророки тебѣ на первой бесѣдѣ пропоютъ; и какъ скоро ты въ Соборъ взойдешь, такъ и обратится къ тебѣ Пророкъ и встрѣтитъ тебя“. И онъ поклонился мнѣ, и пошелъ. И какъ скоро вступилъ въ Соборъ, такъ Пророкъ и обратился къ нему. А онъ взошелъ въ Соборъ и поклонился три раза съ крестомъ матушкѣ моей, Царицѣ Небесной, а потомъ и всѣмъ на четыре стороны. И тутъ всѣ удивились и говорили: „Никакъ онъ давно уже приведенъ. Да кто его научилъ съ крестомъ кланяться“? И сказали про меня: „*Этотъ* научилъ его,—молчанка“. И съ того времени стали всѣ съ крестомъ покланяться. А пророкъ ему запѣлъ: „Поди-ка, братъ молодецъ! Я давно тебя дожидалъ: ты мнѣ богу и Духу Святому надобенъ. Благословлю тебя крестомъ, ты видѣлся съ самимъ Христомъ. Вотъ тебѣ отъ самого Сына Божьева мечъ, и много будешь грѣхи сѣчь, только изволь Сына Божьева беречь. Да дастся тебѣ книга Голубина, отъ Божьева Сына: ты самъ объ оной знаешь, и, съ кѣмъ бесѣдовалъ, знаетъ. Отъ васъ много народу народится: знать, опять старинка хочетъ явиться“. Тутъ матушка Акулина Ивановна взяла его къ себѣ и изволила спрашивать: „Кто тебя сюда прислалъ и какъ ты приведенъ“?—„Вы, матушка, сами изволите знать, что отъ одного всѣ приведены—Сына Божьева, да еще—отъ Владычицы“.—„Знаю, знаю! Поди-же теперь, и поклонись отъ меня ему“!—И онъ пришелъ ко мнѣ, поклонился, и говорилъ: „О, государь батюшка! Что́ вы мнѣ изволили говорить, то́ и пророки пѣли; и матушка Акулина Ивановна

изволила разговаривать со мною, и говорила, что „это—мой сыночекъ“, что „всѣ Пророки мнѣ поютъ, будто отъ меня Сынъ Божій народится, я этому и сама дивлюсь“. А я ему сказалъ: „Ну, любезный сыночекъ, какъ она съ тобой разговорилась, и про какой секретъ разговаривала! Даромъ, что въ первый разъ, а все равно какъ со мной—такъ и съ тобой разговаривала“! И тутъ я ему еще сказалъ: „Ну, любезный мой сыночекъ! Дастъ тебѣ Отецъ и Сынъ и Святой Духъ, и Отецъ Искупитель, много силъ, и порубишь много осинъ [1]). Когда ты Сына Божьева просилъ—жалуетъ тебя Богъ ригою, да тюрьмою. И благодаритъ тебя Отецъ и Сынъ и Святой Духъ за ревность твою, и за вѣрное неизмѣнное обѣщаніе головушку свою за меня сложить. Ты хочешь животъ и сердце надсадить, да и сады [2]) мнѣ насадить: такъ я благословляю тебя идтить въ ночь, а Господь пойдетъ на востокъ, и будетъ у насъ между собою истекать одинъ живой истокъ; духъ мой будетъ въ тебѣ во вѣки пребывать, и обо мнѣ возвѣщать. И мы съ тобой хотя будемъ плотями врозь, но духомъ пребудемъ неразлучно вмѣстѣ. И кому будетъ ночь, а тебѣ—день, и не возьметъ тебя никогда лѣнь. Послужимъ ради Бога и не пощадимъ своихъ плотей,—такъ и Богъ послушаетъ насъ, а то всѣхъ лѣпость поѣстъ. О, любезный мой сыночекъ! Помоги мнѣ лѣпость изогнать. Ходилъ я по всѣмъ кораблямъ, и поглядѣлъ: но всѣ лѣпостью перевязаны, братья и сестры; того и норовятъ, гдѣ бы братъ съ сестрой въ одномъ мѣстѣ посидѣть [3]). Ужъ змѣю

[1]) Иносказательно: т. е. „многихъ *оскопишь*“. Выше также, говоря объ „*обрубаніи сучковъ* у древъ“—Селивановъ вездѣ разумѣлъ *отсѣканіе фаллов*ъ. Древо-человѣкъ пошло „въ кривой“ сукъ, началъ „расти *въ фаллъ*“—вотъ представленіе, идея и тезисъ Селиванова. *В. Р.*

[2]) „Сады“—скопческія общины, корабли; „насадить сады“—распространить скопчество. *В. Р.*

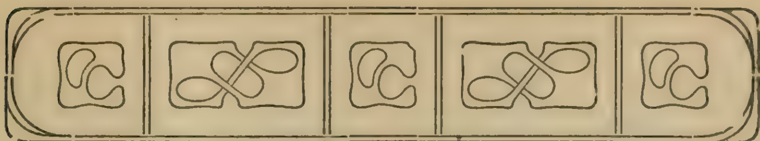
[3]) Т. е. у „божьихъ людей“ („хлысты“) хотя отсутствуетъ *совокупленіе*, но эротизмъ — влюбленность и чувственное волненіе — сохра-

бить, такъ бей поскорѣе до смерти, покуда на шею не вспрыгнула и не укусила“... А онъ мнѣ былъ вѣрный другъ, и великой помощникъ, непобѣдимый воинъ. Отъ начала до конца въ жизни своей ревностно воевалъ противу грѣха, и много мнѣ помогалъ. И нѣтъ мнѣ нынѣ такова помощника, и нигдѣ не могу избрать: ни въ Питерѣ, ни въ Москвѣ,—и ни въ другихъ городахъ; много есть у меня добрыхъ людей, но все нѣтъ такова, каковъ былъ онъ. Онъ не имѣлъ и не желалъ себѣ чести, равно и не собиралъ себѣ тѣлеснаго богатства, и не занимался суетою. Не щадилъ своей плоти, и жизнь истощалъ свою ради отца своего Искупителя, и былъ вѣрный подражатель Христу, и имѣлъ чистый и непорочный сосудъ Духу Святому. Онъ, по благословенію Отца своего Небеснаго, пошелъ на станъ освятить всю вселенную, и истребить въ божьихъ-людяхъ всю лѣпость, и побѣдить Змѣя лютаго, поядающаго всѣхъ на пути идущихъ моихъ дѣтушекъ. Ну, любезные дѣтушки! Скажу еще вамъ, и что̀-то Богъ поспѣшитъ. Отецъ-искупитель явился: то́ которые приведены [1]) Александромъ Ивановичемъ и бѣлые рубахи [2]) надѣли—и тутъ я ихъ живыхъ засталъ; а многіе въ морѣ потонули,—который по-шею, который по-поясъ. Отецъ-искупитель явился: всѣхъ изъ моря вытащилъ и расковалъ; а на старыхъ учителей нечево пенять“.

няется: но „нужно и съ нимъ покончить“, рѣшилъ Селивановъ, т. е. отсѣчь самые органы-возбудители эротизма. Но Селивановъ не зналъ, что *возбудителемъ* страсти служитъ кровь, а органы—только осуществители и рабы крови. Нужно выпустить кровь изъ человѣка и тогда онъ перестанетъ *желать* („лѣпость“). Т. е. когда умретъ—перестанетъ и желать: а пока не умеръ—вѣчно желаетъ. *В. Р.*

[1]) „Приведены“, т. е. къ скопчеству: „оскоплены“. *В. Р.*

[2]) Символъ скопчества, „чистоты“ половой, возвращенія къ *невинности* отъ грѣха. *В. Р.*

„ПОСЛАНІЯ“ КОНДРАТІЯ СЕЛИВАНОВА.

I.

„Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ! Въ славу Божію, а истинымъ душамъ на спасеніе и вѣчную радость.

„Посланіе отъ истиннаго Отца-Искупителя, всѣмъ возлюбленнымъ моимъ, Богомъ избраннымъ духовнымъ дѣтушкамъ, отъ мала и до велика. Посылаю свою милость Божію, и покровъ Отца Небеснаго, и благославленіе отнынѣ и до вѣку. Радуйтеся о Господѣ: Христосъ бо воскресъ, во спасеніе душъ вашихъ.

„Пишу всѣмъ моимъ дѣтушкамъ, глаголомъ устъ моихъ прошу и молю я, Отецъ-Вашъ-искупитель, да пріемлются слова истиннаго Отца въ сердцахъ вашихъ. Поживите при своемъ Государѣ-Батюшкѣ въ веселіи и радости, аки въ небесной сладости. Положитесь на Бога: его терновая и крестная дорога такой имѣетъ путь отъ самаго начала міра, гдѣ бысть Спасителя самаго жилище, и она ведетъ въ лоно Авраамле, и шествующимъ по ней непремѣнно истинная бываетъ отъ Бога помога. О, любезные дѣтушки!— берите всѣ истиннаго Отца вашего крѣпость, дабы ни малѣйшая не одолѣла васъ сладость грѣха, лѣпость. Ненавидитъ бо душа моя лѣпости, яко лютаго Змія, ибо оная весь

свѣтъ поядаетъ, и отъ Бога отвращаетъ, и идти къ Богу не допущаетъ. И потому многіе отъ пагубной лѣпости Учители—учительства, и Пророки—пророчества, Угодники и Подвижники—своихъ подвиговъ лишились, не доходили до Царства Небеснаго, промѣняли вѣчное сокровище на тлѣнное и пагубное житіе. О, любезные дѣтушки! всѣ таковые будутъ лишены вѣчнаго блаженства, которое истинный вашъ Богъ Искупитель обѣщалъ любящимъ Его и соблюдающимъ чистоту и дѣвство. Ибо единые дѣвственники предстоятъ у Престола Господня, и чистые сердцемъ зрятъ на Бога Отца моего лицемъ къ лицу; въ чистыхъ же и непорочныхъ сердцахъ любезно присутствуетъ благодать Божія; тою же благодатію, яко многоцѣннымъ миромъ, всякая душа помазуется въ животъ вѣчный. А въ льстивыхъ и нераскаянныхъ и не хранящихъ чистоту мою людяхъ вселится духъ темный, и будетъ въ Пророкахъ и Учителяхъ духъ льстивый и лживый, и будутъ лица ихъ не свѣтлы, а темны: ибо они не проповѣдуютъ уже про чистоту истиннаго Отца, а всѣ рекутъ льстивымъ духомъ. О, любезные мои дѣтушки! Пишу истинный вашъ Отецъ-Искупитель, и о всѣхъ душахъ вашихъ попечитель, прошу и молю! Поживите всѣ единодушно и единомысленно, въ чистотѣ и благочестіи, въ крѣпости и смиреніи, въ любви и свѣтѣ. День провождайте въ благочестіи, а ночь въ слезахъ и въ сокрушеніи сердцемъ. На бесѣды сходитесь съ любовію, и бесѣдуйте съ кротостію и со страхомъ Божіимъ! Въ молчаніи думайте только то, что вы бесѣдуете съ самимъ Господомъ, яко на Страшномъ Судѣ, и занимайтеся всегда Богомъ, а не суетою. Не заглядывайтесь братья на сестеръ, а сестры на братьевъ, и не имѣйте праздныхъ разговоровъ и смѣховъ; а также и въ домахъ своихъ всегда пребывайте съ Господомъ и Отцомъ своимъ во умиленіи и молчаніи, а празднословія не чините, отъ чего зарождается злая лѣпость, которую не безъ труда-

то искоренить можно. Еще, любезные мои дѣтушки, я прежде говаривалъ вамъ, и нынѣ напоминаю: не судите другъ друга, а единъ судья у васъ Отецъ-Искупитель; вы же между собою имѣйте любовь, совѣтъ и согласіе, плевелъ и клеветы другъ на друга не чините, и тѣмъ сердца ближнихъ своихъ не вредите, и Отца своего не гнѣвите, а каждаго покрывайте своею добродѣтелью. Ибо любовь многіе пороки покрываетъ, и на оной основана церковь Христова, и любовію всѣ Пророки и Апостолы держутся, а безъ любви постъ и молитва и прочіе подвиги ничто-же есть. А когда между собой будете союзны и находиться въ согласіи и любви, то никто васъ не можетъ преодолѣть, и будете тверды и крѣпки... О, любезные мои дѣтушки! Я пришелъ къ вамъ не раззорить вашего закона, но еще паче оный утвердить и укрѣпить, да про чистоту свою объявить: такъ имѣйте всегда въ сердцахъ своихъ страхъ Божій и теплоту сердечную и любовь истинную. Храните дѣвство и чистоту, а чистота есть отъ всѣхъ слабостей удаленіе, какъ-то: въ началѣ—отъ женской лѣпости, а потомъ—отъ клеветы и зависти, отъ чести и тщеславія, отъ гордости и самолюбія, отъ лжи и празднословія; словомъ, чтобъ отъ всѣхъ пороковъ и слабостей сердца ваши были чисты и совѣсть ни въ чемъ не была бы замарана. При всемъ же томъ имѣйте всегда цѣломудріе, также присовокупитеся къ дѣвственной чистотѣ [1]). И оное состоитъ тоже не въ одномъ словѣ, но

---

[1]) Изъ *сложенія* рѣчи видно, что *а-сексуализмъ*, *безъ*-полость, владѣетъ Селивановымъ какъ idèe fixe, какъ *столбнякъ* воображенія и мысли, какъ какая-то духовная въ своемъ родѣ „защелчка“... „Защелкнуло“—и остановилось: и дальше мысль не работаетъ. *Самъ* Селивановъ какъ очарованъ дѣвственникомъ, дѣвственницею, цѣлымъ сонмомъ ихъ, садами ихъ... Видитъ, грезитъ, бредитъ... „Хочу *всѣхъ* сюда охватить! цѣлый міръ!! всѣ будемъ какъ ***невинныя дѣти***, еще безполыя, не знающія возбужденій!!! Не растите! не мужайте! не превращайтесь въ женщинъ, въ

заключается въ ней многое; и именно: дабы и умъ вашъ былъ отъ всего свободенъ и на всемъ непоколебимъ, во всякомъ случаѣ былъ-бы цѣлъ и здоровъ; и ниже сердце свое—занимать какою либо видимою суетою, или умомъ и сердцемъ—прилѣпяться къ тлѣнному богатству, а равно—и къ лѣпости. Все сіе принадлежитъ совокупно къ чистотѣ и цѣломудренности: ибо какъ лѣпость погубляетъ тѣло и душу, такъ и сіе суетное богатство и сребролюбіе удаляетъ человѣка отъ Бога, то-есть таковыхъ, которые прилѣпляются сердцемъ къ оному; а то и явное богатство не вредитъ умнаго человѣка: хотя имѣетъ оное—равно какъ не имѣетъ; а кто не имѣетъ, то также объ немъ не долженъ сокрушаться и скорбѣть сердцемъ. О, любезные мои дѣтушки! Весьма нужно и необходимо имѣть всякому, позвавшемуся на путь истинный и желающему душу спасти, оставить всѣ слабости, и тѣлесныя сладости не имѣть, а хранить чистоту и дѣвство; и не озираться вспять, какъ Лотова жена, которая плотью обращается на сладость и занимается лѣпостью. О, любезные мои дѣтушки! Преклоните главы, и обратите сердечныя ваши очи внутрь себя, и уразумѣйте: какая польза именоваться „христіаниномъ“, а жить крайне не по христіански; отвергнуться міра, и потомъ паки міру подражать, и въ таковыхъ же слабостяхъ и неразумѣніи пребывать. О! страшно о таковыхъ изрещи, и утробушка моя болитъ о всѣхъ грѣшныхъ, что чрезъ нерадѣніе и слабость лишаются

отцовъ!! Не надо, ничего не надо: кромѣ 7-10 лѣтнихъ дѣвочекъ и мальчиковъ! Вотъ—Царство Божіе, и—не надо иного!“ Поразительная мечта и мысль. Такъ хотѣлось ему малолѣтокъ... Тутъ разгадываются великія загадки пола и его *аномалій*; тутъ, у Селиванова и въ скопчествѣ,—ключь разумѣнія: *почему вообще въ мірѣ существуютъ эти аномаліи*, гдѣ ихъ *космологическое заложеніе?* Что̀ они и куда ведутъ, и что̀ обѣщаютъ? См. у Достоевскаго о специфическомъ влеченіи Николая Ставрогина къ „дѣвочкамъ“, и о музыкальности содомита Тришатова—въ „Подросткѣ“. *В. Р.*

вѣчнаго блага и вѣчнаго Царствія, и идутъ самопроизвольно по своему слабому житію и чрезъ гнусную лѣпость въ муку вѣчную! А по сему, возлюбленные мои дѣтушки, не льстите себя никто надеждою, ни—пророчествомъ, ни—учительствомъ. Ибо у Бога тотъ Пророкъ, кто отъ всѣхъ слабостей и пагубной лѣпости себя сберегъ; или тотъ Учитель, кто самъ себя въ чистотѣ научилъ и душу свою истинному Отцу вручилъ.. А то и Пророкъ и Учитель, живущій по слабости и лѣпости—умретъ какъ разбойникъ не кающійся; а и рядовой, который сохранитъ чистоту и свято соблюдаетъ заповѣди Господни, то, когда будетъ душа его съ тѣломъ разставаться, тогда истинные Пророки во всю вселенную черезъ Духа Святаго возглаголятъ, что чистая душа восходитъ съ земли на Небо: и съ честію ей всѣ поклонятся, и Ангелы и вся Сила Небесная встрѣтятъ ее съ гласомъ трубнымъ и съ восклицаніемъ, и сама Матушка Царица Небесная Акулина Ивановна и наперстникъ мой Александръ Ивановичъ пріиметъ ее и представитъ ко престолу Отца моего Небеснаго. О, любезные мои дѣтушки! Слышите ли, какая чистой и непорочной душѣ воздастся честь и слава. И вы бы у меня всѣ были чисты, если-бы не занимались лѣпостью, враждою и завистью, и первые бы получили мѣсто у Отца моего Небеснаго. А посему, яко истинный есть вашъ Отецъ, желающій всѣмъ вамъ чистаго и совершеннаго отъ всѣхъ пороковъ спасенія, предохраняю васъ отъ всѣхъ слабостей и лѣпости, отъ коей и въ прежнія времена многія тысячи праведныхъ душъ погибло,—и великихъ Угодниковъ и Столпниковъ женская лѣпость свела въ муку вѣчную. О, любезные мои дѣтушки! Прошу васъ всѣхъ, предстоящихъ предъ симъ моимъ посланіемъ, и молю, во избѣжаніе за сіе гнѣва Божія и вѣчнаго наказанія, прѣзрите и возненавидьте пагубную лѣпость, которая ведетъ по своей дорогѣ всѣхъ въ муку вѣчную. Возстаньте отъ сна своего и припадите къ

истинному Отцу-Искупителю, призывающему всѣхъ въ Царствіе Отца Небеснаго. Удаляйтесь злой лѣпости, и не имѣйте съ сестрами, а сестры съ братьями, праздныхъ разговоровъ и смѣховъ,—отъ чего происходитъ уже лѣпость. Ибо оная, какъ магнитъ-камень, имѣющій свойство привлекать къ себѣ близъ находящееся желѣзо: такъ и женская лѣпость, по враждебному свойству своему, каждаго близко обращающагося брата съ сестрою привлекаетъ къ себѣ, и непремѣнно вкрадывается въ сердца человѣческія, и яко моль точитъ и поядаетъ всю добродѣтель и изгоняетъ благодать Божію [1]). А безъ благодати Божіей, яко нива необобранная пуста есть и безплодна, такъ и человѣкъ безъ Святаго Духа пустъ есть и безплоденъ. Въ такомъ случаѣ, и во избѣжаніе всего онаго, имѣйте жизнь свою во всей осторожности. Пребывайте въ благочестіи и кротости и смиреніи, въ постѣ и молитвѣ, и имѣйте на всякъ часъ и на всякую минуту страхъ Божій, и поминайте смертный часъ. Отыскивайте каждый свои пороки и никого не судите. Сердцами своими будьте кротки и милостивы: хотя кто васъ и выбранитъ, или въ глаза плюнетъ, или погонитъ за имя Божіе,—то̀ все съ радостію примите и за гонителей молитесь Богу, чрезъ что̀ покажете на себѣ образъ истиннаго вашего Отца, который пострадалъ и пролилъ кровь свою ради всѣхъ спасенія. А посему и призирайте сиротъ, и питайте

---

[1]) Да что́-же: можетъ быть вѣдь это и *такъ*! Если Богъ *внѣ*-міренъ и сотворилъ міръ *только* какъ механикъ—машину, т. е. равнодушно и „безъ души“ (Своей), то тогда, конечно, „понравившееся лицо женщины“ есть первое *отвращеніе отъ Бога*, первое и *окончательное* (женитьба, потомъ семья), первое и непобѣдимое!!! Только если *Богъ—въ міръ*, и міръ сотворилъ Онъ *какъ поэтъ—поэму*, то „понравившееся лицо женщины“, напротивъ, есть первая серьезная *связь съ Богомъ*, серьезная и несокрушимая!!! Я стою за вторую; но Кондратій С—въ очевидно стоялъ на первой точкѣ зрѣнія (т. е. что *Богъ нескончаемо удаленъ отъ міра*, ничего общаго съ нимъ не имѣетъ, его не любитъ и не хочетъ). *В. Р.*

видимымъ хлѣбомъ; а паче—призрите самаго Господа внутреннимъ болѣніемъ, слезами и воздержаніемъ отъ пищи и питія, и имѣйте постъ. Ибо постъ есть тѣлу здравіе, а душѣ—спасеніе: а первый есть постъ—дѣвство и чистота[1]); а и видимый постъ для спасенія необходимо надобенъ. Такъ, любезные мои дѣтушки, послушайте ради Бога и отца своего Искупителя и для ради душъ своихъ, за что вамъ будетъ въ Небесахъ награда. Надо здѣсь на землѣ заслужить, такъ и въ Небесахъ не будемъ тужить. О, любезные мои дѣтушки! Возлюбите мою чистоту, и возьмите мою кротость и смиреніе. Отставьте плотяное утѣшеніе, честь и славу земную,—такъ получите небесную и вѣчную, а плоти ваши будутъ нетлѣнными: и я, истинный вашъ Отецъ, приведу васъ къ Небесному моему Отцу; и никто же пріидетъ къ Отцу моему, такмо мною. О, любезные дѣтушки! Обратите ваше вниманіе внутрь себя, и уразумѣйте, что истинный вашъ Отецъ чистоты ради на земли явился, и претерпѣлъ многія страды, гоненія и озлобленія, біенія, поруганія, охуленія, и оплеванія; судимъ былъ, и влачимъ и терзаемъ; странствовалъ сорокъ лѣтъ: и всѣ члены и составы мои раздроблены, и головушку мою горячимъ сургучемъ обливали, и въ дальнія страны отсылали, и всю дорогу палачемъ раны на моемъ тѣлѣ накладали; сто темницъ я обошелъ, и всѣхъ васъ моихъ дѣтушекъ нашелъ; все сіе принялъ и претерпѣлъ ради вашего спасенія и утвержденія закона Христова и чистоты. Еще я вамъ свидѣтельствую приказаніе Отца и Сына и Святаго Духа, матушки Акулины Ивановны Царицы Небесной, и любезнаго моего сыночка Александра Ивановича, и Отца вашего Искупителя, всѣмъ моимъ любезнымъ дѣтушкамъ, съ перваго и до послѣдняго, богатому и скудному, равное приказаніе:

[1]) Какъ глубоко! Никогда въ православномъ богословіи такого выраженія я не встрѣчалъ. *В. Р.*

отложите на землѣ весь покладъ и обложите души свои въ окладъ, поживите безъ лести и не желайте явной себѣ чести. О, любезные мои дѣтушки! Какъ-бы вамъ камень отъ сердца отвалить—такъ-бы сталъ и Богъ во всѣхъ членахъ вашихъ жить и говорить, и тогда сталъ-бы прочь отъ васъ грѣхъ отводить; но кого Богъ удостоитъ внутреннюю церковь въ себѣ построить—о томъ утробушка моя радуется. О, любезные мои дѣтушки! Я не самъ къ вамъ пришелъ, а послалъ меня Отецъ мой Небесный судить живыхъ и мертвыхъ, чтобъ грѣхомъ не умирали. А обо мнѣ Пророки за сорокъ лѣтъ прорекали, что „Господь придетъ и судить „станетъ, и принесетъ чистоту; но откуда придетъ, и узна-„емъ-ли мы Его? Онъ великія нужды претерпитъ, и пошлется „въ дальнія страны, и отдадутся ему всѣ иностранные товары, „и дастся образъ спасительной воли, цѣпь и пила; правед-„ныхъ будетъ просвѣщать, и въ небеса провожать, а гор-„дыхъ Учителей, Пророковъ и всѣхъ, которые лѣпостью „занимались, сокращать. Тогда не возлюбятъ Учители учи-„тельства, Пророки—пророчества, и Соборные возненавидятъ „соборы свои, и всѣ скажутъ: „Не стало намъ чести! сколько „мы лѣтъ ждали этой чести и радости, а онъ выводитъ „только слабости. По явности, всего Богъ намъ далъ, да „нѣтъ ни въ чемъ—воли; погуляли бы мы еще по волѣ!“. О, любезные дѣтушки. Все это надо оставлять, а только однѣ души свои украшать, и во уборъ небесный убирать, чтобъ не стыдно было явиться предъ Отца моего Небеснаго, который не любитъ житья лестнаго. О, любезные мои дѣтушки! Ни съ кѣмъ я такъ не бесѣдовалъ, какъ съ Александромъ Ивановичемъ! И говорилъ онъ мнѣ, государь батюшка, въ Москвѣ: „Всѣ пути расчищаются, дороги разме-„таются, и ковры подъ тебя подстилаются; и во всякомъ домѣ „пищу поставляютъ. Теперь-то ты ловишь молявокъ, а когда „выростешь и по землѣ пойдешь, то и въ явный дворецъ взой-

„дешь, и тогда будешь осетровъ ловить, и тамъ хлѣбушка „покушаешь; а львы всѣ застонуть, и тогда волки завоютъ „на всей вселенной. А волки—Пророки, и не одни Пророки, „а—и тѣ, которые лѣпостью занимались: благодать у нихъ „чистая, да плоти коварныя. Но ты со всѣми справишься, и „Учителя не будутъ безвременно овецъ стричь, а будутъ „одну пору Петровку знать“. О, великое дѣло быть Учителемъ. Надо заживо себя во гробъ положить, а ноги свои въ землю зарыть [1]), а голову къ небесамъ привязать, а умъ свой всегда къ небу простирать, а сердце свое Богу вручать, и никакіе подарки не взимать, и сердце свое на земное не прилѣплять, и никого не обижать, а всѣхъ равно, богатаго и нищаго, съ любовью принимать, и ни на кого не гнѣваться, а гнѣвайся всякъ на свою плоть да на лѣпость [2]). А притомъ и долженъ кушать хлѣбъ съ водой, чтобъ не жить съ бѣдой, да третью—соль на подкрѣпленіе членовъ; а отъ другихъ прохладъ бываетъ душамъ накладъ. Судите же одну правду, и всѣхъ равно, какъ средняго такъ и богатаго, равно и нищаго; и надо отрещись всего роду, отца и матери; и судить, чтобы лѣпостью не занимались, а на землѣ учителями не назывались. Единъ Учитель—Отецъ вашъ Искупитель, и матушка Акулина Ивановна, да батюшка Александръ Ивановичъ, а прочимъ я никому не вѣрю: ни Учителямъ, ни Учительницамъ, ни Пророкамъ, ни Пророчицамъ, а только вѣрю одному дѣлателю, исполнителю заповѣдей

---

[1]) Вотъ *гдѣ*, вотъ въ какомъ *скопческомъ* порывѣ, содержатся такія ужасныя явленія, какъ *само-закапыванія* нашихъ сектантовъ, людей отнюдь не скопческаго толка!! „Въ гробъ себя положить,“ „въ землю себя зарыть“—вѣдь это буквально совпало съ тѣмъ, что надъ собою совершили сектанты *не-скопцы* въ Терновскихъ плавняхъ, въ Бессарабіи, *100 лѣтъ спустя!!* Вотъ *гдѣ* разгадка всего—духъ „дѣвства“, Селивановская „чистота“, *безъ-тѣлесный* спиритуализмъ! *В. Р.*

[2]) Поразительно! Полный символъ вѣры терновскихъ сектантовъ! *В. Р.*

Божьихъ, тотъ и уподобится Царствію Небесному. А я всѣхъ равно почитаю—какъ вельможу, такъ и нищаго: и нищій—да Бога сыщетъ; а и вельможа—да въ дѣлахъ неугожихъ; у меня тотъ и генералъ, который дѣла Божія не замаралъ; тотъ и архирей, который въ жизни своей не захирѣлъ; тотъ и патріархъ, который будетъ въ жизни разумомъ здравъ и благъ. А благъ единъ Господь Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, который и пришелъ въ міръ грѣшные спасти, да отъ лѣпости отвести. О любезные мои дѣтушки! Надо помнить смертный часъ, и какъ душа съ тѣломъ растанется, тогда суета вся на землѣ останется, и съ единою добротою къ Богу должно итить. О любезные дѣтушки! Какъ можно постарайтесь и назадъ не озирайтесь; а хотя на колѣнкахъ, да ползите, и у Бога помощи себѣ день и ночь просите. Ибо въ прежнія времена по тридцати лѣтъ Богу служили, а благодатію себя основали, да предъ послѣднимъ концомъ отъ Бога отставали.

„А Страшный идетъ Судъ: надо дѣла брать всѣмъ въ разсудъ, и разобрать Божій Судъ. А я принесъ гостинчикъ всѣмъ поровну: чтобы лѣпостью не занимались, а Истинному Отцу съ чистотою поклонялись. И хочетъ Истинный вашъ Отецъ на сырой землѣ раскатиться и до всѣхъ своихъ дѣтушекъ умалиться: хочетъ благословить, и всѣхъ своихъ дѣтушекъ навѣстить; хочетъ въ Успенскій колоколъ зазвонить, и всѣхъ своихъ дѣтушекъ къ себѣ заманить. И этому дѣлу не миновать, чтобы Отцу Искупителю не стали чести отдавать; хотя и стали всѣ пировать, но придетъ время—будутъ всѣ головушки преклонять. Такъ и станемъ заблаговременно грѣхъ изъ себя вонъ выгонять, начнемъ къ Отцу припадать, и грѣху не станемъ потакать. Пора, любезные дѣтушки, Богу работать, и души свои спасать, а пустыя дѣла всѣ надо бросать, и на грѣхъ наступить, и одну Сіонскую Гору полюбить. А я свидѣтельствую о себѣ не самъ

собою, но свидѣтельствуетъ о мнѣ Отецъ Небесный, посланіемъ черезъ Духа Святаго, и пишу не для славы. Слава моя—на крестѣ, а домъ мой—темница: я въ ней жилъ и не тужилъ, Отца своего слушалъ и малинку его кушалъ. А нынѣ я пришелъ на старыхъ Учителей и Пророковъ: у нихъ благодать была по поясъ, а я принесъ полную, и облеку съ головы до ногъ—и тогда вся земля мнѣ поклонится. О любезные дѣтушки! Извольте на бѣлыхъ коней садиться [1]), и со мною Господомъ водиться, духомъ моимъ сладиться, душою-же съ тѣломъ соединиться, тѣмъ и будете со мною въ Небѣ веселиться. О любезные мои дѣтушки! Помните всегда Вышняго, и не кушайте хлѣбушка лишняго. Вы—люди израелитяне, а потому и должны быть душамъ своимъ хранители. А про меня Пророки вамъ вѣстили, да вы во внутренность свою не вмѣстили: „Прійдетъ кормщикъ, и „будетъ кораблями управлять, и мачты крѣпко утверждать: „посадитъ всѣхъ по своимъ домамъ, и не дасть воли вашимъ „плотямъ". И должны помнить и страшиться праведнаго Суда Божія, а не человѣческаго; а если будете вѣрить однимъ несбыточнымъ мечтамъ, то умрете вѣчною смертью, не тѣлесною, а душевною. Такъ любезные мои дѣтушки! Живите—не вредитесь, всякой слабости берегитесь, и на суету міра сего не льститесь, а всѣ ко истинному Отцу своему Искупителю съ чистою совѣстью явитесь. Вы всѣ у меня Отцемъ моимъ избраны, Духомъ Святымъ порождены и имъ воспитаны, и прощеніемъ очищены. Я, истинный вашъ Отецъ-Искупитель, по благословенію Отца моего Небеснаго много лѣтъ за васъ страдалъ, и всѣхъ отъ міра своею кровію откупалъ. По сырой землѣ странствуя ходилъ, и чистоту свою всѣмъ явилъ. На колокольню выходилъ, и

---

[1]) „*Бѣлизна*"—вездѣ *скопчество*. „На бѣлыхъ коней садиться"—*оскопляться*. *В. Р.*

одной рукой во всѣ колокола звонилъ, а другой изобранныхъ своихъ дѣтушекъ манилъ, въ трубушку трубилъ, и имъ говорилъ: „Подите, мои вѣрные, изобранные, со всѣхъ четы„рехъ сторонушекъ; идите на звонъ и на жалостный гласъ „мой трубный; выходите изъ темнаго лѣсу, отъ лютыхъ „звѣрей и отъ ядовитыхъ змѣй; бѣгите отъ своихъ отцовъ „и матерей, отъ женъ и отъ дѣтей [1]). Возьмите съ собой „только однѣ души, плачущія въ вашемъ тѣлѣ. А почто ты, „человѣкъ, нейдешь на гласъ Сына Божія и не плачешься „о грѣхахъ своихъ, Который толико лѣтъ зоветъ тебя отъ „утробы матери твоей тѣлесной. И почто не ищешь душѣ „своей Матери Небесной, кая воспитала бы душу твою „благодатью и довела бы до Жениха Небеснаго. А онъ „беретъ за себя всю подвселенную, и возводитъ съ земли „на небо, гдѣ ликуютъ души вѣрныя и праведныя, Пре„подобные и Богоносные, Мученики и Мученицы, Пророки

[1]) Вотъ оно!—*полный* разрывъ рода, раздробленіе человѣчества. Есть *индивидуумы*, лица: *мой* духъ, *твой* духъ, и *ничего*—еще. „Единство человѣческаго рода" разсѣкается,—то „единство", о которомъ говорятъ Библія и Катфражъ. Есть „случайный Шиллеръ"—запѣвшій чудные стихи, *Богъ вѣсть откуда ихъ запѣвшій*, и ни матушка и ни батюшка котораго не интересны, и *ихъ* просто—*нѣтъ*, метафизически—*нѣтъ*. Кондратій не даромъ почувствовалъ себя „богомъ": ибо если бы осуществилось его „дѣло",—онъ повернулъ-бы планету „около своего пальца", какъ еще „Саваоѳъ", пришедшій испразднить того перваго Саваоѳа, Саваоѳа „Авраама, Исаака и Іакова", 12 „колѣнъ" израилевыхъ, и аѳинскихъ „филъ", и римскихъ „трибъ и курій". Селивановъ—чудовище; но именно такое, какое могло *поспорить съ Богомъ*. „Манфредъ" нашъ, „Каинъ" и „Люциферъ"—это вовсе не стишки Лермонтова и Пушкина, и не сами эти поэты: а единственно — мужикъ изъ деревни Сосновки, написавшій „Страды", и „Посланія" и въ уровень по силѣ оригинальной и по новой мысли съ твореніями гигантовъ поэзіи. Да, указавъна это „Посланіе",—мы можемъ сказать: „вотъ нашъ Мильтонъ" и наша грустная пѣснь о „Потерянномъ и возвращенномъ раѣ". По могуществу и новизнѣ чтó значатъ всѣ бумагомаранья Чаадаева сравнительно съ этимъ „Посланіемъ", и какъ жалокъ тотъ журналистъ противъ „Батюшки". *В. Р.*

„и Пророчицы, Апостолы и Учителя, въ Царствіи его Не-„бесномъ наслаждаются вѣчною радостію и зрѣніемъ Его „красоты, и умиленнымъ голосомъ, пѣніемъ и восклицаніемъ „всей Силушки Небесной“. На сей мой жалостный гласъ и на колокольный звонъ, нѣкоторые стали отъ вѣчнаго сна пробуждаться, и головы изъ гробовъ поднимать, и изъ дна моря на верхъ всплывать, и изъ лѣсу ко мнѣ приходить...

II.

„Христосъ воскресе! Воистину Христосъ воскресе! Во славу Божію, а намъ во спасеніе и вѣчную радость!

„Возлюбленному моему сыночку И. С.

„Посылаю я тебѣ мое отеческое благословеніе, и милость Божію съ неба, и покровъ Отца моего Небеснаго, и низкій мой поклонъ, съ покровомъ Отца моего Небеснаго.

„Любезный мой сыночекъ! Поживи, и истинному Отцу-Искупителю послужи въ кротости и смиреніи, въ любви и совѣтѣ. Храни чистоту и дѣвство, оберегайся лѣпости и праздныхъ словъ и хмѣльныхъ напитковъ; а на бесѣду ходи, только не заглядывайся на сестеръ, и не давай видимыхъ гостинцевъ, отъ которыхъ заходитъ лѣпость, которая поядаетъ весь свѣтъ и отъ Бога прочь отводитъ. А ты, любезный мой сыночекъ, самъ знаешь, какъ надо жить и душу спасти.

„Еще, любезный мой сыночекъ, И. С., не можно ли тебѣ побывать ко мнѣ Отцу—своему Искупителю. А я сердечно тебѣ радъ, и желалъ бы тебя повидать лично и побесѣдовать съ тобою.

„Итакъ остаюся истинный вашъ Отецъ - Искупитель. Прошу и молю Небеснаго Отца, дабы сохранилъ жизнь вашу до конца. Истинный вашъ отецъ остаюся живъ и здоровъ на вѣки. Аминь.

„Еще я желалъ-бы тебѣ знаться и водиться съ моимъ любезнымъ и стариннымъ сыночкомъ С. М.

III.

„Христосъ воскресе! Воистину воскресе! Во славу Божію, а намъ на спасеніе и вѣчную радость!

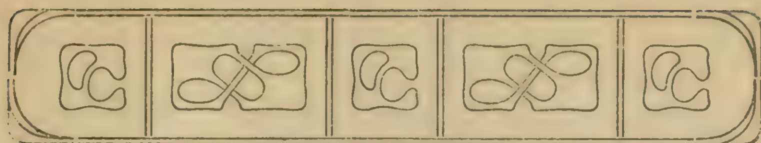
„Возлюбленному моему сыночку И. С.

„Посылаю тебѣ заочно миръ и мое отеческое благословленіе.

„Не заглядывайтеся на женскій полъ: отъ женскаго пола приходитъ человѣкъ въ слабость, которая поядаетъ весь свѣтъ и отъ Бога прочь отвращаетъ; а намъ только дано чистоту нести, и душу спасти. А вы люди ученые: вамъ можно знать, кто какъ себя спасалъ. Какое житіе велъ Дмитрій Ростовскій и Богу служилъ! Такъ Иннокентій Иркутскій, который взялъ благодать въ Москвѣ, а спасеніе имѣетъ въ Иркутскомъ. Но и всѣ угодники на землѣ не въ славѣ были, слава вѣчная—на Небеси. Возлюбленный мой сынъ! Воззри на житіе Отца своего Искупителя: какъ я жизнь свою проводилъ! Како принялъ нужды въ дальней странѣ! И обратите вниманіе и сердечныя очи на глаголы Истиннаго своего Отца, и посмотрите на понесенныя мною скорби и раздробленные мои члены... Сколько пролито моей крови, раздроблены всѣ мои кости! А все сіе сотворилъ для того, чтобы показать чистоту и дѣвство, и утвердить истинный законъ, и раззорить лѣпость и нечистоту.

„Такъ остаюсь Истинный Отецъ, прошу и молю Небеснаго своего Отца, дабы похранилъ жизнь вашу во всякомъ благополучіи до конца.

„Засимъ остаюсь Истинный вашъ Отецъ живъ и здоровъ, а тебѣ посылаю на вѣки мой покровъ отъ нынѣ и до вѣка. Аминь.

СКОПЧЕСКІЯ ДУХОВНЫЯ ПѢСНИ

А

(*Собранныя изъ показаній скопцевъ въ Соловецкомъ монастырѣ*)

1.

У насъ было, на сырой землѣ,
Претворилися такія чудеса:
Растворилися седьмыя небеса,
Сокатилися златыя колеса,
Золотыя—еще огненныя.
Ужъ на той колесницѣ огненной,
Надъ пророками Пророкъ, Сударь, гремитъ:
Нашъ Батюшка покатываетъ,
Утверждаетъ онъ Святой Божій Законъ.
Подъ нимъ бѣлой храбрый конь:
Хорошо его конь убранъ,
Золотыми подковами подкованъ;
Ужъ и этотъ конь не простъ:
У добра коня жемчужный хвостъ,
А гривушка позолоченная,
Круппымъ жемчугомъ унизанная;
Во очахъ его камень-маргаритъ,
Изо устъ его огонь-пламень горитъ;
Ужъ на томъ-ли на храбромъ конѣ,

Искупитель нашъ покатываетъ.
Онъ катаетъ со златыми ключами,
По всѣмъ четыремъ сторонушкамъ,
По инымъ землямъ Французскіимъ,
Французскіимъ и Иркутскіимъ:
Набиралъ полки премудрые,
Кавалерію духовную.
А теперь-то, други милые,
Прокатилось Красно Солнышко,
Во сѣверную, во Питерскую.
При Батюшкѣ-Искупителѣ,
При второмъ Спасителѣ,
Душамъ нашимъ воскресеніе!
Ужъ сталъ нашъ Батюшка родной,
Государь нашъ полковникъ дорогой,
Своими полками полковать...
Разложилъ свой Евангель толковой...

2.

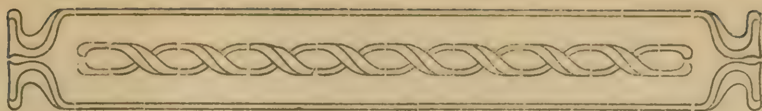
Благослови, нашъ Искупитель,
Сударь Батюшка родимой,
Колоколъ твой зазвонити,
Птицу райскую сманити:
Про твои страды велики—
Горючи слезы пролити.
Какъ тебя, нашъ Искупитель,
Били, мучили Іудеи,
А все злые фарисеи,
Не дали мѣста въ Россіи.
На твою пречисту плоть
Налетали черны враны,
Надѣлали многи раны,
Отослали въ дальни страны,

Во Иркутскую губерню.
Не безъ нужды-жъ тебѣ было,
Всеё землю исходити,
Пречистыми стопами.
Все ради насъ недостойныхъ.
А нынче Искупитель,
Сударь Батюшка родимой,
До насъ грѣшныхъ умалился,
Во Россію къ намъ явился.
Въ славномъ Питерѣ во градѣ
Свѣтъ нынче пребываетъ;
На всѣ четыре сторонки,
Свѣтъ очами позираетъ,
И покровомъ покрываетъ,
Къ себѣ дѣтокъ призываетъ:
—„Ужъ-вы, дѣтушки, идите,
Ничего вы не годите!
Придутъ, други, таки годы
Укачу я въ Царски Роды,
Останутся всѣ уроды.
Съ собой возьму изобранныхъ:
Съ ними буду ликовать,
Грѣшны будутъ горевать.
Не равно время случится,
Иной воръ постучится:
Отъ воротъ ему откажутъ,
За безвѣріе откажутъ".

3.

По зарѣ, зарѣ вечерней,
Золота Труба трубила,
Вѣрныхъ праведныхъ будила.
Съ неба Матушка скатила,

На святой кругъ покатила;
Изобраннымъ возвѣщала;
Ждать Батюшку обѣщала,
Приказала всѣмъ молиться.
Скоро Батюшка явится,
Красно-Солнце прикатится,
Въ домъ Давидовъ возвратится,
На престолѣ воцарится.
Освѣтитъ онъ насъ лучами,
Зазритъ Батюшка очами.
Всѣхъ избавитъ насъ печали.
Въ херувимскихъ крылахъ ляжетъ,
Про страды свои раскажетъ,
Какъ страдалъ Творецъ отъ твари.
Окружили его звѣри,
Запирали крѣпко двери,
Подносили ему лести,
Чтобъ по гробъ быть въ такомъ мѣстѣ,
Чтобъ Батюшку заключити,
Съ дѣтушками разлучити.
Но не знаютъ фарисеи:
Нашъ Батюшка-Искупитель
Обагрялъ кровью Россію;
Во страдахъ его великихъ,
Токи крови протекали,
Святы уста запекались,
Двѣ капельки проронились.
Еще Свѣтъ-нашъ-Искупитель
Пострадалъ въ Суздалѣ-градѣ,
Воскресилъ души во адѣ,
Приказалъ всѣмъ жить въ отрадѣ.
Съ нами Свѣтъ Божій, Свѣтъ, помилуй насъ!

О „СИБИРСКОМЪ СТРАННИКѢ“

Послѣ тѣхъ размышленій и наблюденій, плодомъ которыхъ явилась книга „Люди луннаго свѣта“,—явленія какъ *хлыстовства* такъ и *скопчества* становятся совершенно прозрачными, ибо опредѣляется общій ихъ *истокъ*, *начало*. Истокъ этотъ лежитъ въ отклоненіи „половой стрѣлки“ („лѣпота“ Селиванова,—страсть, чувственное пожеланіе) отъ 1° (самецъ *въ абсолютѣ*) и отъ 180° (самка *въ абсолютѣ*), и—въ прохожденіи этой половой стрѣлки по *промежуточнымъ градусамъ*; причемъ чувственное пожеланіе въ одномъ и въ другомъ полѣ, ослабляясь, доходитъ до нуля, и *пропорціонально возрастаютъ духовныя эмоціи, духовныя силы, духовныя дѣятельности, духовныя напряженія, огни, страсти*. Догматъ хлыстовъ: „не женатый—*не женись*, а женатый—*разженись*“, попадаетъ точка въ точку въ природу „луннаго свѣта“: „nolo concubere“, „nolo nuptias“. Они уже и *женатые*—все равно *супружества не выполняли*, были къ нему *апатичны, равнодушны*. Таковы были „духовные“, безъ плотской связи, браки многихъ раннихъ подвижниковъ христіанства, — о чемъ факты приведены въ главѣ 1-ой „Людей луннаго свѣта“; или, если и начинали супружествовать, то—*вскорѣ прекращали по-*

ловую связь. Ибо въ людяхъ „луннаго свѣта“ на протяженіи градусовъ, не очень удаленныхъ отъ 1° и отъ 180°, *физическая способность совокупленія сохраняется,* и есть *маленькій аппетитъ ея,* но онъ вскорѣ по удовлетвореніи окончательно угасаетъ. Это и есть та дробь общаго количества ихъ, которая неудачно или даже нечаянно, необдуманно „женилась“; въ крестьянскомъ или духовномъ быту—„женились“ (и вышли замужъ) по волѣ родителей или по сословной традиціи и закону должности (духовенство). Всѣ таковые лица „разжениваются“, вступая въ хлыстовство: точнѣе, всѣмъ таковымъ, *на встрѣчу ихъ природѣ,* хлыстовство говоритъ: „разойдитесь!—все равно вѣдь у васъ *ничего нѣтъ,* или—*почти ничего*“. Но, соотвѣтственно закону всеобщаго міроваго сложенія организма, совокупленіе у нихъ не исчезло, а только *скрылось. Наружу*—нѣтъ его; *функціонально, анатомически*—нѣтъ; но оно въ однихъ случаяхъ частично (у *неполныхъ* хлыстовъ), а у другихъ вполнѣ перешло въ *жаръ* и *огонь* духовныхъ волненій, каковые у образованныхъ выражаются въ умственномъ, поэтическомъ и общественномъ творчествѣ, до „задыханія“ и „экстаза“ (вдохновеніе), съ „поглощающею страстью“; а у простолюдиновъ, которымъ *все это закрыто* по самой неизвѣстности, передъ которыми не лежитъ этихъ рельсъ сотворяющаго духа,—оно выражается въ *радѣніяхъ, „пророчествѣ“*, въ *дальновидѣніи,* доходящемъ до ясновидѣнія (Акулина Ивановна Селивановскихъ *Страдъ,* предсказывающая *навѣрняка* хлѣбородный годъ и уловы рыбы), въ расширенномъ и углубленномъ *чувствѣ природы,* такъ сказать *осязаніи* природы, *обоняніи* ея. Этотъ даръ „предсказывать“ и „предвидѣть“ у простолюдиновъ—есть у образованныхъ ихъ научный „геній“. Все это—тончайшіе щупальцы „мозга“,

„души“, „пола“,—какъ хотите назовите, но *выросшіе* отъ того именно, что совокупленіе *ослаблено* или *прекратилось*, что дѣти *плохо рождаются*, или ихъ вовсе *не рождается*... Все это дары пола, трансформировавшіеся въ спиритуализмъ. „Земной ангелъ“ или „небесный человѣкъ“ (терминъ дѣвственниковъ) заговорилъ, сталъ *думать*, *догадываться*, *искать*, *открывать*; это—тотъ „ангелъ“, первый канонъ котораго и въ нормальномъ уставѣ (монастырь): „будь *одинъ*, *не женись*“ (= „не женатый—не женись, а женатый—разженись“), „*не имѣй дѣтей*“.

Хлыстовство—это вольное, дикое, отъ созданія міра бытійствующее *монашество*.

Монашество (добровольное и вдохновенное) — это упорядоченное, нормированное, принятое исторіею и человѣчествомъ, одобренное закономъ, нравами и бытомъ хлыстовство.

„Братцы“ и „сестрицы“—*тамъ* и *здѣсь*; „родители“—оставлены и „дѣтей *никогда* не будетъ“—*здѣсь* и *тамъ*. Это не переступимые, до преисподней, овраги, которыми окопано хлыстовство-монашество и отдѣлено отъ міра; или, вѣрнѣе, это высѣченные въ гранитѣ берега, въ которыхъ течетъ рѣка „безполости“ и „луннаго свѣта“.

* * *

Пунктъ, на которомъ мы должны сосредоточить все вниманіе, заключается въ томъ, что здѣсь—*безчисленные оттѣнки*, неисчерпаемое богатство *степеней* и *формъ*; что „хлыстъ“ и „аскетъ“—это не какой-то очерченный, *опредѣленный* человѣкъ,—опредѣленнаго *вида* и опредѣленной *жизни*; а что *каждый человѣкъ* въ сущности принадлежитъ *нѣсколько* къ хлыстовству, къ аскетизму; но

если онъ лишь *въ малой дроби* принадлежитъ къ нимъ,—то и остается нормальнымъ человѣкомъ, женится, семьянинствуетъ, рождаетъ дѣтей: но только *чуть-чуть въ немъ есть* „странности“. Нѣтъ „хлыста“ какъ чего-то общаго, κοινον: есть „хлысты“, *индивидуальности* хлыстовства, такъ-же между собою *разнящіяся*, какъ разнились-бы *пиь дъти*, которыя отъ нихъ могли родиться, но *никогда не родятся*. Вотъ эти возможныя рожденія, которыя никогда не родятся,—міръ абсолютно темный и неизслѣдимый, не угадываемый,—образуютъ подспудною силою своею, подспуднымъ таготѣніемъ своимъ, міръ *хлыстовскихъ индивидуальностей*, которыя уже тѣмъ самымъ безконечно варіируютъ, безконечно *разнообразны*.

Канонъ только одинъ и онъ дѣйствительно *общъ*: нѣтъ *тупости*, *вялости*, *апатіи*. Все „въ танцѣ“, говоря аллегорически; все „въ радѣніи“, говоря тоже иносказательно: все—въ *прыжкѣ*, *акціи*, *оживленіи*, постоянномъ, неудержимомъ. Скажемъ такъ: все—„*въ талантѣ*“ и иногда въ „*геніѣ*“.

У кого „родилось-бы *трое*“—въ „талантѣ“; но у кого, какъ у Іакова, „было-бы четыре жены и 12 сыновъ, не считая дочерей“ — тотъ „въ геніѣ“, и переходитъ въ *историческую значительность*. О Григоріи VII Гильдебрандтѣ можно-бы сказать, что отъ него „родился-бы цѣлый народъ“: но онъ „народа“ не родилъ, за то *преобразовалъ на-ново*, далъ *новую конструкцію* католичеству. Онъ былъ страстный врагъ брака, и именно съ характерною хлыстовскою брезгливостью къ нему. „У, какъ-бы не *загадиться*“; „*священники* (католическіе) не должны имъ *гадиться*“. Онъ былъ *меньше Селиванова*, но—уже почти Селивановъ. Громада „самосознанія о себѣ“ Гильдебрандта вполнѣ объясняетъ и Селивановское

чувство: „я—Сынъ Божій, я—Христосъ, вторично пришедшій на землю“. Вообще „христы“ и „богородицы“ хлыстовскіе выклевываются отсюда сами собою. „Мы всѣ немножко *христы* и *богородицы*, но скромные пока, провинціальные; а *тотъ* вотъ (Селивановъ или Радаевъ)—на весь міръ *христосъ*, и мы ему поклоняемся“.

Но если „нѣтъ дѣтей“—то есть *эквивалентъ* именно „дѣтей“: и отсюда *тѣлесный смыслъ* всего ихъ „христовства“, постоянное выпячиваніе именно *тѣла* своего „христомъ“ (или „богородицею“), и поклоненіе „тѣлу“-же его, а не спиритуализму, не духу; хотя отчасти—и духу. Но впереди всего—„тѣло“ („*будущія* дѣти“, „*нерожденныя* дѣти“): оно для осязанія и обонянія хлыста (рядового) совершенно не таково, какъ для насъ; а — какъ для матери „тѣльце“ ея перваго ребенка, какъ для отца — его *младенецъ*, существо явно „священное“, по всѣмъ наблюденіямъ. „Христосъ“ хлыстовскаго корабля естъ какъ-бы „новорожденный“ всѣми хлыстами; и какъ мать, играя ребенкомъ въ колыбели, захватываетъ губами его ручку, локотокъ, беретъ въ ротъ пальчики ножекъ, каждый пальчикъ по очереди: такъ хлысты „готовы точно укусить“ своего христа, но *сладко* укусить, безъ боли ему и только въ наслажденіе себѣ. Именно потому, что они не рождаютъ и не будутъ рождать, у нихъ возникаетъ,—*только у нихъ рождается*,—совершенно новое чувство тѣла, сахарнаго, золотого, сладкаго, почти съѣдобнаго. Ну, а какъ „съѣсть нельзя“—то они хоть „до земли поклоняются“ ему какъ „иконѣ“ и „образу Божію“. „Укусить“ нельзя; ну—хоть „поцѣловать“. О, это ужъ непремѣнно разразится: съ жаромъ и волненіемъ, съ экстазомъ и сладостью, какъ мы рѣшительно не умѣемъ представить себѣ. Наконецъ, вѣдь ребенокъ именно — половое, это есть fructus sexuum: и

потому переходъ поцѣлуевъ въ ту форму, которая засвидѣтельствована въ греческихъ таинствахъ и почти навѣрное существуетъ у хлыстовъ (см. послѣднее письмо ко мнѣ)—возможенъ, вѣроятенъ, очень близокъ. Наблюдайте внимательнѣе и осыпаніе поцѣлуями матерью своего ребенка, наблюдайте *подробнѣе*, и вы увидите койчто изъ греческихъ и хлыстовскихъ тайнъ. Во всякомъ случаѣ это *не избѣгается* и матерью.

„*Сладокъ каждый пальчикъ*“ сладостью намъ совершенно невѣдомою: и въ нѣкоторыхъ изъ древне-греческихъ мистерій совершалось живо-ѣденіе, какъ есть слухи объ этомъ и у нашихъ хлыстовъ, и это у нихъ бываетъ или бывало. Собственно логика—*съѣсть всего своего „христа“*, „причаститься“ имъ до косточекъ. Но этого—нельзя; а все другое—недостаточно, не насыщаетъ, оставляетъ алканіе и жажду. Отсюда—„еще повторить“, „еще увидѣть“, „прикоснуться“, „созерцать“.

Пѣсня хлыстовъ:

Тошнымъ было мнѣ тошнехонько,
Грустнымъ было мнѣ груснешенько;
Мое сердце растоскуется —

выражаетъ чудно по точности состояніе хлыста внѣ физическаго прикосновенія или хотя бы созерцанія, видѣнія, „христа“ ихъ или ихъ „богородицы“. „Бѣлый свѣтъ не милъ“, „не могу терпѣть“, „все *тошно* безъ него, *въ удаленіи* отъ него“... „Сами ноги несутъ“,—ничто не удержитъ:

Мнѣ въ гости къ Батюшкѣ хочется.
Пойду млада: рѣки текутъ быстрыя,
Мосты всѣ размостилися,
Перевозчики всѣ отлучилися;
Пришло младой хоть въ бродъ брести,

Въ бродъ брести—омочитися.
Сердечный ключъ поднимается...
Мнѣ къ Матушкѣ въ гости хочется.
Съ любезною повидаться.

Вотъ! Вотъ! Вотъ! Въ этомъ—все дѣло: въ духовномъ томленіи, въ тоскѣ, пока хлыстъ (врожденный) не нашелъ хлыстовства, какъ учрежденія, какъ „готоваго“, какъ „корабля“ подобныхъ лицъ, организацій. душъ, въ концѣ концовъ — „тайнъ“ и „мистерій“, первоначально въ сущности *индивидуальныхъ* и, затѣмъ, общихъ, коллективныхъ, „корабельныхъ“.

Какъ и стихъ Лермонтова:

И долго на свѣтѣ *томилась она* (душа)
Желаніемъ чуднымъ полна

выражаетъ съ удивительною общностью и глубиной хлыстовское самоощущеніе, которое *въ уменьшенной степени* есть, вѣдь, обще-человѣческое самоощущеніе. Можетъ быть послѣдняя разгадка хлыстовъ заключается въ этомъ опредѣленіи, что они какіе-то дѣйствительно *послѣдніе человѣки, краевые человѣки*, на „окраинѣ“ человѣчества (humani generis) лежащіе, около какой-то бездны, съ „ничего“ подъ бокомъ, или—„раемъ“ и „адомъ“ подъ бокомъ; что они *переполнены человѣчностью* (опять-же „нѣтъ дѣтей“) въ степени намъ вовсе неизвѣстной,—*намъ*, которые *въ серединѣ*, внѣ „рая“ (размноженіе); и, просто, этихъ краевыхъ ощущеній мы не знаемъ и *никогда понять не можемъ*. Я упомянулъ о Лермонтовѣ: какъ томительно и вмѣстѣ какъ *лично близко, лично извѣстно* ему чувство трансцендентности! И тоже онъ пѣлъ о „любви“ къ какому-то „демону“, довольно доброму,—довольно похожему на „христовъ“

хлыстовъ... Пѣлъ со *страннымъ очарованіемъ*, особенно въ „Сказкѣ для дѣтей“...

Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній
Какъ царь *нѣмой и гордый онъ сіялъ*
Такой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно... И *душа* тоскою
Сжималася—и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ.

Кромѣ трансцендентности, есть еще чувство катастрофы у Лермонтова,—близкаго *конца* и *бѣды*, чѣмъ вообще полны апокалипсическія секты, — да вѣдь полонъ и Апокалипсисъ. И вотъ если мы скажемъ, что всѣ русскіе поэты ничего общаго съ хлыстами не имѣютъ, а Лермонтовъ одинъ имѣлъ кое-что общее съ ними, *индивидуально*-общее, *обособленно*-общее,—то мы поняли-бы *осязательно* очень многое въ хлыстахъ и ихъ психикѣ, а также и въ немъ поняли-бы эту бурю и быстроту творчества; и поняли-бы то, что онъ вообще „прожилъ“ свои 27 лѣтъ—какъ „прорадѣлъ“ ихъ, дурачился, озорничалъ, все чего-то „искалъ“ и нигдѣ не могъ остановиться, „предвидѣлъ“ смерть свою и самый ея *образъ* (=„Акулина Ивановна“ Селиванова), и засыпалъ міръ необъяснимо-происшедшими стихами, внѣ обстоятельствъ службы, ученья и окружающаго общества... „*Откуда-то* все родилось“.., какъ и *все* „невѣдомо откуда рождается“—*у хлыстовъ.*

„*Не понимаю* и *творю*“... какъ не сумѣетъ сотворить никто изъ „понимающихъ, разсчитывающихъ, намѣревающихся“: вотъ законъ поэта, гіеродула, хлыста и Михаила Юрьевича. Развѣ это не „вскакиваніе“ хлыста:—

Бываютъ тягостныя ночи:
Безъ сна, горятъ и плачутъ очи,

На сердце—тяжкая тоска;
Дрожжа, холодная рука
Подушку жаркую объемлетъ;
Невольный страхъ власы подъемлетъ;
Болѣзненный, безумный крикъ
Изъ груди рвется,—и языкъ
Лепечетъ громко безъ сознанья...
. . . .
Тогда пишу. Диктуетъ совѣсть
Перомъ сердитый водитъ умъ
. . . .

Великолѣпно и непостижимо; наборъ словъ, и--огромнѣе всякой поэмы!..

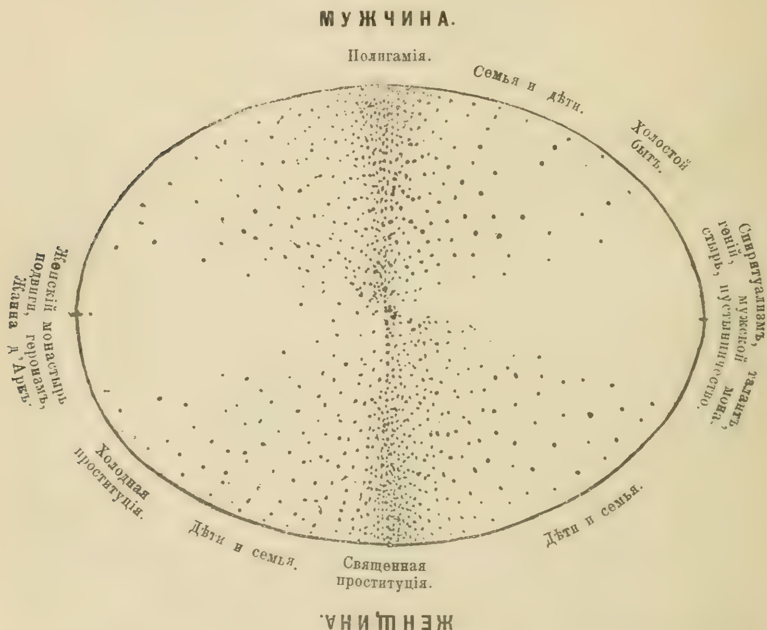
Вглядитесь въ матерей съ дѣтьми, читайте Лермонтова,—и вы... еще не поймете, но приблизитесь къ краешку хлыстовства, вы найдете *одну музыку* съ нимъ, одинъ *вкусъ* съ нимъ...

„Зачѣмъ міру существовать, зачѣмъ жить людямъ, въ грѣхѣ, слабости, еще въ рожденіяхъ, безконечныхъ рожденіяхъ... для голода, для нужды, пустыхъ заботъ и страданій: собрались бы они лучше всѣ въ одинъ міровой *корабль* и, не дожидаясь, пока земля столкнется съ планетою или сгоритъ въ солнцѣ,—лучше-бы натанцовавшись, налюбовавшись, нацѣловавшись,—скушали-бы всѣ сладко другъ друга, и перешли прямо въ Вѣчную Жизнь, Вѣчное Сновидѣніе и Видѣнія".

* * *

Есть полъ *индивидуума*; но онъ всегда -- только *моментъ*, только *фаза* или *стадія* въ судьбѣ пола, въ траэкторіи пола, въ его полетѣ „отъ Адама до меня", т. е. всѣхъ моихъ предковъ и затѣмъ всѣхъ моихъ потомковъ. „Мой полъ" есть какая-то точка въ „нашемъ полѣ",

родовомъ (saxus generis): который движется во времени совершенно такъ, какъ планета летитъ около солнца, или какъ кровяной шарикъ движется въ жилахъ. И можно даже этотъ *родовой полъ*, или, что̀ тоже или очень близко,—*полъ человѣчества*, представить въ слѣдующей схемѣ какъ-бы *мірового яйца*:

Точки здѣсь выражаютъ совокупленія. Они начинаются отъ крайне напряженныхъ и частыхъ („священная проституція“ древнихъ, полигамія Соломона съ сотнями „женъ“ и съ „дѣвицами безъ числа“); затѣмъ умѣряются: здѣсь,—полигамія мормоновъ, въ предѣлахъ 5—6 женъ, и полигамія обычнаго мусульманина, съ 2-мя или съ 3-мя женами; переходятъ въ спокойныя (моногамія); и, наконецъ, почти исчезаютъ. Тутъ ихъ хватаетъ только на „слу-

чайности“ упорядоченнаго холостого быта, а у бѣдныхъ простилюдинокъ идетъ „въ продажу“, какъ совершенно ненужная и не интересная себѣ вещь. Здѣсь образуется холодная проституція: въ которой почти и не рождается дѣтей, не рождается у совершенно здоровыхъ, не рождается въ началѣ проституированія. Ибо самый организмъ, съ „камнемъ“ пола вмѣсто „хлѣба“ пола, въ сущности уже почти гермафродитиченъ, почти содомиченъ, хотя его анатомія еще и сохранена: отсюда же часто наблюдается у проститутокъ развитіе „дружбъ“ и наконецъ появляется осязательная содомія. *Все это связано съ глубокимъ ихъ равнодушіемъ,* не только обычнымъ, но всеобщимъ (рѣдчайшія исключенія!) къ совокупленію, къ самцу, къ мужчинѣ; ибо онѣ прикрыто сами уже суть полу-мужчины (ругаются, — грубость ихъ, склонность къ пиву и вину, *мужской къ этому вкусъ*). Затѣмъ, все это переходитъ *у мужчинъ* въ *мягкость*, а у дѣвушекъ во властительность и нѣкоторую жёсткость души, въ „крѣпкое“ *быта* и *фигуры*: совокупленіе здѣсь уже *не просто равнодушно, оно—отвратительно*, несносно, „грязно на видъ“ и „гнусно пахнетъ“. Отъ него бѣгутъ „куда глаза глядятъ“ юноши, дѣвушки; бѣгутъ въ „Союзъ пиѳагорейцевъ“, къ Платону въ тѣнистые сады *загородной* Академіи, въ „ученики“ къ Сократу, въ уединенные, пустынные монастыри, въ горахъ (Испанія и Италія), среди лѣса или пустыни, на островахъ Бѣлаго моря или Ладожскаго озера, „на водопадъ Иматру“ (Влад. Соловьевъ); бѣгутъ, наконецъ, и къ хлыстамъ въ „корабли“ ихъ... Вертикальная ось, соединяющая самца и самку, исчезла вовсе, и замѣнилась *горизонтальною осью*, гдѣ никакого полового тяготѣнія нѣтъ. Ибо никто болѣе *не* самецъ и *не* самка, а существо *средне*-полое, „solo“ въ мірѣ, которое въ „дополненіи“ не нуждается, ибо оно

utriusque sexus, *столько-же* самецъ какъ и самка, и самка *столько-же* сколько и самецъ, и живетъ *собою* или *съ собою.* Отъ этого въ такихъ индивидуумахъ часто развивается „обычный отроческій порокъ“, *къ которому вовсе не всѣ люди въ одинаковой степени расположены*, а расположены именно пролетающіе по этой дугѣ міроваго пола, съ ослабленною силою совокупленія, ослабленнымъ тяготѣніемъ къ женщинѣ, гдѣ она болѣе духовно *мечтается*, нежели ея физически *хочется*, или, еще точнѣе,—нежели *ея нужно*... На этой горизонтальной длинной оси міроваго эллипсиса пола—всѣ „братья“ и „сестры“, съ метафизическимъ, т. е. *вѣчнымъ* и *корневымъ*, исчезновеніемъ родителей, полнымъ къ нимъ равнодушіемъ и наконецъ враждою, полнымъ ихъ непониманіемъ. „60-ые годы“ отрицали „отцовъ“ не по тому одному, что отцы „устарѣли“, а вотъ по этому чувству могущественной Афродиты Ураніи, въ нихъ бившейся, т. е. по тому-же чувству, по которому и *настоящіе* аскеты „не хотятъ принять въ келью родную мать“, или, какъ записано въ „житіяхъ“ о многихъ *язычницахъ* въ фазѣ *перелома отъ язычества къ христіанству*,—„въ юности *ушла отъ отца*, отказавшись *отъ жениха*“. Чудный образъ такой дѣвушки нарисованъ Лермонтовымъ, этимъ не-опознавшимъ себя „человѣкомъ Божіимъ“, „хлыстомъ“, — поэзія котораго вообще есть лучшее введеніе въ хлыстовство; въ сущности (въ нашей литературѣ)—единственная понятная и существующая „дверь“ къ нему, „входъ“, „пропускъ“ въ тайны его вздоховъ, слезъ и „рыданій“.

Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима.
Царствовалъ грозный Тиберій и гналъ христіанъ безпощадно.
Но ежедневно, на мѣстѣ отрубленныхъ вѣтвей, у древа
Церкви Христовой юныя вновь зеленѣли побѣги.

Въ тайной пещерѣ, подъ Тибромъ ревущимъ, *скрывался въ то время*
Праведный *старецъ*, въ постѣ и молитвѣ свой вѣкъ доживая;
Богъ его въ людяхъ своей благодатью прославилъ.
Чудный онъ даръ получилъ: исцѣлять отъ недуговъ тѣлесныхъ
И отъ страданій душевныхъ. Рано утромъ, однажды,
Горько рыдая, приходитъ къ нему старуха простого
Званія; съ нею и мужъ ея, грусти безмолвной исполненъ.
Проситъ она воскресить ея дочь, внезапно во цвѣтѣ
Дѣвственной жизни умершую... „Вотъ ужъ два дня и двѣ ночи“,—
Такъ она говорила,—„мы нашихъ боговъ неотступно
„Молимъ во храмахъ и жжемъ ароматы на мраморѣ хладномъ,
„Золото сыплемъ жрецамъ ихъ и плачемъ... но все безполезно!
„Еслибъ зналъ ты Виргинію нашу, то жалость стѣснила-бъ
„Сердце твое, равнодушное къ прелестямъ міра: какъ часто
„Дряхлые старцы,—любуясь на бѣлыя плечи, волнистыя кудри,
„На темныя очи ея—молодѣли; юноши страстнымъ
„Взоромъ ее провожали, когда, напѣвая простую
„Пѣсню, амфору держа надъ главой, осторожно тропинкой
„Къ Тибру спускалась она за водою, иль въ пляскѣ,
„Предъ домашнимъ порогомъ, подругъ побѣждала искусствомъ,
„Звонкимъ ребяческимъ смѣхомъ родительскій слухъ утѣшая...

О, сколько исторій такихъ: изящество, *удвоенная жизненность*, красота... Всегда при этомъ *фигура крупная* (приближеніе къ мужской), *никогда* — миньятюрная, *волосы растутъ роскошно*, груди умѣренно большія и чуднаго овала, все тѣло *глубоко пропорціонально*, ни одной выемки, ни одной ямочки (два пола, чрезмѣрность пола). Но, слушайте:

„Только *послѣднее время примѣтно она измѣнилась;*
„*Игры наскучили ей и взоръ отуманился думой.*
„*Изъ дома стала она уходить до зари, возвращаясь*
„*Вечеромъ темнымъ, и ночи безъ сна проводила. При свѣтѣ*
„*Поздней лампады я видѣла разъ, какъ она, на колѣняхъ,*
„*Тихо, усердно и долго молилась... кому?.. неизвѣстно...*
„Созвали мы стариковъ и родныхъ для совѣта; рѣшили...

Вы знаете-ли, какъ кончается это только начатое Лермонтовымъ стихотвореніе? Несчастные родители, убійцы и не убійцы дочери, пришли просить о помощи *того самаго старца, къ которому въ пещеру она и начала уходить тайно*, и который и былъ ея убійцею, а впрочемъ—и *не*-убійцею. „Сосѣди и родные“, къ которымъ они обратились за помощью и совѣтомъ, посовѣтовали старикамъ „затворить“ свою дочь, запереть ее. И тогда она—умерла.

Тошнымъ было мнѣ тошнехонько
Грустнымъ было мнѣ грустнешенько...

Множество такихъ исторій, короткихъ и вмѣстѣ безконечныхъ...

* * *

Мнѣ нужно было посѣтить одного священника, — совершить почти сухой „визитъ“, а во всякомъ случаѣ короткій, чтобы сказать благодарность за доброе дѣло около больного, которое онъ сдѣлалъ. И онъ и его „матушка“ были молоды, одиноки, умѣренно интеллигентны. Начитаны,—онъ „даже во Владимірѣ Соловьевѣ“, она—въ медицинѣ и акушерствѣ. Все это было свѣжо и не свѣжо въ ихъ памяти; скорѣй — задернуто легкой кисейной занавѣсочкой. Они какъ будто „куда-то ушли отъ этого“. Въ первое посѣщеніе, когда мнѣ нужно

было во что-бы то ни было выпросить помощь для больного, и указана была мнѣ семья этого священника, я не засталъ его дома.—„Можетъ быть, матушка дома?“ спросилъ я.—„Матушка дома. Обождите“. И черезъ минуты три въ дверяхъ показалась лѣтъ 26-ти женщина съ сухимъ, отчужденнымъ, „ни до кого дѣла нѣтъ“ лицомъ, которой я быстро заговорилъ о своей нуждѣ и сѣлъ на диванъ, сказавъ, что „не уйду, пока не получу“. Въ нуждѣ бываешь грубъ и прямъ.

— Нѣтъ. Нé-кого послать. Нé-кого дать... Вамъ *нужно*: но *что̀* же *дѣлать*, если—нѣтъ... кромѣ сестры мужа, которая держитъ экзамены...

Она говорила точно *не мнѣ*, а куда-то „въ пространство“, сухо и высокомѣрно. И когда я снова точно закричалъ: — „Отыщите“, — то... не вслѣдствіе этого выкрика, а скорѣе отъ того, что прошло уже минуты три и она какъ-бы очнулась отъ чего-то... только я вдругъ увидѣлъ, что прежняя женщина точно куда-то „пропала“, какъ бы ушла въ землю, а предо мною стояло совершенно другое существо, съ первымъ не имѣвшее ничего общаго.

Все лицо ея выразило такую нѣжность и человѣчность, такую интимность съ вами, какъ-бы вы ее всегда знали, какъ-бы вы съ нею *всю жизнь* вели дѣла, и она *отъ васъ* уже получила много даровъ, много добрыхъ дѣлъ, а во всякомъ случаѣ — *сама* какъ-бы пресыщена дарами, и физическими, и духовными, и готова все это высыпать на васъ, на голову вамъ, на грудь, въ подолъ рубахи, въ карманы, куда угодно.

— Я—*ничего* не имѣю.

— Я—*богата*.

— Я—*никто* вамъ.

— Я—*все* для васъ.

Вотъ перемѣна. Куда *тò* дѣвалось? Откуда *это* взялось? Она не была дурна и *тогда*, только очень блѣдна и бѣла; но *теперь* даже физически она была вся—грація, прелесть, порывъ „безъ угловъ", скорѣе—полетъ какой-то. все лицо было полно улыбкой. Я кричалъ: „скорѣй! скорѣй!" Она торопилась. И минутъ черезъ 10 мы уже сидѣли съ „помощью" въ пролеткѣ. И я сказалъ, обращаясь къ „помощницѣ":

— Какая она *милая*!

— О, *вы* очень ей понравились. Я сама поражена: она совершенно *суха* и *мертва* со всѣми приходящими. Да и мы, чтò около нея живемъ, не видимъ ничего, кромѣ угрюмости: рѣдко-рѣдко она выговоритъ слово, и въ словѣ всегда этотъ тонъ:—„Вы *не нужны* мнѣ"... Тяжело. Но вы или *понравились*, или пришли *въ удачную минуту*. Счастье.

„Помощница" была курсистка, „нашъ братъ", — дѣвушка раціональная, простая, ясная.

И вотъ теперь мы пріѣхали вторично „благодарить"... Насъ, пріѣхавшихъ, было трое. Незначущіе разговоры, небольшое угощеніе; уходили, входили. Я осматривалъ квартиру, всегда интересуясь „жильемъ человѣка": ибо „по человѣку"—жилье, и „по жилью"—человѣкъ. Все хорошо, обыкновенно, церковно, но не преувеличенно церковно. Скучновато. Взявъ со стола карточку, я удивился:

— Вотъ идилія!

Внизу, на низкой табуреточкѣ, „въ ногахъ", сидѣлъ батюшка, молоденькій и безбородый еще; а на диванѣ сидѣлъ съ бородой господинъ, положивъ руку „въ полуобниманье" на совершенно тоже молоденькую матушку, а другою рукою онъ держалъ руку другой молодой женщины, которая его полу-обняла.

— Сестра и братъ ваши?

— Нѣтъ, такъ!

— Какъ „такъ“?

— Ну-же, — „такъ“: мы всѣ очень дружны. Это — „подруга“ матушки, сверстница по годамъ и одно лѣто жила у насъ, гостила. А это...

Назвалъ имя и отчество, ничего не говорившее мнѣ.

Я сказалъ:

— Точно „въ раю“...

— Да и есть „въ раю“, отвѣтилъ улыбнувшись священникъ.

Поѣхали. Дома. Близкій другъ и говоритъ мнѣ:

— Ты замѣтилъ, что Лизы не было въ комнатѣ? Удивительную сцену я видѣла. Не могу понять.

Я, осматривая квартиру, ничего не замѣтилъ въ людяхъ. Пилъ чай, ѣлъ орѣхи, балагурилъ. „Лиза“ — близкій намъ человѣкъ, дѣвушка лѣтъ 23-хъ.

— „Я устала за чаемъ, да и ты прошумѣлъ уши болтовней. И попросила священника отвести меня въ комнату, гдѣ я могла-бы прилечь и отдохнуть полъ-часа. Онъ повелъ въ боковушку: каково-же было мое удивленіе, когда я увидѣла на кушеткѣ Лизу и матушку: онѣ держали за руку другъ друга, и обѣ плакали. Лиза не просто плакала, а въ слезахъ было что-то неудержимое. Онѣ текли ручьемъ,—лицо было все мокрое... Но— не горькое и не разстроенное...

„Когда я узнала, что ничего пугающаго не произошло, то сѣла возлѣ нихъ. Онѣ все также продолжали сидѣть, держа за руки другъ друга, а матушка тихо говорила:—„Нужно быть ближе къ Богу! Нужно быть ближе къ Богу! Мы о Немъ совсѣмъ забыли, и—*всѣ* забыли. И отъ этого, отъ одного этого, что мы забыли Бога, у насъ тяжело на душѣ. У насъ и у злыхъ людей

тяжело. Вездѣ мракъ и вездѣ тоска. И отъ того одного, что *нигдѣ* Бога нѣтъ!“—„*Нигдѣ* Бога нѣтъ!“—вторила Лиза. И при шопотѣ слезы начинали еще сильнѣе литься. Вся комната, такая тѣсная и душная, была чѣмъ-то точно наполнена: слезами-ли, напряженіемъ-ли“. Помолчавъ:—„Ты знаешь, я впечатлительна: но мнѣ показалось, что Христосъ *вотъ гдѣ-то тутъ*, близко, *возлѣ насъ*“.

„Потомъ вышли, и—ничего“.

* * *

Еще раза два я видѣлъ священника. Онъ мнѣ показался ограниченнымъ и не интереснымъ. Можетъ быть оттого, что я тоже, очевидно, показался ему не интереснымъ. Всегда это взаимно. Искалъ темъ для разговора, и они не находились. Только двѣ ниточки проскользнули, ниточки-мысли, которыя я не могъ не запомнить, потому-что онѣ были мнѣ новы:

-- Вы никогда, В. В., не встрѣчались *со странниками?*

— Съ какими „странниками“?

— Такъ... Русскіе странники... Странствуютъ изъ мѣста въ мѣсто, ходятъ по монастырямъ... Уходятъ въ Святую Землю...

— И видалъ. И слыхалъ. Т.-е. видалъ, какъ они *народу что-то разсказываютъ*: но самъ въ разговоръ съ ними не вступалъ и вообще личнаго отношенія не имѣлъ.

Онъ не продолжалъ. Разговоръ оборвался.

Вопросъ мнѣ показался страннымъ въ томъ отношеніи, что онъ былъ *бѣлоруссъ* родомъ, чуть-ли не изъ уніатскихъ священниковъ; во всякомъ случаѣ, *родители* его были уніаты. Какъ „бѣлоруссу“, такъ и „уніату“—что́ до такого спеціальнаго явленія, какъ русскій „странникъ“?! Въ другой разъ онъ сказалъ разсѣянно:

— *Недостатокъ* въ Церкви собственно *одинъ*, но такой, что пока онъ есть—ничего въ ней нельзя начать и никогда ничего не выйдетъ. Митрополитъ здѣшній очень старается, чтобы духовенство было ближе другъ къ другу, но ничего у него не выходитъ, и онъ не знаетъ, какъ это сдѣлать. Недостатокъ,—что *каждый* изъ насъ *есть особое лицо*... Да и паства, прихожане, люди: всѣ—особые, каждый—особо; слитности нѣтъ, *единства нѣтъ*.

Онъ помолчалъ.

— А когда люди не слиты, всѣ порознь, то̀ какая-же это „Церковь“? И Церкви нѣтъ, потому-что нѣтъ любви.

Читатель замѣтитъ то̀, что̀ мнѣ тогда въ голову не приходило: что слова эти заворачиваютъ къ „кораблю“, къ той общинѣ „братьевъ и сестеръ“, которую я видѣлъ, и въ которой всѣ дѣйствительно были „слиты“. Но намѣтя, священникъ ничего о „корабляхъ“ не думалъ: онъ сказалъ *свою* мысль, *свое* недоумѣніе. И тутъ замѣчательно, что его *упорная* мысль: „вотъ *гдѣ* провалъ сущаго, наличнаго“,—совпадалъ съ тѣмъ, что „нашли“ для себя именуемые „хлысты“. Онъ же сказалъ мнѣ это какъ-бы въ отвѣтъ и возраженіе тому, что говорилось на Петербургскихъ религіозно-философскихъ собраніяхъ, которыя онъ не всегда, но посѣщалъ.

* * *

Съ тѣхъ поръ „наши“ стали посѣщать священника; я бывалъ тамъ мѣсяца въ два—разъ. „Наши“-же бывали на недѣлѣ два раза. Я и „хотѣлъ-бы обратить вниманіе“ на священника, о которомъ начали мнѣ говорить, что онъ „замѣчательнаго христіанскаго настроенія“,—но мнѣ было некогда. Оказывается, взрослаго члена семьи все тянула туда молоденькая дѣвушка, которая сидѣла тогда съ матушкой и плакала. Уже послѣ 3-го или 4-го посѣщенія, она съ неописуемымъ восторгомъ сказала мнѣ:

— Вы знаете, матушка и батюшка не *живутъ* другъ съ другомъ. Они только кажутся мужемъ и женою. Можетъ быть и жили въ началѣ... *Теперь* во всякомъ случаѣ не живутъ.

Поднявъ лицо, я ярко подтвердилъ это:

— Я тоже это чувствую.

Въ выраженіи лица, въ свѣтѣ внутреннемъ глазного яблока, въ фигурѣ и взаимномъ обращеніи мужчины и женщины,—всегда есть *слѣдокъ* какой-то, по коему мы безошибочно, твердо угадываемъ, *есть* или *нѣтъ* между ними половое общеніе. *Есть*,—и все, отъ лица до манеръ какъ-бы облито какимъ-то (не въ дурномъ смыслѣ) сальцомъ, влагою, потомъ-ли, запахомъ-ли. Совокупляющіеся—всѣ пахучи (не физіологически, а идейно, аллегорически, символически). Если же *нѣтъ*,—то прекрасное лицо аскета сухо, безъ влаги, безъ запаха. Ботанически это очень объяснимо: здѣсь, съ одной стороны, мы встрѣчаемъ маленькія цвѣточки, страшно пахучія (резеда, мускусъ) и, съ другой стороны,—огромные прекрасные цвѣты, издали видные—махровые, безъ пестиковъ и безъ тычинокъ, безъ плодника и безъ пыльцы. „Монашество“ есть уже въ ботаникѣ, не думайте; оттуда-то такая крѣпость и сила его въ человѣчествѣ.

Священникъ былъ мнѣ не интересенъ, но пропорціонально была мила матушка. Именно—мила, пріятна. „Братомъ“ ея и я-бы пробылъ всю жизнь; съ тѣмъ вмѣстѣ она не внушала ни единаго „косвеннаго помысла“. Просто она была прекрасный человѣкъ. Особенно меня привлекала къ ней простота. Однажды я былъ у нихъ въ церкви; народу тьма, тѣснота. И когда кончилась служба, то мы вышли (протискались) съ нею вмѣстѣ на тротуаръ. Сдѣлавъ сажень шесть по тротуару, она сняла (очевидно, непріятную ей) шляпку и, вынувъ изъ

кармана шапочку,—какъ мальчишки бѣдные носятъ, изъ манчестера,—надѣла ее. И милая, и ребенокъ вся, въ бѣдномъ черномъ пальто, пошла въ этой едва переносимой шапочкѣ. И улыбается: весело, что бѣдна и невзрачна.

Ну, хорошо. Но мнѣ дѣла нѣтъ. Только однажды „наши“ пріѣзжаютъ оттуда и заливаются смѣхомъ. Спрашиваю, „что?“—не отвѣчаютъ. Наконецъ, разсказали:

— Приходимъ, чтобы у батюшки съ матушкой напиться чаю послѣ всенощной. Но поспѣшили рано; всенощная еще не кончилось и далеко не кончилась. Входимъ, стучимъ (въ наружную дверь),—не отпираютъ. Еще стучимъ—не отпираютъ. Опять стучимъ—не отпираютъ. Звонили—нѣтъ. Сѣли на ступени...

И это—картина: сѣли на ступени, какъ пилигриммы передъ Сіономъ, или какъ „неразумныя дѣвы“ извѣстной притчи. Тутъ замѣчательна уже создавшаяся тяга—„пойти туда“; тоска—если „не пойти“...

Просидѣли минутъ двадцать, какъ извнутри послышались звуки отпираемой двери; и когда онѣ вошли въ прихожую, то увидѣли какую-то изящную даму, накидывающую на себя дорогую ротонду, и еще „такъ себѣ замухрышку“, одѣвающаго кафтанъ, и, наконецъ, хозяйку дома, „матушку“, которая съ гостями прощалась. Все произошло быстро, ничего нельзя было разсмотрѣть. „Наши“ вошли и началось обыкновенное... Разговоры, потомъ вернулся отъ службы батюшка. Чай. И—„домой“.

Тяга усилилась...

„Старшая“ изъ посѣтительницъ, которой говорили, что она здѣсь, въ повышенной церковной атмосферѣ, найдетъ „покой душѣ своей“, „здоровье“ на усталые нервы.—2—3 дня поразмышлявъ о томъ, должна-ли она „успокаивать свои нервы“ или продолжать и далѣе и еще глубже „трепать ихъ“—съ дѣтьми, въ уходѣ за ними и

досмотрѣ за ними,—рѣшила „отставать“ и „прекращать“ посѣщенія, потому что разъ *есть* дѣти и это уже *фактъ*, то разсуждать нечего и долгъ ей указываетъ, *гдѣ* быть, хотя-бы и съ „измочаленными нервами“. Младшая-же посѣтительница, безъ дѣтей и свободная, стала больше и больше вовлекаться въ посѣщенія, и уже ходила одна—или „къ церковной службѣ“, но непремѣнно—„*туда*“, или съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей, съ однимъ, съ двумя. Къ церковной службѣ, и „такъ“ вообще, къ чаю...

Я съ корректурами, писаніемъ статей и заработкомъ „хлѣбовъ“ не имѣлъ возможности пристально на этомъ сосредоточиться. Но „косымъ глазомъ“ замѣчалъ...

Это почти нельзя передать словами, нужно было видѣть во-очію.

Въ „обычный день недѣли“ сидятъ у насъ въ столовой гостя 2—3, да „мы“ (семья): и часу въ 10-мъ, въ 11-мъ входитъ „младшая посѣтительница“ дома батюшки... вся „не своя“... куда-то „отсутствующая“... какъ „покойница заранѣе“ или какъ сомнамбула, идущая по крышѣ чужого дома... съ этимъ—„не нужны вы всѣ мнѣ“... мнѣ—„нужно *одно*“. Привстанутъ, поздороваются, и она поздоровается, сдѣлавъ усиліе „къ привѣту“. И осторожно, съ „не нужно“ обойдя всѣхъ и чуть-чуть задержавшись, проходитъ къ себѣ...

Такъ тянулась зима. Раза три зашелъ и батюшка... Какъ теперь догадываюсь—„съ торжествомъ побѣдителя“: ибо рѣчей съ нимъ никакихъ не выходило. Такъ какъ батюшка—„уважаемая особа“, то я выходилъ проводить его до порога: и только потомъ сообразилъ (черезъ годъ), что для этой-то минуты прощанія онъ и приходилъ, потому-что въ столовой никакого „содержанія для прихода“ („зачѣмъ пришелъ“)—не было.

Тутъ-же происходила цѣлая церемонія: онъ вытаскивалъ отвратительную какъ лягушка пятерню свою и складывалъ пальцы для благословенія... Самъ онъ, при небольшомъ ростѣ и широкоплечій, съ тихимъ лицомъ, медлительный въ движеніяхъ,—вообще (для меня) выражалъ типъ лягушки, какъ-бы поднявшей на васъ голову (маленькій ростъ) и гипнотизирующей васъ своими стеклянными глазами. Не хотѣлось обратить вниманія. Такой человѣкъ, котораго „почему-то не слушается“ и на котораго „почему-то не смотрится“. Но на что̀ я не могъ не смотрѣть глубоко изумленный,—это на то̀, что слѣдовало за неопредѣленнымъ движеніемъ пятерни: низко и низко склонивъ высокій и прекрасный корпусъ, „царевна-дѣвица“ подставляла обѣ ладони, скрестивъ ихъ какъ для пріятія св. просфоры („артосъ“,—раздаютъ за ранней обѣдней): сейчасъ-же онъ клалъ маленькій католическій крестикъ (онъ былъ, по-роду, изъ *уніатовъ* и въ немъ были вѣянія католичества) надъ ладонями, и лягушечьей пятерни касались губы покоренной „царевны“ съ такимъ проникновеннымъ благоговѣніемъ, какъ этого въ быту не увидишь, а въ исторіи прочтешь—и не поймешь. Но у меня—корректуры, и я только косымъ глазомъ вижу; и лишь черезъ годъ, припоминая, сталъ соображать... Батюшка находился въ тайномъ идейномъ соперничествѣ со мною,—и какъ ученикъ Влад. Соловьева, и какъ „іерей“,—а въ то время (Религ. фил. собранія) я довольно соперничалъ съ ними. Онъ приходилъ, чтобы сказать и показать:

— Смотри, какъ *ты раздавленъ*, ты и *весь домъ твой*—всѣ вы *тутъ сидящіе*, со своими „Религ. филос. собраніями“. Вотъ у васъ была даровитая овца,—кровь ваша, плоть ваша. Но сказалъ Христосъ: „не отъ плоти и не отъ

крови рождается человѣкъ, а отъ *духа*“. Гдѣ-же *сила* вашей крови, вашего родства, вашего воспитанія или отсутствія воспитанія: вотъ пришелъ *Я*, носитель духа и духовнаго новаго рожденія, и родилъ духовно въ сію овцу новую вѣру, новую религію,—родилъ въ нее новую душу: и теперь она совсѣмъ—*не ваша*, а только—*моя*. И вотъ знакъ: что она согнула спину, а я поставилъ сапогъ свой на спину ея, на голову ея, на душу ея, семинарскій сапогъ въ 5 р. 50 к., и ей такъ сладко, что я держу этотъ сапогъ на головѣ ея, какъ не сладки всѣ ваши рѣчи, друзья и вы сами. И она до тѣхъ поръ только и счастлива, радуется, живетъ и дышетъ, пока прелестныхъ бѣлыхъ волосахъ (пышные, почти бѣлые) ощущаетъ мой не первой свѣжести сапогъ на своихъ волосахъ...

„Ну, что̀ дѣлать“... (безсиліе), да и „корректуры“ (некогда).

Уѣзжаемъ далеко на лѣто... Прежде шумная, дѣятельная, гордая съ переходомъ въ самолюбіе,—взяла себѣ самую маленькую, неудобную комнатку,—поселясь въ ней съ дѣвочкою-подросткомъ. И, отстраняясь отъ завязыванія какихъ-либо знакомствъ вокругъ, вся какъ-бы ушла въ себя, не обращая ни на кого вниманія...

Думы дѣвичьи завѣтныя,--
Кто ихъ можетъ разгадать.

Только мнѣ говорятъ „домашніе“, что не въ „думахъ“ дѣло, а въ молитвѣ: какъ всѣ успокоятся въ дому, все заснетъ въ дому, она *одна* или *съ подросткомъ*, а то̀ подростокъ *одинъ*, но уже очевидно по ея иниціативѣ, становятся на колѣни и молятся

... кому, неизвѣстно

какъ дивно выразился Лермонтовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы были „молитвы вообще“, „молитвенность вообще“, ну—„наша православная“ молитвенность: то отчего-бы не

ходить въ *народныя* церкви, въ наши *широкія раскрытыя* церкви, „съ такимъ дьякономъ“ и все прочее. Явно,—выразилась и выдѣлилась „тяга *въ сторону*“ безъ сомнѣнія при словахъ и именахъ обыкновенныхъ нашихъ, обыкновенныхъ православныхъ. „Христосъ“, „церковь“, „Богъ“: но все *почему-то* тянетъ куда-то, въ какую-то узкую могущественную трубу, какъ бываетъ при топкѣ печи. И вотъ „мы“, „православіе“—*здѣшнее* устье печки, такое широкое и ладное, всѣми видное и почитаемое; а тамъ, сзади,—вовсе не видимая, вовсе темная труба, другое отверстіе: тонкая труба прямо вверхъ, которая въ сущности и „производитъ огонь“, „совершаетъ топку“, ибо безъ нея печь не горѣла-бы, не пылала-бы, ничего-бы не было, ибо—нѣтъ „тяги“.

Но я не могъ не умилиться.

Чтò можетъ быть прекраснѣе и идеальнѣе образа, судьбы, какъ обращеніе и превращеніе умной, но эгоистической дѣвушки въ чудную молитвенницу, въ „заботницу“ пòдому, около дѣтей,—которая не только сама религіозна, но и дѣтей „приводитъ къ Богу“. Признаюсь, эти уединенныя молитвы я даже связывалъ съ поломъ. Думалъ, просто пришелъ „возрастъ“,—и изъ разсѣянной дѣвушки стало выростать что-то болѣе содержательное и прекрасное.

„Все хорошо“.

На этомъ мы и остановились, не углубляясь въ дальнѣйшее.

„Тяга“ однако развивалась все далѣе и превратилась въ потребность быть „непрерывно въ томъ обществѣ“. Окончилось переѣздомъ Лизы въ „тотъ районъ“ города, гдѣ была „батюшкина церковь“. Оказывается, въ „районѣ этомъ“ было еще нѣсколько прозелитокъ, самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества, которыя всѣ

въ сущности составляли „одно братство“ или, вѣрнѣе, „одно по-сестріе“, такъ какъ кромѣ священника да „уважаемаго странника“, изъ Сибири родомъ, и еще одного почтеннаго архимандрита,—крайне аскетическаго образа жизни, ученаго, съ литературными трудами,—другихъ мужчинъ въ этомъ „кружкѣ“ не было. Я называлъ—„кружокъ“: но у меня неудержимо стучало въ голову—„корабль“. Были всѣ явные признаки „хлыстовскаго корабля“, безъ его имени. „Корабль“ этотъ неудержимо узнавался по присутствію особливой въ немъ „тяги“,—именно какой-то „духовной трубы“, которая вовлекала отдѣльныя души, явно уже *врожденно-предрасположенныя*, въ свой могучій вихрь, сущность котораго оставалась непонятною, и которому явно не было силъ противиться. Формально,—ничего особеннаго. Усиленно молятся: но кому-же это „запрещено“? и *какъ* вообще это порицать? Но въ сердцевинѣ, въ „неразсказанной сказкѣ“, вовсе не это: члены „кружка“ или „корабля“ повернулись спиной ко всему міру,—и хуже, чѣмъ его „отрицаютъ“: они его вовсе не чувствуютъ, не ощущаютъ, не видятъ, не знаютъ. А „знаютъ“ только другъ друга, и вотъ „другъ къ другу“ они уже повернуты лицомъ, горячи, интимны, „не надышатся другъ другомъ“. Когда я узналъ о принадлежности сюда ученаго архимандрита,—я какъ получилъ ударъ въ голову. „*Это*-ли не православный“?—„*столпъ* православія!“ Рѣшительно *ничего* формально-укоризненнаго не было, да и *быть не могло* уже потому, что архимандритъ занималъ высоко-педагогическую должность, былъ „наставникъ и руководитель юношества въ вѣрѣ и благочестіи“, „въ догматѣ и святынѣ“... „Какія тутъ *ереси*, когда онъ всѣ догматы знаетъ, и ни отъ одного, конечно, не отступалъ“!...

...Все такъ и *было*!—явно!!

...Но была еще труба, „тяга“.

Къ *кому?* Чтò такое?

Рѣшась выяснить себѣ это, я, помолясь дома Богу (объ успѣхѣ), пошелъ къ той „красивой дамѣ“, накидывавшей на себя ротонду, когда нашихъ пилигриммовъ страннымъ образомъ не пустили въ домъ батюшки. „Она все *знаетъ*“, „она—*тамъ*“. „Пусть мнѣ отвѣтитъ,“ думалъ я, на вопросъ: „отчего они не идутъ въ открытыя наши церкви, въ народныя церкви, въ россійскія церкви, а только ютятся *около себя, другъ возлѣ друга*, въ какомъ-то, очевидно, *замкнутомъ кругу*?“ У меня была и рѣзче формула: „Извините“, хотѣлъ я сказать ей,—„въ Россійскомъ государствѣ лечатся только медикаментами, разсмотрѣнными въ медицинскомъ департаментѣ, и запрещена торговля *непровѣренными средствами*, — не провѣренными ни наукою, ни властью,—и которыя если даже и цѣлебны, то запрещены къ продажѣ оттого, что *могутъ* быть также и не цѣлебны, а—вредны“... „*Объявите*,—и я преклонюсь“, а „пока не объявлено,—вы чтò-то дѣлаете *преступное*“...

Вошелъ. Вышла. И пригласила „тутъ-же, поближе“, въ кабинетъ мужа, техника и естественника. Сѣла, и я изложилъ все, чтò хотѣлъ.

— ...Не „*провѣрено наукою*“,—вы говорите? Но наука вовсе не обнимаетъ всего, и авторитетъ ея ограничивается ея прямыми предметами. Развѣ „окончено“ тамъ, гдѣ наука „кончена“? Я такъ не думаю, и даже совершенно вѣрю и знаю, что наука не поднимается выше своего приблизительно *средняго положенія въ космосѣ*, коего стоитъ выше религія...

Это было слишкомъ убѣдительно. Я молчалъ...

—„ *Средства* науки“, вы говорите?... Вы видите меня здоровой,—надѣюсь, *такъ*?.. Чтò-же вы скажете, если я вамъ скажу, что я въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ лежала прикованною къ кровати, и ваши „медики“,—и между ними профессора и свѣтила,—ничего не могли сдѣлать мнѣ ничѣмъ меня не исцѣлили. Исцѣлила—молитва, вѣра. Я здорова. Неужели-же вы думаете, что я брошу фактъ своей жизни, который для васъ есть „мимо-идущій“ фактъ, а для меня есть сердцевина моей жизни, корень моего оживленья,—ради какихъ-то, какъ вы говорите „ученыхъ книгъ“?!—которые „учены“ и не „опровергаемы“ только до тѣхъ поръ, пока слѣдующій ученый опровергнетъ ихъ и покажетъ глупыми!.. Потому-что вы знаете, что „переломы“ въ наукѣ бывали и наука вообще „споритъ“...

Я это зналъ.

— А мое *здоровье*—неоспоримо; это—*внутренній фактъ*, коего я знаю сущность. Я была мученица и уродъ, я съ ума сходила отъ невыносимыхъ головныхъ болей. Я не въ силахъ была связать двухъ мыслей. Теперь я говорю съ вами. Тружусь... Живу...

Я окинулъ ее...

Никогда я не видалъ такой прелестной женщины. Прелестное ея было въ граціи, въ изяществѣ. Она вся очаровывала личностью, и очарованіе это лилось отъ ея искренности, теплоты, ясности ума. Въ ней не было совершенно „шаблона“ и она вся была только „своя“ и шла „своимъ путемъ“...

Одѣта—изящно. Они были богаты.

Выходя, я столкнулся уже въ прихожей со священникомъ. Онъ смотрѣлъ на меня снизу своей широкой головой, и былъ такая-же лягушка, какъ всегда. Она была какой-то улетающей въ небо птицей.—„Какая связь?! чтò общаго?!“

Позднѣе я узналъ, что „тяга“ исходила изъ Сибирскаго Странника, котораго собственно и имѣлъ въ виду полу-уніатскій священникъ, заговаривавшей со мною о „странникахъ“. Онъ интересовался не „явленіемъ странничества“, какъ фактомъ этнографическимъ или религіознымъ, какъ „фактомъ русскимъ“ и „православнымъ“,—до коего ему и дѣла не было: а спросилъ, „не видали-ли вы странниковъ“?—въ сомнамбулическомъ полетѣ своей души „вслѣдъ странника“, его *лично* и его *одного*, который и его и многихъ еще такихъ-же увлекалъ за собою...

Чѣмъ?

Тайна...

Однажды только, рано зашедши къ священнику дѣловымъ образомъ, въ будденъ, я встрѣтилъ у него за сухимъ чаемъ („безъ всего“) не тò мѣщанина, не тò крестьянина... Пока я болталъ съ священникомъ и матушкой, онъ выпилъ свою „пару чая“, ничего не говоря, положилъ стаканъ бокомъ на блюдечко („благодарю“, „больше не хочу“), и, попрощавшись, вышелъ. Это и былъ „Странникъ“,—мужиченко, сѣрѣе котораго я не встрѣчалъ.

Отъ него „тяга“?!!..

Вліяніе на непоколебимаго и ученаго архимандрита?!..

На эту изящную, свѣтившуюся талантомъ, женщину?!!..

Какое-то „свѣто-представленіе“... Чтò-то, чего нельзя вообразить, допустить...

И чтò—*есть*!! Вò-очію!!

Совсѣмъ позднѣе мнѣ пришлось выслушать два разсказа „третьихъ лицъ“, и не увлеченныхъ, и не вовлеченныхъ:

— „Разговоръ,—о какомъ-то вопросѣ церкви, о какомъ-то моментѣ въ жизни текущей церкви,—былъ въ квартирѣ о. архимандрита: и мы всѣ, я и другіе присутствующіе, были удивлены, что о. архимандритъ, всегда такой опредѣленный и рѣзкій въ сужденіяхъ, былъ на этотъ разъ какъ будто чѣмъ-то связанъ... Разговоръ продолжался: какъ вдругъ занавѣска отодвинулась и изъ-за нея вышелъ этотъ Странникъ, рѣзко перебивая всѣхъ насъ:

— „Пустое вы говорите, пустое и не то́“...

— „И дальше—какое-то „свое рѣшеніе“, намъ не показавшееся ни замѣчательнымъ, ни убѣдительнымъ. Нужно было видѣть, что̀ произошло съ о. архимандритомъ: съ момента, какъ вошелъ „Странникъ“, очевидно слушавшій все изъ-за занавѣски, его—*не было*. „*Нѣтъ* о. архимандрита“. Онъ весь поблёкъ, принизился и исчезъ. Вошелъ въ комнату духъ, „духовная особа“ такой значительности, около которой рѣзкій и властительный о. архимандритъ исчезъ и отказывался имѣть какія-нибудь „свои мысли“, „свои мнѣнія“, быть „своимъ лицомъ“, —и могъ только повторять то̀, что „*Онъ*, сказалъ“...

Вспомнишь пиѳагорійское „Αὐτὸς ἔφη“, „*Самъ изрекъ*“, „*Учитель* сказалъ“. ...Но и безъ шутокъ и „примѣровъ“,—тутъ было что-то параллельное, одинаковое въ силѣ; было что̀-то, *проливающее свѣтъ на само пиѳагорейство*... Была страшная *личная скованность, личная зависимость* одного человѣка отъ другого...

И въ *этой-то неисповѣдимой зависимости*—все дѣло...

Другой разсказъ—члена редакціи одной распространенной газеты. Хозяинъ газеты, старикъ, съ большимъ значеніемъ для всего Петербурга, захотѣлъ увидѣть этого „Странника“, о которомъ и „чудныхъ дѣ-

лахъ его въ Петербургѣ“—стали вездѣ поговаривать. Онъ пришелъ, въ своемъ армякѣ и „простонародьи“ и резиновыхъ калошахъ, въ редакцію,—„и съ нимъ эта дама“. По имени я узналъ, что эта и была тà, которую я посѣтилъ. Когда окончилась „аудіенція“, онъ сошелъ изъ второго этажа въ швейцарскую, и, называя только по имени (безъ отчества), сказалъ этой дамѣ: „Посмотри, гдѣ мои калоши“. Та заторопилась, и расшвыривая чужія калоши, отыскала „батюшкины“ и изъ своихъ рукъ подала ему. „Батюшка“ равнодушно надѣлъ и пошелъ. Она за нимъ побѣжала, какъ-бы ничего не зная и не видя изъ окружающаго.

„Не вижу, не знаю—*никого*“...

Какъ у архимандрита: „Чтò-же я?—Вотъ
залъ“... ...ство, магія,
„Дивны дѣла твои, Господи!“ ...вкѣ происходящія.
на улицахъ Пе...бурга!—лиш... ...етербургѣ?“—Возможно,
„Союзъ пиѳаг... ...и ...бмолвиться въ присутствіи
есть. ...лось о... знаго... ость этого Странника съ
Мнѣ какъ-тѣдь „личн... ...имо... удостовѣрена, потому-
священника, ...оны ничѣмъ н... ...мь *и обнимаетъ* женщинъ
нравственной онъ все *цѣлуетъ* ... ...ть вотъ *такого-то*
что за...мъ-... Тогда какъ личнос... совершенно досто-
и дѣв... ...азвалъ свою жену) *вы* ...жденіе *можно поло-*
человѣка (я ...я нравственное су...ск...
вѣрна ...на... ...жно было видѣть, ...какое это *впечатлѣніе*
житься“ ... Священникъ соверш...енно забылся, и отвѣ-
произвело ...о хотя „странник...ъ и *цѣлуетъ женщинъ*
тилъ рѣзко, ...ему нравится), но поцѣлуи эти до того,
(всѣхъ, кт... ...ы и чисты... какъ этого... какъ этого...
цѣломудре... ...ы вашей, не встрѣчается у человѣка“...
нѣтъ у ж...
Развѣ что...

Былъ „столбнякъ“. Столбнякъ мысли, воображенія, чувства. Прежде всего „столбнякъ“ *какого-то очарованія*, которое по его полной необъяснимости и какому-то всемогуществу нельзя не назвать магическимъ...

Я видѣлъ сущность дѣла: священникъ *ревновалъ* къ славѣ странника. Малѣйшее *сомнѣніе* въ „полной чести“ приводило его въ ярость, въ которой онъ забывался и начиналъ говорить грубости. „Да что̀ такое?“— „Почему о *всѣхъ* можно сомнѣваться, а объ *этомъ*, а объ *немъ*—нельзя?“

„Очаровательный Бейлисъ“ и еще болѣе—„Великій Шнеерсонъ“... У евреевъ, въ ихъ *теченіи хасидизма* ческ... секты хасидовъ“, а есть глубоко спиритуалистиесть „цад... ...ческое *теченіе хасидизма* въ еврействѣ) рящій „чудеса“. ...икъ“ ест... ...той человѣкъ, творыбу въ маслѣ, то с... ...кушаетъ, напримѣръ волосахъ запутается к... ...а ...ной бородѣ въ рыбы. Пренебрегая ѣсть этор... его, онъ ...екъ масляной цами (своими пальцами!!) ...зъ ... этотъ кусо... своими пальмасляной рыбы и переда... ...етъ какой-ниб... ...ил крошку вой Ревеккѣ“, стоящей то... за спиной его и... ...лагочестисбоку... И та съ неиз... ...ьяснимой благодар... нибудь кимъ благоговѣніемъ... ...скъ беретъ изъ его ...ь и великрошку и проглаты... ...ваетъ сама... ...лачиковъ“

„Потому-что изъ ...т... *Его* пальцевъ и съ ...го *б*роды“... и крошка уже „*свята*“...

Мы, собственно, ...имѣемъ возникнове... момента *святости*. Но этого ма...о,—начало момен..., съ котораго *начинается религія*. „Религія—*святое* м...то“, „*святая* область“, „*святые* слова“, „*святыя* жесты“ „Религія“— святой „*кру...ъ*“, кругъ „святыхъ *вещей*“. ... „святаго“ —нѣтъ религіи, а есть только ея имя. *Суть* „религіи“,

таинственное „электричество“, изъ коего она рождается и которое она манифестируетъ собою, и есть именно „святое“; и въ „хасидахъ“, „цадикахъ“, въ „Шнеерсонѣ“ и „Пиѳагорѣ“, и вотъ въ этомъ „петербургскомъ чудодеѣ“, мы собственно имѣемъ „на ладонь положенное“ начало религіи и всѣхъ религій...

Которое никакъ не можемъ *разсмотрѣть.*

„Умъ мутится“, „умъ безсиленъ“... „Ничего не понимаемъ“...

Суть „тяги“ *подобна* однако *любви.* Я и говорилъ объ „очарованіи“, которое явно чувствуется во всѣхъ „втянутыхъ“, и которому *остаются чужды всѣ не втянутые.* Это не „любовь“, но гдѣ-то *въ „параллеляхъ“ съ любовью.* Кто постигъ любовь? Она вѣдь также не разгадываема. „Онъ“ или „она“ для всѣхъ—*ничего.* „Ни мало не герой“ и не „святой“: но для того, „*кто* любитъ“, вотъ для *него* любимое лицо—вполнѣ свято, не упрекаемо, не подозрѣваемо, и притомъ „не смотря на всѣ *доказательства* противнаго“. Любовь есть „полная *вѣра*“ любящаго въ любимое. Но въ „любви“ этому особенному „изводу религіи“ мы имѣемъ именно только параллель, а—*не тожество* и *не единство.* Въ „изводѣ религіи“ содержится какое-то *высшее очарованіе,* полное идеальныхъ и идеалистическихъ моментовъ. „Онъ *научилъ меня молиться*“, „онъ меня *исцѣлилъ*“... „Онъ *спасъ мою душу* отъ пустоты, отъ суеты“... „Онъ *вывелъ меня изъ грѣха*“... Вотъ отчего Ревекка ѣстъ кусокъ съ бороды цадика... Тутъ „кусокъ“ не самъ-по-себѣ. Тутъ—„цадикъ“, „свѣтъ изъ него“: „по его молитвѣ я стала угодна Богу и онъ снялъ съ меня поношеніе Израиля—*безплодіе*“ (забеременѣла, стала имѣть дѣтей)... Для насъ-же, христіанъ, онъ „открылъ свѣтъ правды“, свѣтъ „нравственнаго міропорядка“, научилъ „долгу и добро-

дѣтели“. „Цадикъ-Пиѳагоръ“ открылъ „гармонію чиселъ и музыку сферъ небесныхъ“... *Каждому* народу его „цадикъ“ приноситъ лучшее и высшее, что онъ *угадывалъ* сердцемъ своимъ въ вѣкахъ... въ цѣлыхъ вѣкахъ. Напримѣръ, русскимъ показалъ великій *образъ смиренія.* Можетъ быть высшая красота смиренія?—Можетъ быть!.. „Святымъ“ у китайцевъ будетъ особенно трудолюбивый человѣкъ, великій садоводъ и цвѣточникъ. Въ знойной Индіи—сонъ, дрёма (Будда, буддизмъ). Грекамъ Пиѳагоръ далъ „мудрость“, евреямъ устраиваетъ общее „плодородіе“. У насъ?..

Русскіе пути очень разны и отчасти еще не опредѣлились по молодости сложенія націи. Но *смиреніе* кажется входитъ въ составъ нашей непремѣнной святости.

У евреевъ „святѣйшій“ Авраамъ имѣлъ женъ и наложницъ: и у „плодовитаго“ народа это не было вмѣнено ему ни въ какой грѣхъ.

„Грѣхъ“,—если-бы онъ „уклонилъ сердце отъ Бога своего“; но онъ—не уклонилъ. Авраамъ не уклонилъ, Іаковъ не уклонилъ. А Іаковъ жилъ одновременно съ двумя сестрами-женами и пользовался двумя ихъ служанками. „Невообразимо“ для русскаго.

. . . .

. . . .

Странникъ, о коемъ я упомянулъ, утонулъ въ морѣ анекдотовъ о немъ, которыхъ чѣмъ болѣе—тѣмъ гуще они заволакиваютъ отъ насъ существо дѣла. „Всѣ русскіе—разсказчики, а не мыслители“. Между тѣмъ здѣсь великая тема для мысли и для любопытства. Мы конечно имѣемъ передъ собою „что̀-то“, чего совершенно не понимаемъ, и что̀ натурально—*есть*, реально—*есть*; что̀ *присутствуетъ* въ этомъ странникѣ. „Анек-

доты“, каждый порознь — не объяснимы. Анекдотъ *самъ-изъ-себя*—не объясняется. Значитъ, онъ объясняется изъ чего-то *третьяго*, позади его и au fond существующаго. Въ этомъ-то и заключается *главное*,—и чѣмъ выше гора анекдотовъ, тѣмъ всѣ они становятся необъяснимѣе, и тѣмъ это *главное* выростаетъ въ силѣ и значительности. „Значитъ, *есть* что-то невѣроятно *огромное*, если на плечахъ своихъ выдерживаетъ такую массу анекдотическаго, наружно смѣшного матеріала, и ни мало не гибнетъ подъ нимъ“.

Одно, что̀ можно *объективно* замѣтить въ Сибирскомъ Странникѣ, замѣтить „научно“ и не проникая въ корни дѣла,—это что̀ онъ поворачиваетъ все „благочестіе Руси“, искони, но *безотчетно* и *недоказуемо* державшееся на корнѣ аскетизма, „воздержанія“, „не касанія къ женщинѣ“, и вообще *разобщенія половъ*,—къ типу или вѣрнѣе къ музыкѣ азіатской религіозной лирики и азіатской мудрости (Авраамъ, Исаакъ, Давидъ и его „псалмы“, Соломонъ и „пѣснь пѣсней“, Магометъ),—не только не разобщающей полы, но въ высшей степени ихъ соединяющей. Всѣ „анекдоты“, сыплющіеся на голову Странника, до тѣхъ поръ основательны, пока мы принимаемъ за что-то окончательное и универсальное „свою русскую точку зрѣнія“, — точку зрѣнія „своего прежняго“; и становятся безсильны при воспоминаніи о „псалмахъ Давида“, сложенныхъ среди сонма его окружавшихъ женъ. Думать, однако, что „дѣйствительный статскій совѣтникъ Спицынъ, женатый на одной женѣ“, какъ *религіозное лицо* стоитъ выше, нежели на какой высотѣ стояли Давидъ или Соломонъ,—нѣтъ возможности. Всѣ эти „одноженные господа“ суть именно „господа“ и даже „г.г.“, а не религіозные типы, не религіозныя лица. Странникъ

чрезвычайно отталкиваетъ *европейскій типъ* религій,—и „анекдоты“ возникли на почвѣ великаго *удивленія, какъ можно быть* „религіознымъ лицомъ“, имѣть посягательство на имя „святаго человѣка“, при такихъ ...„случайностяхъ“. Но, вѣдь, „взявъ анекдотъ въ руки“ и вооружившись настроеніемъ анекдотиста— это-же самое можно-бы разсказать о Магометѣ, о Соломонѣ, о Давидѣ, объ Іаковѣ и Авраамѣ, которые однако были *близки къ Богу* и явили „знаки“ своей близости. Вотъ эти-то „знаки“ есть очевидно и у Странника: ихъ читаютъ тѣ, кому это *открыто*. Это не „псалмы“, которые всѣ могли-бы *прочесть*. Такимъ образомъ у него нѣтъ „знаковъ“ *всеобщей убѣдительности*. У него есть какое-то *дѣло жизни*... Какое? „Исцѣлилъ“ и „научилъ молитвѣ“— вотъ все, что̀ пока опредѣленно извѣстно...

Но это „исцѣлился“—*личная* сторона дѣла. Но есть еще „исторія“... Въ *исторіи* Странникъ явно совершаетъ переворотъ, показывая намъ свою и азіатскую вѣру, гдѣ „все другое“... Потому-то его „нравы“ перешагнули черезъ край „нашего“. Говоря такъ, я выражаю *отрицательную* („*не* европейская“) суть дѣла. Въ чемъ-же лежитъ *положительное*? „Не вѣмъ“. Серьезность вовлекаемыхъ „въ вихрь“ лицъ, увлекаемыхъ „въ трубу“—необыкновенна: „тяга“ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что мы не стоимъ передъ явленіемъ „маленькимъ и смѣшнымъ“, что передъ глазами Россіи происходитъ не „анекдотъ“, а *исторія* страшной серьезности.

Но въ „узелъ“ дѣла мы заглянуть не можемъ...

. . . .

Но не таковъ-ли и вообще человѣкъ? Каждый имѣетъ свою „потаенную исторію“: а *какъ* она связывается и соединяется съ его явной, большой, дневной исторіей, сплетенной изъ подвиговъ, изъ героизма и изъ святого?

Исторія и есть „священная исторія“,—не однихъ евреевъ. Вѣдь около всякаго дневного и явнаго—есть ночное и укрываемое. Никто не пытался связать „ночь“ человѣка съ его „днемъ“. А связь есть: *день* человѣка и *ночь* его составляютъ просто *одного человѣка*, который днемъ совершаетъ „подвигъ“ и ночью—казалось-бы „совсѣмъ другое“. *Другое-ли*?—въ этомъ весь вопросъ. И природѣ далъ Богъ зòри, утреннюю и вечернюю, тьму и свѣтъ, звѣзды и солнцу, *миріады* тѣхъ и это *одно*... И конечно—все *разно*: но—ничто *худо*. Но не *такъ*-ли же съ исторіей и съ человѣкомъ?.. Вѣрны-ли наши *европейскія* точки зрѣнія?..

Онѣ очень *привычны*... Но привычка—*не истинна*...

. . . .

. . . .

. . . .

Я не назвалъ по имени Странника, его имя на устахъ всей Россіи. Чѣмъ кончится его исторія—неисповѣдимо. Но она уже не коротка теперь, и будетъ еще очень длинна. Но только никто не долженъ на него смотрѣть, какъ на „случай“, „анекдотъ“, какъ на „не разоблаченнаго обманщика“. *Кто его знаетъ*—передъ тѣми все „разоблачено“: и однако „тяга“, „труба“—остается.

1913 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

